

ПИОНЕР 3

МАРТ • 1977 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

В 1936 году в совет географического общества «Компас» при журнале «Пионер» входили видные ученые нашей страны. Среди них был и академик — отважный полярный исследователь Отто Юльевич Шмидт. Но прежде чем стать всемирно известным ученым, он, как и многие из вас, в детстве и юности много размышлял над тем, как прожить жизнь, что можно успеть сделать, какие книги прочитать. Молодой Шмидт составил для себя специальную программу. Когда он подсчитал, сколько для этого потребуется времени, то получилась огромная цифра — *900 ЛЕТ*. Где выход? Будущий ученый оставил в своем списке самое необходимое. Снова подсчитал. И снова получилось *500 ЛЕТ*. Тогда он оставил в своей программе лишь то, на что, по его расчетам, необходимо было *150 ЛЕТ* — две человеческие жизни. И за 60 лет он выполнил все, что задумал! Только для этого будущему академику пришлось вести счет времени не на недели, дни и годы, а на минуты. Отто Юльевич Шмидт не терял времени зря, на пустяки.

А теперь давай вместе подумаем над тем, как ты и твои друзья расходуют время, особенно свободное. Для того чтобы подсчитать свое свободное время, из 24 часов вычти время на сон, еду, занятия в школе, подготовку домашних заданий и помощь родителям по дому. У каждого из вас получится разное количество часов. И плюс еще выходные дни, каникулы. А это уже немало! Это — богатство, которое многие тратят просто бездумно: часами болтают с друзьями, слоняются без дела, просиживают у телевизора и смотрят все передачи подряд... А сколько интересного вокруг тебя! Новые увлекательные книги, выставки и музеи, экскурсии по памятным местам твоего родного города, района, коллекционирование марок, значков, занятия спортом, туризмом, рисование, работа в кружках Дома и Дворца пионеров — да разве можно перечислить интересные и полезные дела, которыми ты можешь заниматься в свободное время!

Но некоторые думают так: «Еще успеется, жизнь-то долгая. Что зря торопиться...». И остаются непрочитанные книги, журналы, неувиденные шедевры мирового искусства,

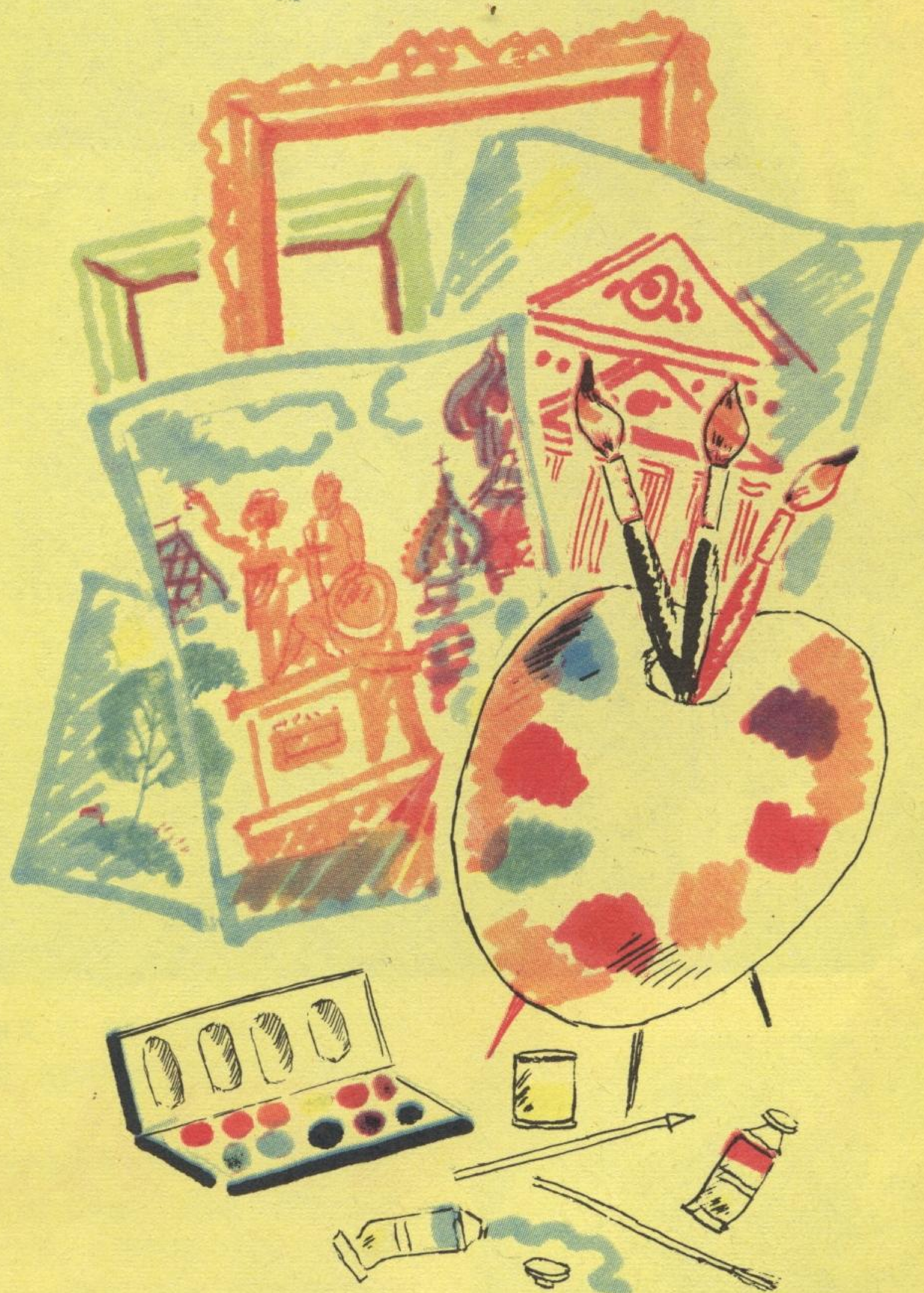

непознанные тайны природы. Такие ребята еще в детстве обкрадывают сами себя.

Но разве можно все успеть, скажет кто-то из вас, если ежегодно выходят сотни тысяч новых книг, открываются десятки выставок... Конечно, все успеть сделать невозможно. Попробуйте, как академик Шмидт, составить для себя свой режим дня, свою программу действия не на всю жизнь, а хотя бы вначале на год, посоветуйтесь со старшими. И тогда в вашем списке появятся названия фильмов, спектаклей, книг, которые необходимо прочесть, интересных мест, где вы еще не бывали. Если кто-то из вас значкист ГТО, то пусть в списке появится спортивный разряд, который хочется получить.

Время бежит стремительно и незаметно. Торопись познавать мир, окружающий тебя, цени свое свободное время!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

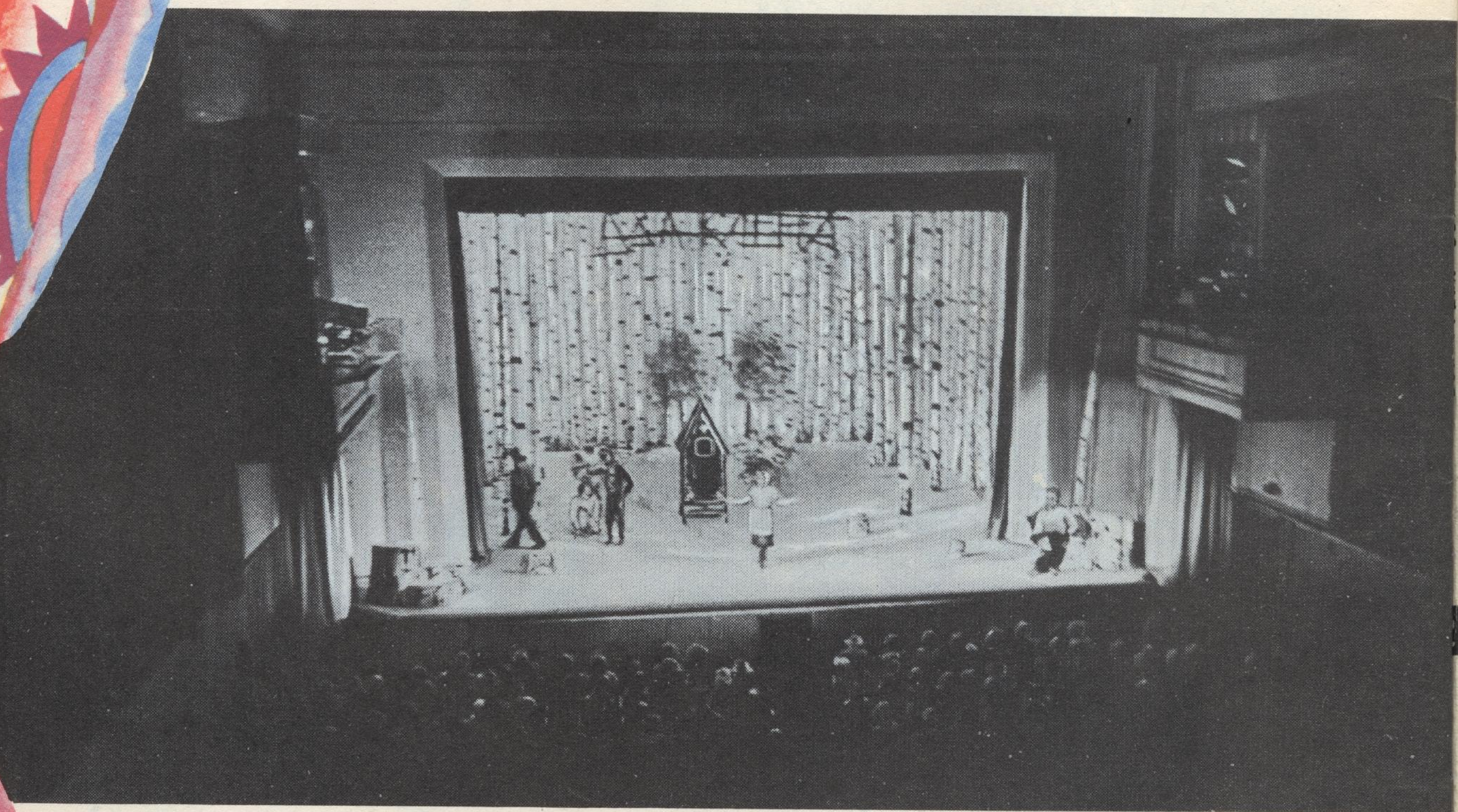
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»

ТЕАТР — ЭТО

ПРАЗДНИК

ИНТЕРВЬЮ
С ГЛАВНЫМ РЕЖИССЕРОМ
МОСКОВСКОГО
ТЕАТРА ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ
Ю. Е. ЖИГУЛЬСКИМ

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Фотографии
С. ЛИДОВА и П. НАДЕЖДИНА.

Корреспондент. Юрий Ефимович, я знаю, ваша творческая биография начиналась с актерской деятельности. Вы много и успешно играли в драматических театрах, ставили серьезные, глубокие спектакли. А сейчас вы главный режиссер ТЮЗа. Чем вас заинтересовал детский театр?

Жигульский. Вот вы сказали, «серьезные и глубокие спектакли», имея в виду постановки в драматических театрах для взрослого зрителя. И, конечно, не случайно. Существовала одно время легенда о том, что детский театр — это несерьезно. И хотя времена те давно прошли, все-таки нет-нет и проскользнет некоторая снисходительность по отношению к театру для детей. Лично для меня работа в театре является смыслом всей моей жизни, моим призванием и моим счастьем. Я утверждаю, что это самый нужный, самый интересный и вместе с тем самый сложный театр.

В одной из пьес Виктора Сергеевича Розова говорится о том, что человек рождается дважды: первый раз — физически, второй — духовно. Смысл жизни нашего театра — помочь этому второму, моральному, нравственному рождению человека. И что может быть ответственнее, сложнее и вместе с тем благороднее, чем возможность участвовать в формировании внутреннего мира молодого человека, в воспитании культуры чувств его, в создании юного гражданина нашей страны.

Я глубоко убежден, что в мире нет интереснее театра, чем театр для детей. Увлекателен и разнообразен его репертуар. Посмотрите, к примеру, на нашу афишу. Для детей младшего возраста мы играем сказки Евгения Шварца «Два клена» и «Красную шапочку», «Нахаленка» по Михаилу Шолохову, а сейчас с волнением готовимся к постановке пушкинской сказки «О царе Салтане».

Подростки могут увидеть у нас «Тома Кенти» Сергея Михалкова, «В порядке обмана» Агнии Барто и «Путешественника» Рустама Ибрагимбекова.

Большое место в нашем репертуаре занимают произведения для старшеклассников, учащихся ПТУ, студентов, и, наконец, для самого «взрослого» нашего зрителя — педагогов и родителей. Здесь и «Любовь необъяснимая» Н. Йорданова, и «Последние» М. Горького, и «Мой брат играет на кларнете» Анатолия Алексина, и «Простые парни» Евгения Григорьева.

И все же главное не в разнообразии репертуара, а в том эмоциональном заряде, который получает наш зритель. Если мы выбираем сказку, то считаем, что она должна быть самой лучшей, музыку к ней должны писать самые талантливые композиторы, а играть все роли в ней обязаны самые одаренные актеры.

Я мечтаю о том времени, когда наш театр сможет рассказать ребятам об Илиаде и Одиссее, познакомить их с мифами Древней Греции. Мы стремимся знакомить ребят с шедеврами мировой и советской классики.

В детском театре имеют право работать только люди, беззаветно влюбленные в свое дело, щедрые душой и сердцем, отдающие все свои силы, знания, талант и опыт делу, которому они служат. Хочется напомнить о том, что многие лучшие представители нашего искусства и культуры принимали самое непосредственное участие в создании советского театра для детей. О высоком назначении такого театра говорили К. С. Станиславский, А. В. Луначарский, по указанию и при активном содействии которого и было построено здание Московского ТЮЗа, где мы сейчас играем.

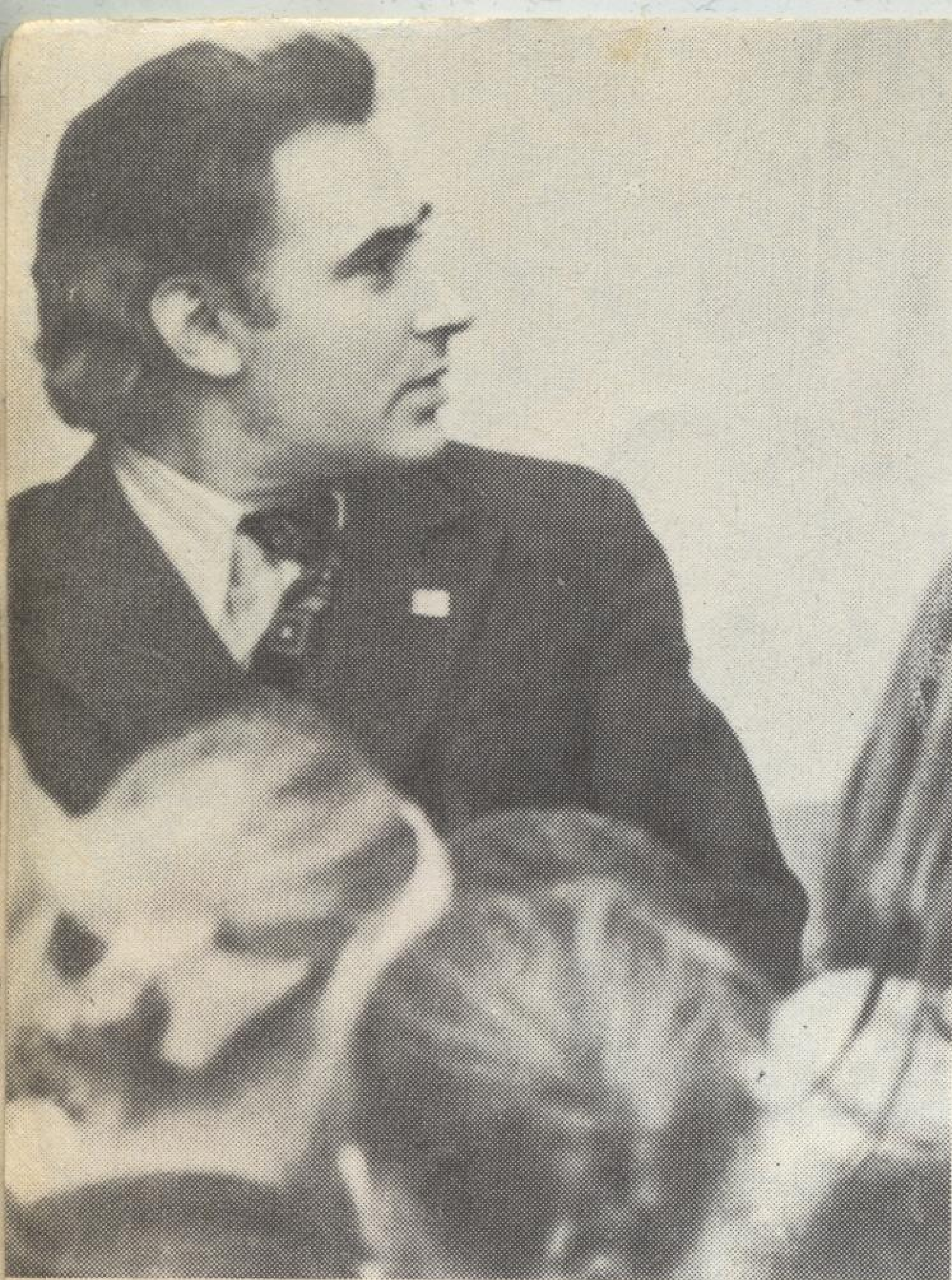
В первом спектакле для детей — сказке Р. Киплинга «Маугли» вышли на сцену тогда еще совсем молодые, а ныне известные всем читателям вашего журнала замечательные актеры: народная артистка СССР Мария Николаевна Бабанова и народный артист СССР Игорь Владимирович Ильинский. В детском театре начинали свою сценическую деятельность В. Топорков, Б. Чир-

Настроение зрителей передается актерам. Актеры говорят: «Сегодня хороший зритель».

Главный режиссер МТЮЗа Юрий Ефимович Жигульский часто встречается со зрителями.

ков, Н. Черкасов и другие. В спектакле «Соловей» по сказке Андерсена пела Валерия Барсова.

И еще, возвращаясь к нашей повседневной работе, мне хотелось бы сказать о той сложной и, казалось бы, своеобразной миссии, которую нам приходится выполнять ежедневно и без которой наш театр не может быть жизнеспособным. Я имею в виду подготовку юного зрителя к встрече с театральным искусством.

Корреспондент. То есть к спектаклю должен быть готов не только актер, но и зритель? Как же готовиться к спектаклям ребятам?

Жигульский. Конечно, не так, как к уроку. Если мы говорим о классическом произведении, хорошо было бы, чтобы ребята заранее знали первоисточник, были хотя бы вкратце знакомы с творческой биографией автора, с другими его произведениями, эпохой, в которую жил писатель. Такое предварительное знакомство помогло бы зрителю воспринимать спектакль глубже, а не просто следить за развитием сюжета. Но еще важнее для нас эмоциональная подготовка, подготовка чувств к восприятию того, что ребята увидят на сцене. Современные школьники — люди занятые, у них множество разных дел, проблем, которые они решают постоянно. Так вот, необходимо научиться отключаться от повседневности. Театр — это тайна. И если наш зритель, войдя в зал, с трепетом и волнением будет ожидать того мгновения,

На афише театра множество разных спектаклей и среди них «Нахаленок», «Красная шапочка», «Три мушкетера».

В Клубе любителей театрального искусства при МТЮЗе ребята горячо обсуждают спектакли.

когда откроется занавес, чтобы стать участником прекрасного, увлекательного действия, мы можем считать, что добились цели.

Некоторые ребята, собираясь в театр, берут с собой деньги. Вроде бы несущественная деталь. Какое отношение деньги в кармане зрителя имеют к тому, что происходит на сцене? Представьте себе, самое непосредственное! Если у подростка рубль, а это большие деньги для него, то он сидит, как на иголках и ждет антракта, чтобы поскорее истратить свой «капитал». Все это мешает ему, рассеивает внимание, отвлекает от того, что происходит на сцене.

Корреспондент. Как зритель участвует в спектакле? Чем он мешает и чем помогает актеру?

Жигульский. Вы даже представить не можете, какое влияние оказывает зритель на ход спектакля. Вот, скажем, молчание зала. Молчание может стать высшей наградой актеру. Не аплодисменты, не крики, а напряженное, вдохновенное молчание. Ничего нет дороже! Такое молчание означает, что контакт со зрителем установлен, твое искусство волнует его, проникает в умы и сердца. И актер «выкладывается», все свое сердце, всю душу отдает такому зрителю.

Но бывает другое молчание — равнодушное. Нет напряжения в зрительном зале. Зрители сидят, смотрят и... скучают. Кто-то шуршит бумажкой, где-то падает номерок. И вот актер теряется: «Не то делаю! Меня не понимают, не слушают!»

Зритель — это всегда соучастник спектакля. Без зрителя нет театра, нет живого театрального искусства. Вот, скажем, в кинофильме актеру все равно, что сейчас, в настоящий момент, делаете вы. На него, на его игру уже не подействует ваше состояние. Вам может нравиться фильм, и, наоборот, вы можете возмущаться и даже выключить телевизор, уйти из кинозала, но раз и навсегда зафиксированное на пленку уже не изменится от вашего к нему отношения.

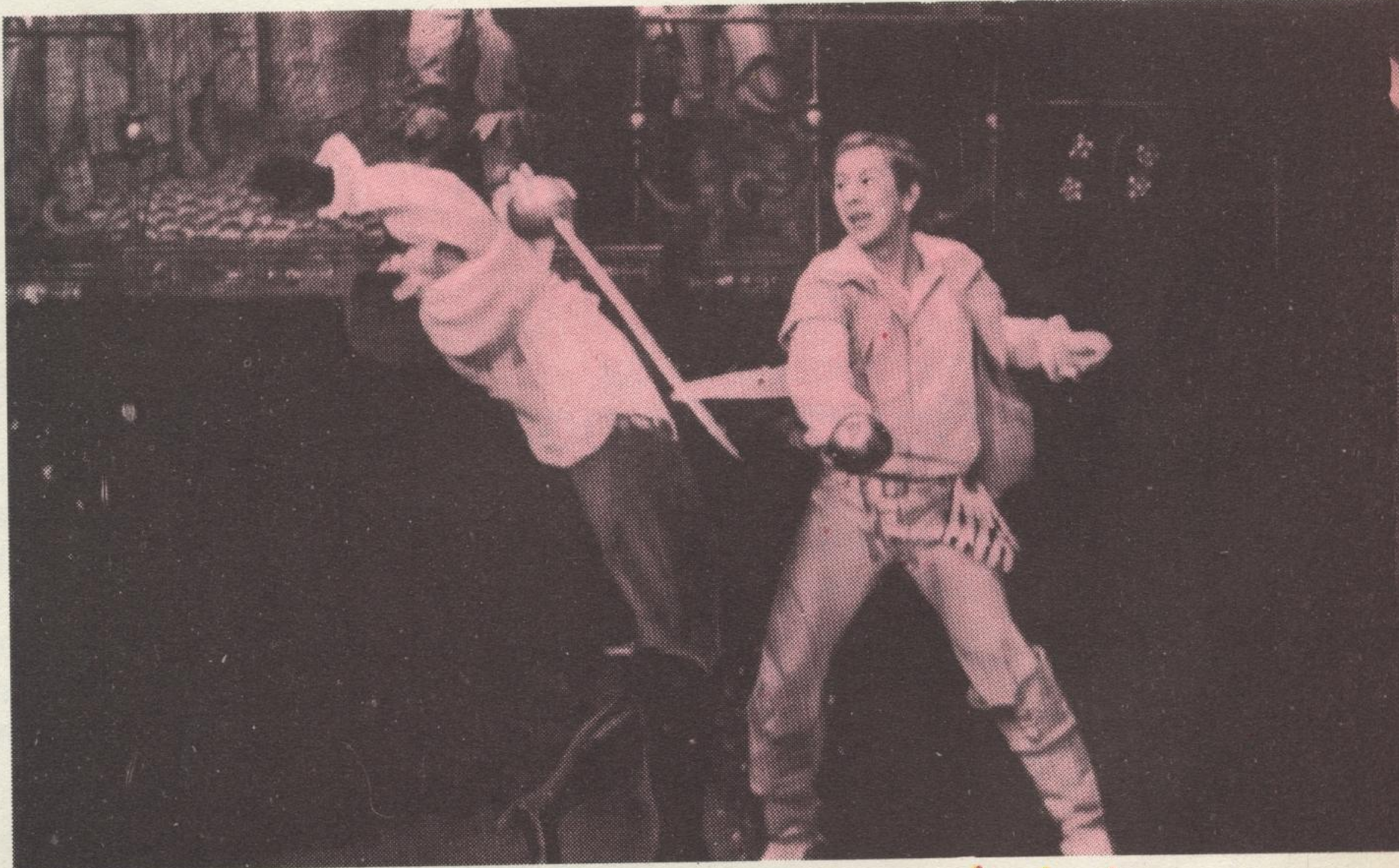
В театре настроение зрителя обязательно непосредственно передается актеру. Часто актеры говорят: «Сегодня был хороший зритель» или: «Неинтересный зритель». Когда ребята следят за каждым движением, когда зал вдруг затаил дыхание, актера поднимает, точно на крыльях. А один неуместный смешок может перечеркнуть многодневную работу.

Корреспондент. Как вы связаны со зрителем помимо спектакля?

Жигульский. У нас есть Клуб любителей театрального искусства. Основная задача клуба — познакомить его участников с процессом создания спектакля. При клубе работают секции, проводятся конференции, ребята встречаются с режиссером, художником, композитором, актерами; они знакомятся с работой различных цехов: гримерного, костюмерного, осветительского, бутафорского и других. Все это помогает им полнее почувствовать спектакль, правильно его оценить.

Конечно, хотелось бы, чтобы любителей театрального искусства становилось больше и больше, чтобы встреча с театром происходила не только в самом театре. Формы могут быть различными: это и организация театральных музеев, выставок в школе и самодеятельный театр — он может быть школьным, а может возникнуть и во дворе. Просто игра в шарады — игра давняя, можно сказать, старинная и, как мне кажется, незаслуженно забытая: шарада — это начало театра.

Нам бы очень хотелось, чтобы внутренний мир ребят, их чувства постоянно, ежедневно шлифовались от соприкосновения с искусством. Все хорошо знают, что для здоровья тела нужна ежедневная зарядка. Для здоровья души, для того, чтобы чувства не оскудели, а душа не очерствела, тоже нужна зарядка. И такой зарядкой души является мир прекрасного. Искусство театра поможет раскрыть себя, поможет второму — духовному рождению человека.

Что за люди
живут
в твоем районе?
А в твоем доме?
Или
в доме напротив?
Участник
Октябрьской революции?
Солдат,
штурмовавший
в 1945-м рейхстаг?
Строитель
Красноярской ГЭС?
Ты их знаешь?

М. МАТВЕЕВА

Взрослые,

Михаил Матвеевич Кокорушников, человек, который слушал речь Ленина, живет неподалеку от 174-й горьковской школы. Для нас сейчас III съезд комсомола — история. А для Михаила Матвеевича — незабываемое событие, которое определило его судьбу.

До революции Михаилу не довелось учиться, окончил он только один класс церковно-приходской школы. Служил матросом на маленьком судне, а в октябре 1920 года был послан на съезд делегатом от нижегородской комсомолии.

Вы, конечно, хорошо знаете речь В. И. Ленина, обращенную к молодежи, помните, какую задачу Владимир Ильич поставил перед молодыми людьми Страны Советов: учиться, учиться коммунизму.

Вернувшись домой в Нижний, Михаил Кокорушников поступил на рабфак, потом окончил вечерний институт,

аспирантуру, защитил диссертацию. Конечно, это произошло не сразу, потребовалось много лет упорного труда, прежде чем Михаил Матвеевич стал заведующим кафедрой теплотехники и гидравлики.

Может показаться: необычная судьба. Но если хорошо подумать, не такая уж редкая для нашего Советского государства, для нашего образа жизни.

Рассказ Михаила Матвеевича ученики 7-го «А» записали на магнитофонную пленку, а Светлана Воробьева посвятила М. М. Кокорушникову стихи. Эта запись и эти стихи стали первыми экспонатами классного музея.

Виктор Андреевич Новосёлов (дедушка Сережи из того же 7-го «А») строит Горький сорок пять лет. Он построил почти все дома, в которых живут семиклассники, и детский комбинат, и школу, и котельную, и вообще весь микрорайон. Ребятам он подарил две фотографии, которые ему особенно дороги. На первом снимке — дорога, пустырь и один-единственный недостроенный дом. На втором семиклассники узнали свои Щербинки: вот 174-я школа, вот детский комбинат «Солнышко», вот магазины, вот их дома. Все это на том месте, где когда-то был пустырь.

Эти снимки теперь тоже стали экспонатами их музея.

Не шелохнется класс. Внимательно слушают ребята рассказы Виктора Андреевича Новоселова. И о том, как был он в двадцатые годы пионером, и о том, как воевал в саперной роте, и о том, как строил их родной город.

Татьяна Валентиновна Трофимова — учительница пения 174-й школы. И хороший товарищ для всех ребят. С Татьяной Валентиновной обо всем на свете можно поговорить, и посоветоваться, и посмеяться. И не догадывались поначалу ребята, какая нелегкая у нее была судьба.

Десятилетняя Таня оказалась одна в оккупированном Минске. Фашисты угнали ее в Германию, бросили в концлагерь, держали там два с половиной года. Не выжить бы ей, если б не молодые девушки и ребята, комсомольцы, попавшие в тот же концлагерь по доносам предателей. Они взяли всех детей под свою опеку, подкармливали их, подбадривали, учили писать и считать. И учили мужеству.

Сколько бы ни слушали ребята пленку с рассказом Татьяны Валентиновны, всякий раз комок подступает к горлу.

рядом с которыми мы живем

Передо мной сочинения пионеров 174-й школы. Сочинения-раздумья о советском характере, о советском образе жизни. Ребята рассказывают не об исключительных подвигах и необычных судьбах, они говорят о тех, кого хорошо знают, о своих родителях, бабушках и дедушках, об их отношении к труду, об их доброте, чуткости и бескорыстии. Школьники размышляют о мире взрослых и гордятся им. И еще: если внимательно читать эти сочинения, угадываешь характер самих ребят, видишь, что растут они совсем неплохими людьми, советскими людьми.

Давайте вместе прочтем эти сочинения.

ХЛЕБ ЦЕЛИНЫ

В 1956 году мои мама и папа были студентами Рязанского радиотехнического института. Летом они добровольцами поехали на уборку целинного хлеба. Поезд, украшенный ветками, гирляндами и плакатами «Даешь хлеб!»,

отходил от станции под музыку оркестра. Это был «зеленый» поезд: путь для таких поездов всегда открыт.

В одном из целинных колхозов студенты убирали пшеницу. Мама научилась водить машину, работать копнильщицей, а папа стал комбайнером. Работали комсомольцы много, редко удавалось им выспаться.

В конце сентября в степи начались заморозки. По утрам поля покрывались инеем. Надо было поскорее собрать урожай, и комсомольцы несколько суток подряд работали и днем и ночью.

Надя Филатова, 6-й класс «В»

ДЕТИ БАБЫ ОЛИ

После войны моя бабушка, баба Оля, работала в детском доме. Там воспитывались ребята, которые во время войны потеряли родителей. Бабу Олю дети очень любили. Некоторые даже звали ее мамой, делились с ней своими секретами, а на праздники баба Оля всегда приглашала кого-нибудь из детдомовских к себе в гости, хотя у нее самой было четверо детей.

Моя мама хорошо помнит одного мальчика, Вадика. Он из многих детских домов убегал, а к бабе Оле привязался, полюбил ее, начал хорошо учиться, после семилетки поступил в техникум, стал хорошим специалистом и часто потом приезжал к бабе Оле.

Наташа Новожилова, 4-й класс «Б»

ПРИБОРЫ НАДО БЕРЕЧЬ

Я хочу рассказать о том, как советские люди бережно относятся к машинам, на которых работают, к рабочим инструментам.

На заводе имени Фрунзе, где работает мой папа, в одном из цехов рабочий, выключая после смены прибор, услышал громкий щелчок. Для проверки он снова повернул рубильник. Прибор не работал. Было семь часов вечера. Рабочий разобрал прибор и починил его только к десяти. Конечно, легче было бы уйти домой, а утром взять на складе новый прибор. Но если каждый будет так поступать, приборов не напасешься. Зачем брать новый, если можно починить старый.

Дима Семериков, 5-й класс «В»

НОЧНАЯ СМЕНА

Прошлой зимой после смены папа, как всегда, поехал в гараж сдать машину, на которой он работал. В проходной он услышал, что крановщик заболел, а надо срочно сгружать плиты, иначе все дело остановится. И папа решил: надо помочь. Он попросил крановщика не беспокоиться и идти домой, а сам, хоть он за день и устал, поехал на железную дорогу. Там вагоны с плитами стояли уже несколько часов. Разгрузили их только к трем часам утра.

Вернулся домой папа под утро и скоро снова пошел на работу.

Сергей Жоганов, 5-й класс «В»

Присмотрись к самому себе

На пионерском сборе ребята из 7-го «А» беседовали о том, чему научились они у старших, о своем характере, об умении дело доводить до конца, заботиться об окружающих людях, радоваться радости друга и еще о многом, что делает человека настоящим человеком.

— У нас был самый дружный отряд в Артеке,—сказал **ОЛЕГ ГУСЕВ** (он был делегатом VII Всесоюзного пионерского слета).— Даже во время игр и соревнований, когда нам приходилось участвовать в разных командах, проигравшие никогда не завидовали победителям. Ребята из других стран удивлялись: «Чему вы радуетесь? Вы же проиграли». Мы объясняли им: «Мы радуемся за друзей».

ИРА ЕГОРОВА так считает: очень важная черта в характере человека — требовательность к себе. Почему все любят Светлану Счастливцеву? Она лучшая звеньевая дружины. Она веселая, выдумщица, все успевает. И звено расшевелит, и с октябрятами сбор проведет, и уроки всегда выучит, и всем поможет. Если она кому-нибудь замечание сделает, никто не обижается, потому что Света справедливая: к себе относится строже, чем к другим.

ЛАРИСА СТРЕЛЬНИКОВА. Перед сбором мы расспрашивали родителей об их работе. Мы были на заводе у шефов, видели, как работают они. А давайте подумаем, как мы относимся к своему главному делу — учению. У нас бывает так: получит ученик двойку и считает, что это его личное дело, что не должен он отчитываться перед одноклассниками. А если бы швея на фабрике криво сшила воротник рубашки, разве это было бы только ее личным делом? Она подвела бы всю бригаду. Через три-четыре года мы пойдем работать. И именно от нас будет зависеть, хорошо ли сшитые платья поступят в магазины и самого ли отличного качества детали выйдут из-под наших рук. Нам уже сейчас надо готовиться к самостоятельной взрослой жизни.

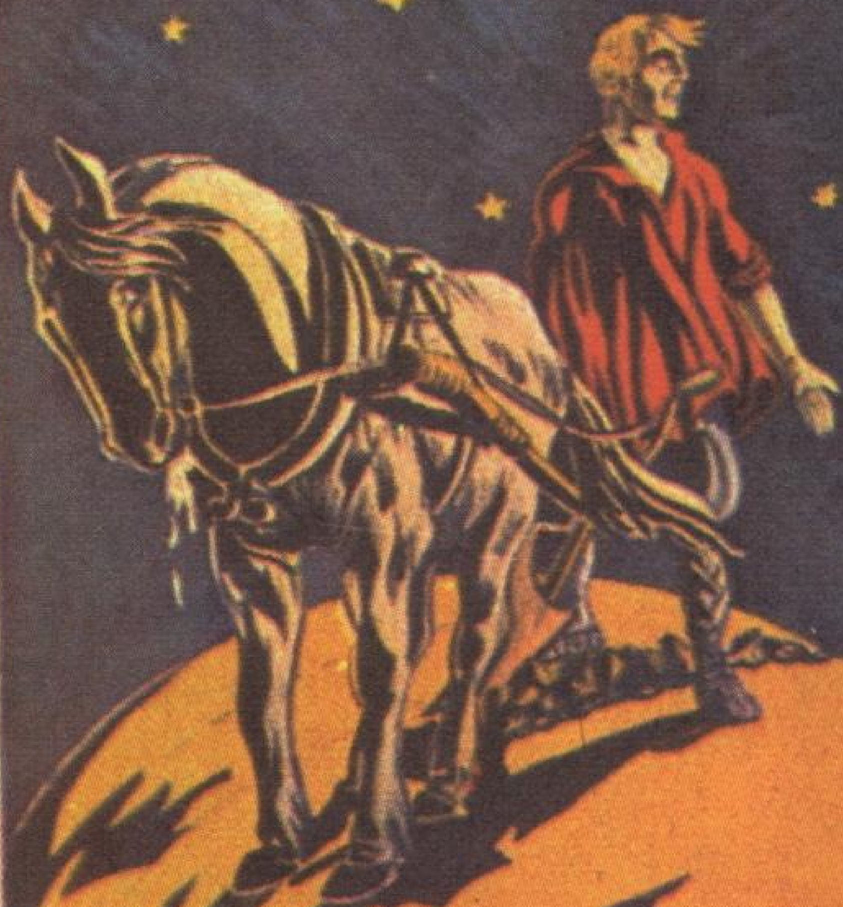
Я слушала разговор ребят, видела, как внимательно вглядываются они в себя, как сверяют свои поступки с поступками взрослых людей, которых уважают и которым верят, и думала о том, какие славные они все, пионеры 174-й горьковской школы, характер которых складывается советским.

Слушайте голос революции!

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

Шел суровый 1918 год... На молодую Советскую республику надвигались гражданская война, разруха, голод.

Надо было защищать революцию, надо было одевать и кормить страну и Красную Армию, надо было бороться с голодом и болезнями.

Судьба революции, судьба Советской России была в руках тех, кто держал винтовку, сеял хлеб, стоял у станка. А большинство из них — миллионы крестьян, солдат да и многие рабочие — были неграмотными. Как донести до каждого слово Ленина, слово Коммунистической партии?

Время требовало, и в те суровые годы родилось новое искусство — боевые революционные плакаты. Первые из них появились уже летом 1918 года. Художники-плакатисты говорили с народом языком рисунка и короткого лозунга, старались, чтобы плакат был понятен даже неграмотному.

В годы гражданской войны каждый плакат был бойцом революции, сражался за Советскую власть. С громадных листов, расклеенных на стенах и афишных тумбах, требовательно смотрели на каждого глаза революции, звучал голос революционной совести. Недаром на многих плакатах было напечатано такое пре

дупреждение: «Всякий срывающий плакат совершает контрреволюционное дело»...

Как боевая труба, плакаты звали на бой, требовали твоего **личного** и **немедленного** участия в делах республики.

Послушай их голоса:

«Дай хлеба революции!».

«Книгу в окопы!».

«Что ты сделал, чтобы красноармеец не мерз?».

«Помог ли ты Красной Армии?».

«Грудью на защиту Петрограда!».

«Помогите раненому красноармейцу!».

«Вперед, на защиту Урала!».

«А ты записался добровольцем?».

Это были не вопросы, это были приказы. С огромной силой передано суровое и непреклонное требование революции в знаменитом плакате художника Д. Моора «А ты записался добровольцем?». Этот плакат стал как бы символом того прекрасного времени...

Вплоть до 1920 года не утихали сражения на фронтах гражданской войны. И на первом месте тогда был военный плакат. Перед тобой — один из них.

«ВРАНГЕЛЬ ЕЩЕ ЖИВ! ДОБЕЙ ЕГО БЕЗ ПОЩАДЫ!». Этот плакат художника Д. Моора появился в 1920 году. В те дни во многих своих выступлениях В. И. Ленин говорил, что Врангель и панская Польша — это две руки зарубежного капитализма. Художник заострил этот образ, довел до гигантских размеров алчную, «загребущую» руку Врангеля, протянувшуюся из Крыма к Донбассу.

Плакат говорит об опасности, но главное здесь — богатырская фигура красноармейца с мечом-великаном, занесенным над головой. Миг — и меч неминуемо опустится на врага!

Еще шла война, но уже пора было приступать к восстановлению народного хозяйства, к борьбе с неграмотностью.

Плакат **«КРАСНЫЙ ПАХАРЬ! РАБОТАЙ СПОКОЙНО, ЗЕМЛЯ — ТВОЯ»** доносит до нас настроение первых лет революции. Никто не отнимет завоеваний революции, земля навечно принадлежит народу! И чтобы эта мысль прозвучала еще сильнее, художник превращает в хлебное поле всю нашу планету, весь земной шар.

«НЕГРАМОТНЫЙ — ТОТ ЖЕ СЛЕПОЙ. ВСЮДУ ЕГО ЖДУТ НЕУДАЧИ И НЕСЧАСТЬЯ». Этот плакат выпущен Всероссийской чрезвычайной комиссией по ликвидации неграмотности. Язык многих плакатов, посвященных борьбе с неграмотностью, напоминает стиль военных приказов:

«Безграмотность — родная сестра разрухи».
«Грамота — путь к коммунизму».
«Грамота — залог мощи Красной Армии».

Художник А. Радаков изобразил крестьянина с завязанными глазами, шагающего в пропасть. Вот-вот он сорвется и погибнет. Но грамотность — великая сила, она спасет от гибели. Призывы этих плакатов напоминают народные пословицы и поговорки, их легко запомнить, они понятны даже неграмотному.

С завершением гражданской войны все больше плакатов посвящается восстановлению разрушенного хозяйства. Вслушайтесь в слова, обращенные к железнодорожникам:

«ВРЕМЯ ИДЕТ НЕЗАМЕТНО... ОНО ЛЕТИТ... НЕ МЕДЛИ, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК! ПОМНИ, ЧТО В 4½ ГОДА ТЫ ДОЛЖЕН ВОЗРОДИТЬ ТРАНСПОРТ, ВОЗРОДИТЬ СТРАНУ!» Плакат убеждает, зовет, рассказывает о главной задаче сегодняшнего дня. На рисунке — железнодорожное депо. Видно, что идет ремонт паровозов. Но внимание привлекает огромный циферблат и рука, задержавшая минутную стрелку, — спеши, железнодорожник, дорога каждая минута!

В конце двадцатых годов партия призывает к электрификации всей страны. В эти же годы появляются первые плакаты, посвященные В. И. Ленину. Перед тобой плакат 1924 года, где соединяются вместе эти две важнейшие темы.

«СОВЕТЫ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ЕСТЬ ОСНОВА НОВОГО МИРА». Эта ленинская мысль легла в основу плана ГОЭЛРО. Образ будущей Советской страны, могучей и процветающей, встает с этого плаката. И как символ нового мира — фигура Ленина, вождя революции, создателя первого в мире социалистического государства.

...С тех пор, когда родились эти плакаты, прошли десятилетия. Но боевое искусство советских художников-плакатистов живет. И в мирные годы и в дни Великой Отечественной войны плакат был и остается таким же бойцом за Советскую Родину, как и в первые годы революции.

В. БЛИЗНЕНКОВА.

Неистовый

ОТ АВТОРА

В Коканде, древнем городе Узбекистана,
есть на площади памятник.
Стоит человек во весь рост,
на нем распахнувшийся узбекский халат
поверх военной гимнастерки,
в руке у него книга.
Лицо напряженное, брови вразлет...
Это Хамза Хаким-заде Ниязи,
народный поэт республики, драматург, революционер.
Поэт Николай Тихонов когда-то писал о Хамзе Ниязи:
«...И вот грянули годы революции,
красные, громовые, огненные времена.
И, подобно Маяковскому,
ринулся он со всей силой революционной поэзии
в народную массу и стал вождем,
чье поэтическое слово разило, как острое оружие,
сбивало с ног реакционеров,
глушило лживых провокаторов,
обманывавших народ чуждыми лозунгами,
рушило дувалы, открывало двери черных комнат,
где запертых веками содержали женщин,
свергало власть богачей и мулл, разоблачало обман,
в котором держали бедняков баи...
Это было нелегко, это было шествие победное.
Но в непрерывном бою со старым миром,
с его ненавистью и злобой...»
Хамза Хаким-заде Ниязи был одним из тех,
кто первым шел в бой за Советскую власть
в трудные годы ее становления
и отдал жизнь за светлое будущее угнетенного народа.
Вот об этом человеке,
честном, бесстрашном и бескомпромиссном
написана моя книга.

Хамза

Л. ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА.

В гостях у тетки

В Коканде бушевал ветер. Желтая пыль вместе с опавшей листвой неистово носилась по узким улицам, поднимаясь выше домов и глиняных стен — дувалов. В окнах вздрагивали рамы и звенели стекла.

Ученики, поджав ноги, сидели на полу, застланном циновками из тонкого камыша. Учительница положила на резную деревянную подставку «Хафтияк» — сборник изречений мусульманского пророка Мухаммеда, раскрыла книгу и начала урок.

— Во имя аллаха, милостивого, милосердного...

Ученики загудели хором на разные голоса:

...аллаха... милостивого... милосердного...

Они старались произносить непонятные арабские слова так же, как она, нараспев.

— О люди, бойтесь господа вашего!..

...бойтесь господа вашего!

Учительница сидела на мягкой курпаче, узком матрасике, крытом дешевым малиновым шелком. Длинные черные косы падали ей на спину из-под белого платка. Широкое зеленое платье закрывало ноги. Смуглое красивое лицо было спокойно и равнодушно. Около нее стоял горячий чайник с темно-синим узором и с таким же узором пиала. Под рукой, возле курпачи, лежала длинная, гибкая палка — острастка нерадивым ученикам.

Все шло как обычно. Арабская фраза из учебника, в котором были записаны избранные суры — строфы стихов корана, пропетая густым, чуть хриплым голосом учительницы, как эхо, повторялась хором чистых ребячьих голосов. Ученики не знали арабского языка и не понимали ни слов, ни смысла того, что читала им учительница, они просто должны были заучить и запомнить звучание этих слов.

— Хамза, скажи, что мы тут повторяем? — тихонько спросил худощавый черноглазый Назиржан Ибрагимов.— Может, ты знаешь?

— Если бы по-персидски, а по-арабски сам не понимаю...

— Давай спросим, как это будет по-узбекски?..

Назиржан не договорил, длинная палка учительницы хлопнула его по голове.

— Ой-бой! Хорошо, что тюбетейку надел!

Хамза засмеялся, закрыв рукой рот. Палка взвилась и стукнула его по макушке.

Хамза вздрогнул.

— Отынча-ая [1],— сказал он,— я не понимаю.

— Не учишь, вот и не понимаешь.

— Отынча-ая, мы очень просим, скажите, как это будет по-узбекски? — попросил Хамза.

Учительница, запинаясь, перевела:

— «...Итак, мы возвели его, как ясные знамения, и потому, что аллах ведет прямым путем кого пожелает». Поняли теперь?

— Я опять не понимаю, отынча-ая!..

— Ну так что тебе еще надо понимать? — удивилась учительница.

— Отынча-ая, тут сказано — «аллах ведет прямым путем кого пожелает»,— продолжал Хамза.— Вот я и хотел спросить: а если кого не пожелает, тогда как?

Учительница несколько мгновений тупо смотрела на него, слегка приоткрыв рот.

— Вот тебя-то аллах и не пожелает вести прямым путем! — опомнившись, сказала она,— я уже теперь вижу, что не пожелает!

— Значит, я не буду виноват, если пойду криво? Если аллах не пожелает, чтобы я шел прямым путем, как же я могу с ним спорить?

— Спорить с аллахом! — закричала учительница.— Да прольется кипяток на твою голову! И да оденешься ты в одежды огненные!

Хамза хотел возразить, но Назиржан толкнул его в бок.

— Молчи. Выгонит.

Учительница еще покричала, потрясла палкой. И тут же велела ученикам еще раз повторить суру.

— «...Итак, мы возвели его...»,— начала она нараспев. И ученики снова повторяли за ней строфу из корана на арабском языке, на языке, которого не понимали.

К концу урока учительница сказала:

— Завтра начинаем новую суру — амман.

Никто не знал, что означает по-арабски слово «амман». Но по созвучию решили, что речь идет о тетке: по-узбекски тетка — амма. В связи с этой сурой корана тетка ученика должна была принять и угостить нескольких учеников и сделать учительнице какое-нибудь приношение.

— У кого из вас есть тетка?

— У меня! — сказал Назиржан.

— У тебя, Назиржан?

— Да, отынча-ая. У меня есть тетка.

— Ну так ты сегодня пойди к ней и поздравь ее,—сказала учительница.— Скажи, начинаем суру амман. Да возьми с собой еще человек десять, не то она обидится.

— Ой-бой! — прошептал Назиржан.— Вот так раз!..

Учительница куда-то торопилась. Она отпустила учеников, а сама, надев паранджу и закрыв лицо черной волосяной сеткой — чачваном, ушла со двора, захлопнув калитку.

Ребята окружили Назиржана.

— Веди нас к своей тетке!

Их было человек тридцать. Да еще несколько девочек, которые, теснясь друг к другу, стояли и поглядывали, что будет делать Назиржан. А Назиржан не знал, что ему делать: не вести же всех тридцать человек к тетке!

Его выручил Хамза.

— Это несправедливо,— сказал он,— у тебя, Хаким, тоже есть тетка. Почему ты молчал?

Потом нашлась еще у кого-то тетка. Гости разделились, и на долю Назиржана, как и велела учительница, осталось всего десять человек. Он шагал впереди своих гостей и поминутно оглядывался на Хамзу.

— А что скажет тетка? А? Хамза?

Хамза пожал худенькими плечами.

— Не знаю.

А «гости» уже предвкушали угощение.

— Может, плов будет!

— Или мастава! Ох, люблю маставу!

— Ну, если густая, так ничего.

Они шли гурьбой сквозь летящую пыль. Высоко над головой тревожно шумели вершины чинар. Маленький двор, защищенный дувалом, принял их в свою ласковую тишину.

Ребята столпились у невысокой террасы — айвана, завешенного камышовыми циновками.

— А может, ее дома нет? — с тайной надеждой сказал Назиржан.

Но в это время маленькое окно в голубой

[1] Отынча-ая — госпожа учительница.

раме открылось. Седая женщина выглянула из окна, и глаза у нее стали круглыми от удивления. Она сложила ладони и прижала их к груди.

— Назиржан, верблюжонок мой?!

— Тетя, мы пришли поздравить вас! — Назиржан торопился объяснить это нашествие.— Начинаем суру амман!

— А! Ну, как же, как же! Я знаю!

Тетка поспешила открыть дверь. Гости, один за другим поднялись на айван. Здесь они проворно сбросили с ног свои грубые из сыромятной кожи чарыки: в какой же мусульманский дом войдешь в обуви?

— Ийк... Ягнятки мои...— вполголоса повторяла тетка и то выходила на айван, то что-то искала в кухне, то возвращалась обратно.— Ай-вай, ягнятки вы мои...

Назиржан стоял, опустив глаза. Хамза видел, что тетка чем-то смущена, круглое доброе лицо ее покрылось розовыми пятнами...

Ему захотелось извиниться и поскорей уйти отсюда. Он видел, что гости здесь совсем не ко времени... Но, взглянув на ребят, он понял, что те и не собирались уходить. Дома-то не всегда поешь досыта, а в гостях обязательно чего-нибудь дадут!

— Назиржан,— шепотом сказал Хамза,— может, у человека в доме нет ничего? Давай поздравим и уйдем!

— Так нельзя, Хамза,— с убитым видом прошептал Назиржан,— ты же сам знаешь, нельзя уходить из дома, ничего не отведав. Хозяйка обидится.

Вечером Назиржан вызвал Хамзу во двор.

— Ты что, Назиржан?

— Влетело. От отца.

— За что?

— За тетку. Зачем привел: «Тетка бедная, ты ее краснеть заставил, ты ее опозорил!»

Хамза хмуро задумался.

— Как получается? — сказал он, помолчав.— Тетка не виновата, что она бедная. А в книге сказано, что все делается, как хочет аллах. Тогда почему же ей позор?

— Не знаю почему,— ответил Назиржан,— сам не пойму. Аллах так захотел. А мне влетело.

Встреча на улице

— Мама, сегодня мы новую книгу начинаем,— напомнил Хамза, уходя в школу.— «Чор-китаб».

«Чор-китаб», или «Четверокнижие», заучивали после «Хафтияка». Этот учебник был написан на таджикском языке, которого узбеки тоже не знали. «Чор-китаб» учил мусульман выполнять религиозные обряды.

— Не забудь, мама!

— Помню, помню, сынок. Ты только учись. Я все сделаю.

В этот день со всего квартала по узким, белым от снега улочкам спешили в школу укрытые паранджой женщины с узелками в руках. В этих длинных до земли одеждах, с лицом, закрытым черным чачваном, женщины походили одна на другую. Старая ли, молодая ли, они все шли, чуть склонив голову, боясь приоткрыть даже край чачвана. Молча одна за другой они поднимались по ступенькам в дом учительницы. И лишь войдя в ичкари — на женскую половину дома,— сбрасывали паранджу.

Учительница встречала приветливо.

— Не болеть вам! Радостей вам.

Пришла со своим узелком и мать Хамзы Джохон-биби. Хрупкая, с румянцем на смуглых щеках и ласковыми глазами, она казалась очень молодой.

— Ах, милая! — Учительница встретила ее белозубой улыбкой.— Кто может поверить, что у вас, ханум, уже трое детей! И дочка совсем взрослая, кто может поверить? Роза!

На столе и на курпаче лежали приношения: лепешки, блюдо плова, зимние дыни — эти дыни, подвешенные к потолку, долго хранятся в погребе. Были тут и куски яркого ситца, и чувяки совсем новые, мягкие чувяки... Это все — плата за учение.

Мать Хамзы развернула узелок, положила на стол две большие лепешки, кусок мяса... Учительница жадно следила за ней. «Что же это? Неужели все? Пусть все мои болезни перейдут на нее!»

Длинные насурмленные брови учительницы низко нависли над глазами, улыбка пропала. Но Джохон-биби положила кусок полосатой материи, и учительница заулыбалась.

— Хвала, хвала! Пусть ваш дом всегда будет богатым!

— Не сердитесь, ханум, на моего Хамзу, я знаю, он не очень смирный,— попросила мать,— но ведь он еще мальчик!

— Эге! Какой мальчик? — усмехнулась учительница.— От него скоро чачваном надо закрываться!

— Ты и говорить умеешь по-русски? — спросил Хамза.

Джохон-биби шла домой и улыбалась под своей паранджой. «Удивительно! От ее Хамзы — закрываться. Как время летит! Давно ли он слушал ее сказки... Любил слушать... А теперь уже не слушает. Только вопросы задает. Такие трудные вопросы, что и не ответишь никак. Порой даже и повторить-то их страшно. Что с ним будет, если не станет отца? Или меня...»

Джохон-биби недаром тревожилась о судьбе своего младшего сына. Мусульманская религия требует покорности воле аллаха. Предопределение — вот основа жизни. Аллах каждому назначил его судьбу, и надо принимать это как должное. А Хамза вдруг начинает такой разговор.

— Ая,— так ласково он называет мать,— в «Хафтияке» сказано, что аллах создал человека из глины.

— Конечно, сынок. Если так сказано в книге...

— Значит, все люди из глины?

— Конечно, если так создал аллах.

— Из одинаковой глины?

— Мы все родились от того человека, которого создал аллах.

— Все от одного? Значит, все из той же глины? А тогда почему мы живем в таком маленьком доме, а Ходжа в таком большом!

— Ийе, Хамза! Забудь, забудь слова, что ты сказал!

— И почему все ему кланяются? И все его боятся?

И тут матери приходилось закрывать уши ладонями, чтобы не слышать страшных слов. Откуда такие вопросы, откуда такие мысли в голове у мальчика? Со старшими никаких хлопот. А с этим!

Вскоре новое беспокойство вошло в дом. Как-то друзья Хамза и Назиржан шли из школы, весело шлепая по лужам. Зима была теплая, снег выпадал и тут же таял. Вдруг Назиржан остановился.

— Смотри, Хамза, кто идет!

— А! Махмуд!

Навстречу торопливо шагал Махмуд Саттаров, их товарищ из соседней махалли. Он уже увидел их и широко улыбался.

— Друзья, салам!

— Куда ты пропал, Махмуд? — Хамза был очень рад этой встрече.— Как ушел из школы, так и нет тебя! Я уже думал, что ты в Турцию уехал!

— Нет, не в Турцию,— засмеялся Махмуд.— Немножко поближе. Я поступил в «Ногай-мактаб».

— Что? — Хамза взялся за полу Махмудова халата.— Ты в «Ногай-мактабе»? А что это?

— Что это за мактаб такой? — удивился и Назиржан.

— А вы не слышали? Салахитдин-домулла, татарин, открыл новую школу. Новометодную. Очень хорошая школа. Мы за один год научились читать и писать.

— За один год?!

— За один год!

— А мы-то сидим в своем мактабе и ничему не учимся! — чуть не плача, сказал Назиржан.— Только и делаем, что повторяем суры.

— У нас и арифметику преподают,— добавил Махмуд.

— А русские у вас тоже есть? — спросил Хамза.

— Есть. У нас школа смешанная.

— Русские? А они как? Бьют узбеков?

— Что ты, Хамза! — Махмуд рассердился.— Какой ишак это выдумал?

— Да ведь все-таки грех?.. Они же неверные! — сказал Назиржан.

Хамза молчал. Ему тоже дома говорили: встретишь неверного, отвернись, глядеть на него грех.

— Какой же грех? — сказал Махмуд.— У нас русский учитель. Мы учим историю, географию, учитель рассказывает нам обо всем — какие есть страны, какие народы... И как раньше все было. Это грех?

— А по-русски писать вас учат?

— И писать и читать.

— И ты умеешь?

— Умею. И по-узбекски и по-русски.

— Ой-бой! — вздохнул Назиржан.

— Ты и говорить умеешь по-русски? — спросил Хамза.

— Что ты, Хамза! — Махмуд даже голос повысил.— Я уже переводчиком работаю.

— Ой-е! Переводчиком!..

Махмуд высвободил полу халата из рук Хамзы.

— Ну, друзья, мне некогда, я спешу. Теперь у меня мало свободного времени.

Махмуд простился и деловито зашагал через площадь. Хамза и Назиржан глядели ему вслед, пока его синий в белый горошек халат не исчез за углом.

— Уже и русский знает...— задумчиво сказал Хамза,— и переводчиком работает...

— Тебе-то что тужить, Хамза? — прервал Назиржан,— тебя отец всему обучил — и читать и писать... Ты вон даже персидский знаешь... А мне что делать? Мой отец сам неграмотный. И дядя неграмотный...

— Надо идти в «Ногай-мактаб».

— Надо.— Назиржан вздохнул.— А кто платить за нас будет? За тебя, может, заплатят, а у нас, сам знаешь, отец еле на хлеб добывает.

— Знаю,— угрюмо ответил Хамза.

— Твой отец побогаче.

— Побогаче, а вот захочет ли отпустить меня в «Ногай-мактаб»?

Домой Хамза пришел расстроенный. Направился на половину отца. Но у отца сидел больной, и дверь была закрыта. Хамза прошел на женскую половину дома. Мать готовила ужин. Сестра Ачахон читала книгу.

— Мама, я тоже хочу читать другие книги. Я хочу читать по-русски,— сказал вдруг Хамза.

У матери опустились руки.

— Верблюжонок мой! — жалобно сказала она.— Зачем тебе читать по-русски? Это грех! Большой грех!

— А вот Махмуд Саттаров учится в «Ногай-мактабе» и уже переводчиком работает!

Но мать закрыла уши руками.

— Ничего не знаю, ничего не знаю! Неужели ты, сынок, хочешь гореть на том свете в страшном огне? Или замерзать в лютом холоде? Разве не читала вам отынча, как накажет аллах того, кто якшается с неверными? Если бы это слышал отец! Ты что, Хамза, сморщил нос — смеешься, что ли?

У Хамзы была такая привычка — засмеется и сморщит нос Но сейчас он не смеялся. Чтобы не расстраивать мать, он потихоньку вышел из комнаты. Мама очень много может говорить о том свете, об адском пламени, о райских садах, где текут реки из вина и меда. Это все так. Но он, Хамза, хочет учить историю, географию и русский язык!

Отец все еще был занят, кто-то стонал в его комнате, видно, очень больной человек.

Когда больные наконец ушли, Хамза тихонько открыл дверь к отцу.

— Дадажон, я войду?

— Входи, сынок.

В большой комнате с белеными стенами и маленькими окнами в голубых рамах стоял густой, устоявшийся запах душистых трав. Отец его Ибн-Ямин Нияз оглы — лекарь, в народе его звали хакимча табиб — делал из этих трав лекарства. Он собирал их повсюду: в поле, в горах, в пустыне. Сухие пучки висели под потолком, лежали на полу на камышовых циновках. В нишах стен стояли бутылки и пузырьки с лекарствами.

Хамза, оставив чарыки за дверью, остановился на пороге. Отец поднял на него темные, усталые глаза.

— Хочешь что-то сказать мне?

— Да, дадажон.

Отец вымыл руки в медном тазу. Не спеша, вытер их чистым полотенцем. Опустился на курпачу, около которой на подставке лежала раскрытая книга. Хамза с любопытством заглянул в нее.

— Это ведь не коран, дада?

— Нет, не коран. Это Авиценна.

— А почему вы всегда читаете Авиценну?

— Он был прекрасным врачом. Я учусь у него лечить людей. Ты за этим пришел, Хамза, чтобы спросить об Авиценне?

— Нет, дадажон,— Хамза запнулся, подбирая слова,— мы сегодня встретили Махмуда. Он учится в новометодной школе. Он уже умеет читать и писать. А мы...

— А вы знаете изречения корана,— прервал отец,— а вы изучаете «Чор-китаб» и будете знать все обряды, которые должно знать мусульманину.

— Но, дадажон, в той школе тоже учат «Чор-китаб»... И потом историю, географию... Вот в коране сказано, что с кяфиром[1] даже говорить грех. А у них учитель русский. Он же кяфир, а как же он учит узбеков? Он же учит хорошему! А коран не велит с ним общаться. Разве это справедливо?

— Товба! [2] — воскликнул отец.— Вот что я слышу!

Хамза, видя его нахмуренные брови, ждал грозы. Но отец сказал неожиданно тихо:

— Хамза, запомни: все, что написано в коране, справедливо. И — слышишь? — никогда никому не говори слов, которые ты мне только что сказал.

— Но, дадажон, я не понял. Как вы сказали: не говорить, потому что в коране не может быть несправедливо? Или, может быть, несправедливо, только не надо об этом говорить?

Отец внимательно поглядел ему в глаза.

— Хамза, ты ведь учил «Хафтияк», а там прямо сказано: «О люди, бойтесь господа вашего».

— Сказано, дада. Но почему же тогда он милостивый и милосердный, если его надо бояться?

— Он милостив и милосерден к тому, кто покорен. Запомни это, сынок. Иначе ты бу-

---

[1] Кяфир — неверный, человек другой веры.

[2] Товба — восклицание, означающее изумление.

дешь очень несчастлив. И пусть не будет у тебя этих встреч на улице, которые рождают такие опасные мысли! Иди.

Шум в школе

День в школе начался, как всегда. Мальчики уселись на камышовых циновках рядами, девочки заняли свой маленький уголок. Учительница опустилась на мягкую малиновую курпачу и раскрыла «Чор-китаб».

— Во имя аллаха милостивого, милосердного!..

— Отынча-ая, а когда вы нас будете учить читать? — вдруг спросил Хамза.— Так, чтобы мы сами читали?

Учительница чуть не уронила книгу.

— Ты что, Хамза? Злой дух Ариман в тебя, что ли, вселился?

Хамза глядел на нее ясными, блестящими глазами.

— Нет, отынча-ая, никакой Ариман в меня не вселился. Но вот в новой школе всего три года учатся, а уже и читать и писать умеют. А мы сидим-сидим в своем мактабе, а ничему не научились.

— Вот я тебя сейчас и научу! — закричала учительница.— Я не боюсь, что у тебя отец ученый табиб, ты у меня тоже будешь ученый!

Она подняла было палку. Но тут в разговор вступил Назиржан.

— Он же правду сказал, отынча-ая. Только и знаем, что зубрить суры из корана.

— А что такое сура, ты забыл?

— Как я могу забыть, отынча-ая, если я даже и не знаю, что в этой суре написано? Я только повторяю вслед за вами. Но я же их не понимаю. Они же, эти слова, не на нашем языке!

— И потом мы хотим учить историю,— подхватил Хамза,— и географию тоже, как в новой школе!

— Конечно, правильно, учились-учились, а ни одной строчки написать не можем,— раздались голоса со всех сторон.

И скоро весь класс загудел, как улей.

— Вы и учите одной только палкой!

Учительница замерла на месте. Смуглое лицо ее покрылось красными пятнами, всегда тусклые, сонные глаза засверкали черным огнем.

— Ах, шайтановы дети! С ума вы сошли, что ли, сегодня? Все ты, Хамза!

— Не один Хамза,— вступился Назиржан,— мы все!

— Да! Мы все! — подхватили ребята.— Учите нас читать и писать, как в русских школах!

И такой шум поднялся в школе, что учительница растерялась. Она ждала, когда ученики замолчат, а они шумели еще пуще. Она подняла было палку, но никто не испугался.

— Ничему я больше не буду вас учить! — крикнула учительница.— Пускай вас Исмаил-Кары учит! У него не покричите! — и, отшвырнув палку, ушла.

Исмаил-Кары, муж учительницы, был суфием — служителем мечети.

На другой день, когда ученики пришли в школу, двери оказались закрытыми. Ребята толпились во дворе и не знали, как быть. Уходить домой, что ли?

Но тут вышел Исмаил-Кары, их новый домулла-учитель. Низенький, округлый, с черными, сладкими, как изюминки, глазами, он с минуту стоял и смотрел на ребят. Потом спросил:

— А где тут Хамза?

Хамза ткнул себя пальцем в грудь.

— Вот я.

— Ты что же, Хамза, не хочешь учиться?

Хамза вспыхнул.

— Я хочу учиться, домулла! Как это я не хочу учиться?

— Мы хотим учиться, домулла! — поддержал Назиржан.

И даже одна из девочек отважилась подать голос:

— Мы тоже хотим учиться!

В синем стеганом халатике, в тюбетейке, с россыпью черных косичек на плечах, она стояла впереди своих подруг и упрямо повторяла:

— Нам тоже читать надо.

Исмаил-Кары внимательно посмотрел на нее своими изюминами.

— А тебя как зовут?

— Зубейдахон,— ответила девочка и тут же, смутившись, закрылась рукавом.

— Книги тебе читать надо? — вдруг накинулся он на Зубейдахон.— Зачем тебе читать? Наденешь паранджу и пойдешь замуж. Не до чтения будет.

— Я не пойду замуж.

— А кто тебя будет спрашивать? Отдадут, и все. Кто дороже даст, тот и купит. Вот у нас недалеко богатый бай живет. Он и купит.

— Нет,— упавшим голосом сказала Зубейда. И даже в полумраке видно было, как яркий румянец сбежал с ее круглых щек.

И совсем шепотом она повторила:

— Нет...

— Не купит, не купит! — закричал Хамза.— Он старый!

— Никакой бай ее не купит! — подхватили ребята.

— Ну, довольно! — рассердился Исмаил-Кары.— Тихо! Отвечайте: кто хочет учиться?

— Все! — грянули ребята хором.

— Хорошо, — сказал Исмаил-Кары, — значит, я буду вас учить.

Ученики уже собирались войти в дом, но открылась дверь, учительница встала на пороге.

— Не здесь. Не в моем доме! У меня останутся только девочки. А этих...

Она махнула рукой, будто выметая ребят со двора.

— Не здесь,— согласился Исмаил-Кары,— конечно, не здесь. Школа у нас будет в мечети. Настоящая школа.

Исмаил-Кары вышел на улицу. Ученики, теснясь и толкаясь, поспешили за ним.

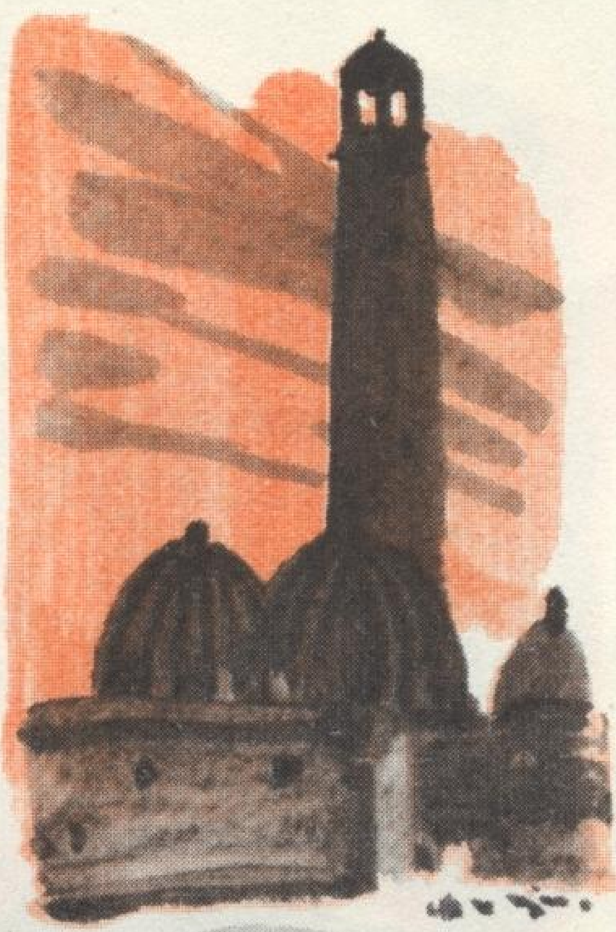
Помещение в мечети, которая стала их школой, было большое и сумрачное, стены дышали сыростью.

— Сидеть тихо, слушать и запоминать,— сказал Исмаил-Кары.— Уселись? Начнем. Во имя аллаха, милостивого, милосердного! Сура...

— Опять сура!..

— Опять старое!

Ученики загалдели все сразу. Исмаил-Кары взялся за палку. Но кого наказывать? Кричат все. Гулкое помещение подхватило и усилило голоса, и казалось, вся мечеть кричит и повторяет вместе с учениками:

— Учите нас по-новому!

— Читать и писать!

— Мы сами читать хотим! И чтобы понимать, что читаем!

Исмаил-Кары нахмурился, поджав тонкие губы так, что нос почти коснулся подбородка. Это неслыханно! Это бунт! А все Хамза! Исмаил-Кары сидел с палкой в руке и размышлял. Выгнать их всех? Но школа — это семейный заработок. У него, правда, кроме школы и мечети, было еще одно ремесло — он делал на продажу деревянные гребешки. Но много ли на них заработаешь? А школа — это и деньги, и подарки, и всякие приношения. Нельзя их выгнать. А учить по-новому? Но как он будет их учить по-новому, если он и сам, кроме корана, ничего не знает?

Исмаил-Кары испугался. Если до имама дойдет, что творится в его школе, не только из школы, но, пожалуй, и из мечети выгонят.

Однажды, придя в школу, ученики узнали, что урока не будет, потому что учитель их арестован.

В махалле много говорили об этом. Удивлялись.

— Товба! За что же его арестовали?

— Никто не знает. Пришел русский полицейский и арестовал.

— В тюрьму посадили?

— Нет! Велел дома сидеть и на улицу не выходить. Говорят, из-за школы. В школе у него бунт был!

— Ну, какой бунт! Дети ведь.

— Ой-бой! Так и сидит дома!

— Сидит дома, гребешки делает. А полицейский тоже у него сидит. Смотрит, как Исмаил-Кары работает. Гребешков — гора, а продать не может, из дома выйти нельзя.

— Вот дела!

Эти разговоры шли и в семье Хамзы.

— Вот что, Хамза,— твердо сказал отец,— о новой школе забудь. Кончишь мактаб, поступишь в медресе. А пока завтра же пойдешь со мной в худжру, будешь помогать составлять лекарства.

— Как, дадажон? В медресе?

— Да. В медресе.

— Я не хочу быть муллой, дада. Вспомните, что сказал персидский поэт Саади:

«Может богатый гостей угощать,
Щедрой рукой бедноте помогать,
Можешь ли ты об их счастье мечтать,
Если молитвы лишь можешь читать?»

— Вот как, уже Саади в союзники взял. И против кого же? Против меня, который научил тебя читать Саади. Кем бы ты ни служил в мечети, Хамза,— это как захочет аллах. А я хочу, чтобы ты получил настоящее образование. Иначе ни гостей тебе не угощать, ни щедрой рукой бедноте помогать, потому что тебе самому будет есть нечего. Если удастся заполучить худжру в медресе, а ты знаешь, что это не так-то легко, значит, судьба твоя счастлива. А я надеюсь, что худжру для тебя заполучу, слава аллаху.

Исмаил-Кары сидел дома, в комнате для гостей, и делал гребешки. Возле дверей сидел и покуривал русский полицейский. Отынча-ая приняла своих учеников обратно. А Хамза остался в полутемной худжре мечети помогать отцу.

Скучно было в школе. Но не так, как сейчас, под строгим надзором отца. Травы, настойки, мази...

Только одно скрашивало однообразные дни — отец рассказывал о своих путешествиях по дальним странам, о Китае, об Индии рассказывал, где он учился врачеванию, о Гималаях, куда ходил искать целебные травы, о Мекке, где ему тоже случилось побывать, о пустынях, о караванных путях, по которым купцы возят свои товары...

— Караванный путь как раз проходит через наш город, через Коканд.

— Через наш город? А где же?

— Разве не видел ты верблюдов в караван-сарае?

— Видел. Но я не знал, что это и есть караванный путь. А куда же он идет?

— В Россию.

— А это далеко, дадажон?

— Далеко.

— Вы там бывали, в России, дадажон?

— В России не бывал. А других стран повидал немало.

— Вот видите, дада,— с упреком сказал Хамза,— вы все своими глазами видели — и пустыни и Гималаи... А мне даже географию учить не разрешаете.

— Неужели ты думаешь, что в этом «Но-

гай-мактабе» могут научить чему-нибудь путному? — с раздражением ответил отец.— Ведь там еще и платить нужно. А за что? Нет уж. Если учиться, то только в медресе. Придумал тоже — в «Ногай-мактаб» его отдать! К татарину! А что может наша махалля?

Худжра

Отец настоял на своем, заставил Хамзу пойти в медресе.

Хамза покорился, ведь ему тогда было всего десять лет. А теперь ему уже шестнадцатый, шестой год он в медресе...

Словно желтый ковер разостлан в большом квадратном дворе — такое яркое сегодня солнце. Одинокая, еще голая лоза стоит среди двора. Глубокие, гулкие ниши, где только что сидели муллабачи, слушая мударриса, своего учителя, опустели. Занятия окончены.

Муллабачи — студенты медресе — разбрелись по своим делам. Молодые люди, те, что из богатых семей, держались обособленно. Они прогуливались по двору, негромко разговаривая между собой, спорили, вели диспуты, готовясь выступить на занятиях.

Попасть в медресе было трудно. Трудно было получить комнату в медресе — худжру, но отец добился, получил. Худжра давала не только жилище, она еще давала право на долю дохода медресе: дохода с земли, присвоенной духовной школой, дохода мечети, находящейся при медресе. Потому так и добиваются люди худжры для своих сыновей, тем более в таком богатом медресе, как это!.. Потому и не уходят отсюда по многу лет студенты-муллабачи, живут и учатся чуть не до седины. Потому и терпят унижения многие бедняки, которые смогли попасть сюда, прислуживают богатым студентам, своим соученикам... Лишь бы удержаться здесь, лишь бы не отняли худжру!

А Хамза тосковал. Тосковал с тех пор, как отец привел его сюда. Все его друзья остались там, в его махалле. Как дружно они сражались со своей отынчей и потом с Исмаилом-Кары... Как весело играли по вечерам на улице. Как хорошо было сидеть под старым тутовником с друзьями Назиржаном, Буранбаем, Махмудом Саттаровым... Это были друзья. Друзья!

А здесь почему-то не было друзей. Все время занято кораном.

В первые годы Хамза хотел вернуться домой. Мрачная келья — худжра была холодной и неуютной. Хотелось слышать за стеной голос мамы и сестры, и чтобы мама пела тихонько какую-нибудь свою песню. Песни у нее всегда печальные, так поет народ.

В первые годы плакал потихоньку. Теперь-то уж не плачет. Но по-прежнему ждет каникул, чтобы вырваться из этих холодных стен. К друзьям.

Но почему за все прошедшие годы не сложилось дружбы здесь, в медресе?

Богатые студенты не хотели дружить с сыном лекаря. Бедные заискивали, боялись рассердить, лицемерили. Ни с кем нельзя быть откровенным, никому нельзя доверить мыслей, которые начали возникать с годами.

— Халмурад, а как ты думаешь, аллах справедлив?

Халмурад, худенький, робкий, даже вздрогнул от такого вопроса.

— Аллах справедлив и милостив!

— А почему тогда он одним дает большое богатство, а другие умирают с голоду. Разве это справедливо?

Халмурад, дико взглянув на Хамзу, быстро отошел от него, будто от зачумленного. А вечером, перед намазом, мударрис подозвал к себе Хамзу.

— Тебе, Хамза, надо сегодня усердно молиться, ты прогневал аллаха. Попроси святого Али, чтобы он помог тебе избавиться от греховных мыслей. И если святой Али не поможет тебе, то аллах тебя отвергнет. А разве можно допускать в медресе отвергнутого богом?

Хамза посмотрел в глаза мударрису и опустил голову. Ему хотелось заплакать. Халмурад, один из самых бедных студентов, с которым он часто делился и едой и деньгами, предал его!

Где ты, Назиржан! Где ты, Махмуд! Где ты, Буранбай?

Но никакая худжра, никакие догмы религии не могут отгородить от жизни человека, если у него пытливый ум и горячее сердце. Хамза хотел знать, что делается в мире, за стенами медресе и мечети. Он тайком добывал то журнал, то газету и жадно читал их, закрывшись в худжре. Читал и во время каникул дома и тоже тайно. Что сказал бы отец, если бы узнал об этом? Подумать страшно. Ведь Хамза и русские журналы читал. И русские газеты...

И теперь вот у него Фуркат. Свой, кокандский поэт, писатель. Закирджан Халмухаммедов Фуркат Мудрый, отверженный духовенством, отступник от веры и шариата.

«...Я несколько раз посещал театр русского народа, видел игру русских...» — Хамза перечитал эти строки и задумался. Он и сам однажды заглянул в русский театр. Ставила спектакль русская любительская труппа. Хамза прятался в задних рядах, он не все понимал по-русски, но какое это все-таки было счастье! Чужая жизнь проходила на сцене, однако чувства этих людей, их страдания, их стремления волновали. Пьесу написал Островский, русский драматург.

«Почему у нас нет своего театра? — думал Хамза, возвращаясь домой в темноте кокандских улиц.— Почему нет у нас своих узбекских драматургов? Разве о нашей жизни нечего сказать?!»

Задумался об этом и теперь, прочтя строки Фурката.

«Мы тоже могли бы,— думал Хамза.— Но как? На пути стоит несокрушимая стена — ислам. Русский — кяфир, неверный. А сколько раз повторяется в коране: если встретишь неверного, убей его! И когда такие светлые, отважные люди, как Фуркат, как Мукими, как Дониш, начали говорить о просвещении, о русской литературе, технике, науке, к которым надо стремиться,— их объявили отступниками, их проклинают, их изгоняют... Неужели наш узбекский народ навсегда должен остаться темным, безграмотным, повинуясь предопределению аллаха? А кому выгодно это предопределение?.. Ведь не беднякам же, полуголодным, бесправным?..»

Голос муэдзина, донесшийся с минарета, прозвучал, как угроза, как предупреждение. Хамза быстро спрятал газету под матрас и открыл двери худжры. Муллабачи направлялись в мечеть.

— Где ты был, Хамза? — Это долговязый Аваз, сын торговца, который любил занимать у Хамзы деньги, потому что своих никогда не хватало.— Мы стучались к тебе.

— Я спал.

Аваз подозрительно посмотрел на него.

— Ты крепко спал!

Хамза молча пожал плечами. Он не любил Аваза. Сначала у них как будто возникла дружба, Аваз не жалел добрых слов и веселых улыбок. Но вернулись осенью после каникул, и Аваз по секрету рассказал, что летом он работал в кишлаке.

— Только дай слово, что никому не расскажешь, Хамза!

— А что позорного в том, что ты работал?

— Ну, ты сам знаешь, работать в поле для муллабачи позорно! Только не думай, я не пахал и не собирал хлопок. До этого я не унизился, не думай. Я работал как мулла. По нашей линии.

— Читал коран?

— Да. Читал коран во время поста. Отчитывал больных. Прочту суру, другую, а они платят!

Хамза слушал, бледнея от негодования. А тот, посмеиваясь, продолжал свое.

— Там на хлопок какой-то червяк напал. Опять меня зовут: «Помоги!» Отчего же не помочь? Я говорю: сейчас мы этого червяка молитвой уничтожим! И опять суру, другую. Читаю что попало, они ведь все равно не понимают. И довольны, платят!

Хамза расстался с Авазом. Все в нем кипело от обиды за этих беззащитных людей, которые ничего не знали, кроме работы, которые кормили всех — и купцов, и ишанов, и муллабачей... И над которыми так легко было издеваться! Если б они были грамотны, разве удалось бы кому-нибудь обманывать их?

Взрыв

Этой весной Хамзе исполнилось шестнадцать лет. Мартовские дни были полны ликования, веселое солнце пригревало квадратный двор медресе, пробуждая к жизни старую лозу, птицы пели и кричали от радости, и голоса их, как звон бубенцов, переливались под куполом глубоких, гулких ниш.

В городе что-то творилось. Какие-то разговоры на базарах, странные слухи, невероятные слухи летели по улицам. И какими-то путями проникали в медресе.

— ...Говорят, рабочие на грензаводе взбунтовались...

— ...И на хлопкоочистительном тоже.

— Кто? Русские против русского царя? Как же так?

Хамза был взволнован: что-то происходит в мире, что-то необычное! Рабочие люди взбунтовались против своих хозяев, даже против царя!

Занятия в медресе шли кое-как. Мударрисы были озабочены, они собирались вместе и о чем-то тревожно разговаривали...

Утром со стороны хлопкоочистительного завода послышался шум, выкрики... Потом пение. Множество голосов поднимало и несло эту никогда не слышанную песню.

Хамза быстро вышел за ворота медресе. По улице шла толпа. Нет, не просто толпа. Люди шли ровными рядами, плечом к плечу. Над их головами развевались красные полотнища, по красному — белые буквы. Хамза плохо читал по-русски, но сумел разобрать надпись на одном флаге, надпись, от которой замерло сердце: «Долой царя!»

Трудно поверить, но это так. Да, Хамза еще и еще раз прочитал, и выходило все то же: «Долой царя!»

Блестящими глазами он оглянулся на тех, кто шел под знаменами. Это рабочие с хлопкоочистительного завода...

А вот и еще идут, тоже с флагами. Это железнодорожники. У них тоже на полотнищах написано: «Долой царя!» и еще — «Долой баев!» И вот они запели. Песня пошла по рядам, как ветер по степи, все шире, все сильней. Но что за песня?

«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!..»

Хамза шел вместе с демонстрацией, взволнованный, потрясенный. Что будет? Что будет? Хамза еще не знал, не понимал, как повернется жизнь, но всем существом своим ликовал в предчувствии необыкновенных, счастливых событий. Что бы ни случилось, жизнь не останется прежней. Народ поднимет голову, разогнет согбенную спину, сле-

*Люди шли ровными рядами,
плечом к плечу.
Над их головами
развевались красные полотнища.*

пой в своей безграмотности и суевериях прозреет!..

— Эх, муллабача, а ты что тут делаешь?

Хамза резко обернулся, он совсем забыл, что его чалма и длинная одежда изобличают в нем ученика духовного училища. Молодой, светлоглазый железнодорожник глядит на него пристально и сурово.

— Может, шпионишь?

— Что ты! — отозвались другие. — Он идет свергать своих ишанов!..

Демонстрация вылилась на площадь. Из всех улиц и переулков стремились сюда и горожане и дехкане, приехавшие в город на базар. Толпа бурлила, слышались выкрики:

— Долой царя!

— Долой баев!

На высокую арбу взобрался человек в железнодорожной форме. Он снял фуражку, русые волосы упали на лоб.

— Товарищи!..

Толпа замерла.

— Товарищи! — Голос железнодорожника летел над площадью.— В Петербурге царь приказал стрелять в рабочих. Рабочие пришли просить царя, чтобы он помог им! Народ пришел пожаловаться царю на свою невыносимую жизнь... А царь приказал солдатам стрелять в них, в безоружных! Они не угро-

жать пришли, они пришли просить, а в них стреляли! В наших братьев стреляли! За что?

Взрыв возмущенных голосов загремел над площадью.

— Долой царя-убийцу!

— Долой угнетателей!

— Царь приказал стрелять в наших братьев, но царю не удастся забыть эту роковую для него дату — январь 1905 года! Слушайте, что говорит ташкентская группа революционной, социал-демократической партии! Слушайте, читаю!

Площадь снова замерла. Каждое слово прокламации было слышно.

— «...Теперь настала пора народу требовать себе настоящей свободы. Он не должен просить, а властно требовать».— Слышите? Требовать! — «Мы видим, как царь отвечает на просьбы своих верноподданных. Кровь, пролитая девятого января на улицах Петербурга, требует отмщения...»

И снова яростные крики:

— Долой царя!

— Долой! Долой!

На арбу поднялся узбек в старом домотканом халате.

— А разве наши богатые баи щадят нас, узбеки? — закричал он.— Сколько бы мы ни работали, мы не можем вырваться из нужды! Потому что у нас нет земли! Все, что заработаем, отдаем хозяину. Мы вечные должники, мы вечные батраки, а разве это справедливо? Подумайте, узбеки, и скажите, что делать.

Рядом с ним появился юноша в кургузом пиджачке и в синей полосатой косоворотке.

— А все это потому, узбеки, что вы слушаетесь своих попов, своих ишанов, которые запугивают вас. Видишь ли, если аллах создал тебя рабом, так ты и должен оставаться рабом! А вот кого аллах создал ишанами, значит, так и должны они оставаться ишанами?! Почему вы верите им? Разве не видите вы, как вас обманывают, как вас грабят, как вас дурачат! Неужели старый ишан, который женится на пятой жене, святее вас? Одумайтесь!

— Пусть нам дадут землю! — кричали из толпы.

— Вся земля у баев!

— И у ходжей!

— Восьмичасовой рабочий день! Землю дехканам!

В медресе никто не спросил, где был Хамза. Мударрисам было не до своих учеников. Муллабачи собирались кучками и гудели, как шмели. На ночь ворота в медресе запирали на все запоры. Старый имам молился во дворе, и молитву его было слышно в каждой худжре.

— Аллах милостивый, милосердный! Помоги нам омыть руки и ноги в крови кяфиров!

Хамза закрыл ладонями уши, чтобы не слышать молитвы. В Петербурге это случилось еще в январе... А к ним в Туркестан волна взрыва докатилась только сейчас. Но все-таки докатилась. Значит, не так уж непоколебимо все в жизни. Значит, можно что-то изменить и есть люди, которые могут изменить многое. Смелые, отважные люди.

«А ведь это бой...— думал Хамза,— два разных фронта: богатые и бедные. А я? На каком фронте я? Неужели я в стане врагов? Я — против несчастных, полуголодных людей».

Он уснул, когда горлинки заворковали на крышах.

Дома

Тяжело, медленно проходили дни. Казалось, весна никогда не наступит и не проложит пути лету. Но весна делала свое дело,

в садах поднялись весенние цветы, опушились зеленью высокие чинары.

И наконец настал тот день, когда муллабачи покинули худжры и разошлись по домам на каникулы.

В ичкари Хамзе уже не разрешалось входить, он взрослый, мужчина. Но сестра непременно хотела его увидеть.

— Ой-бо, Хамза! Вы настоящий мулла, господин мой!

Хамза огорчился.

— Ачахон, не называй меня так. Я не буду муллой.

Но сестра не сдавалась, она радовалась, она гордилась братом. Хоть и не в бедности жила семья лекаря, не голодали, но путь, который открывался младшему, обещал и богатство и большое влияние.

— Конечно, ты не останешься муллой. Ты будешь ишаном!

— Вай, леденец тебе на язык, Ачахон! — с иронией сказал брат.

Хамза поспешил сбросить одежду муллабачи и к отцу явился в своем ярком полосатом халате.

— Как идут дела у тебя в медресе, Хамза? — спросил отец, как всегда задумчивый и усталый.— Довольны ли тобою мударрисы?

Хамза опустил ресницы.

— Дадажон, нельзя ли мне оставить медресе?

Отец чуть не уронил из рук пиалу, она сильно звякнула, когда он поставил ее на стол.

— Хамза,— помолчав, сказал отец,— чтобы я этих слов больше не слышал.

Хамза понял, как трудно будет ему убедить отца. Отец просто заболеет от горя, от разочарования. Не так много радостей было у Ямина Нияза в жизни, вечно в заботах. Теперь он мечтал, что его младший сын, его Хамза, будет муллой, будет ишаном, люди

будут кланяться ему, и он никогда не узнает нужды... А Хамза?.. Вот что придумал Хамза! Что теперь скажут все? Скажут, что хакимча-табиб плохо воспитал своего сына.

Хамза вышел из дома. Стройный, с яркими карими глазами, он шел легкой походкой по солнечной улице. Он отогнал мрачные мысли, весна была так хороша, горлинки так нежно ворковали, и воробьи чирикали на деревьях, а он был так молод, и у него были друзья.

Эй, Назиржан, где ты? Уже вечереет, он, должно быть, пришел с работы. Ему-то учиться не удалось, он работает. На стройке рабочим.

Хамза вошел во двор. Дедушка Назиржана сидел на ступеньках, греясь на солнышке. Он не сразу узнал Хамзу, глаза у него покраснели и слезились. А когда узнал, обрадовался.

— А, муллабача! Салам, салам. Назиржана сейчас дома нет.

— Он еще не пришел с работы, бобо[1].

— Пришел. А теперь ушел в школу. Учится.

— Учится? Где же?..

— В русской школе, Хамзахон. Или курсы какие-то, что ли. Каждый вечер учится!

Дедушка Назиржана был рад поговорить, хорошо, что нашелся собеседник.

— Мы тоже хотели его отдать в медресе, но в кармане маловато. Худжру достать — денег надо? Надо. Всякие там книги — деньги надо? Подарки разные муллам надо? Надо. А ведь они, говорят, дешевых-то подарков не берут. Ты счастливый, Хамза, отец для тебя постарался.

— Так, значит, Назиржан в русской школе...— задумчиво сказал Хамза.

Дедушка охотно подхватил.

— Да, Хамзахон, в русской, в русской. Нынче молодежь греха не боится, с кяфирами, как со своим братом. Что ж поделаешь? Время наступило другое. После этих красных-то флагов все вдруг в русские школы побежали!

Хамза простился со стариком:

— Здоровья вам! Не уставать вам, дедушка!

Он медленно шел по улице и уже не слышал ни горлинок, ни радостного чириканья воробьев. Люди завидуют Хамзе, а Хамза считает, что не он, а Назиржан поступил так, как надо.

— Не пойду больше в медресе. Не пойду.

Тонкая фигура под темной паранджой поравнялась с ним. Отогнулся край черного чачвана, черный глаз сверкнул.

— Салам, Хамза!

— Зубейда!

Еще бы, он сразу узнал ее! У кого такие быстрые глаза и такие крылатые ресницы, и такое нежно-румяное, как лепесток розы, лицо! Лишь краешек щеки он увидел, но можно ли ошибиться? Это Зубейда, которая в мактабе вместе с ним требовала, чтобы ее учили читать и писать!..

— Зубейдахон, как ты живешь? Расскажи!

Но черный чачван уже надвинулся на лицо, будто и не сверкнул только что из-под него черной звездой глаз, быстрый, как молния, будто не выглянула розовая щека.

— Что вы, что вы, Хамза! Отойдите. Люди увидят.

— Но, Зубейдахон, мы же вместе учились!

— Позади нашего дома хауз. Когда стемнеет, я приду туда за водой.

Кривой переулок с голубыми и зелеными резными калитками в глухих глиняных дувалах вывел Хамзу на широкую улицу, прямо к ханскому дворцу.

Хана здесь уже нет. Теперь не ханство, а Туркестанское генерал-губернаторство. А ведь не так давно на стенах этого дворца

[1] Бобо — дедушка.

— Ты как та ханша, которую увидел завоеватель,— тихо, улыбаясь, сказал Хамза.

стояла многолюдная стража хана Худояра, того самого хана, что душил узбеков налогами. Привезет дехканин уголь в город — плати налог. Привезет сено — плати налог. Налоги на сады, и не только на сады. Даже на верблюжью колючку придумал налог — так много ему надо было денег!

А когда-то в давние времена в этом дворце прекрасная Зейнаб, жена хана, писала стихи... И поплатилась жизнью...

Был хан. Теперь генерал-губернатор. И где-то далеко русский царь. Им всем тоже нужен налог...

Темнота сгустилась внезапно. Город затих. Кое-где над дувалами поднялись тусклые отсветы — во дворах зажглись керосиновые лампы. Тонкая фигура Зубейды неслышно возникла у хауза, смутно отразившись в воде.

— Ты как та ханша, которую увидел завоеватель,— тихо, улыбаясь, сказал Хамза,— помнишь? Он увидел ее отражение...

— И что же? — лукаво спросила Зубейда.

— Ну, увидел — и полюбил. Здравствуй, Зубейдахон.

— Здравствуйте. Как вы живете, Хамзахон? Нравится ли вам в медресе? Правда ли, что вы станете ишаном? И потом, конечно, пойдете в Мекку? А как же? Ведь если вы не пойдете в Мекку, то не станете ходжой!

— Я не стану ишаном, Зубейда,— ответил Хамза, услышав в ее голосе насмешку,— и не пойду в Мекку, и не стану ходжой.

— Это правда, Хамзахон?

— А ты хотела бы, чтобы я стал ходжой?

— Нет, Хамза, нет. Не хотела бы! Я их ненавижу, этих ишанов...

— Почему, Зубейдахон?

— Не хочется говорить... Лучше расскажите о себе, Хамза. Да поскорей, а то меня хватятся...

— Еще сам ничего не знаю. Как сложится жизнь? Если будет, как захочу... Но смогу ли повернуть так, как захочу?

— Ах, Хамза,— вздохнула Зубейда,— вы мужчина, вы можете еще попытаться повернуть свою жизнь. А я...

— Зубейда! — послышалось из темноты сада.— Ты утонула там, что ли?

— Мама зовет,— прошептала Зубейда,— прощайте, Хамза. Я буду думать о вас...

И, зачерпнув воды, быстро побежала к дому.

— Иду, мама, иду!

— До завтра, Зубейдахон!

Все. Тихо вокруг. Темно. Черные купы деревьев опрокинуты в неподвижную воду.

Хамза лег спать со сладким чувством, от которого замирало сердце.

— До завтра, до завтра...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Ведет журналист-международник Яков БОРОВОЙ

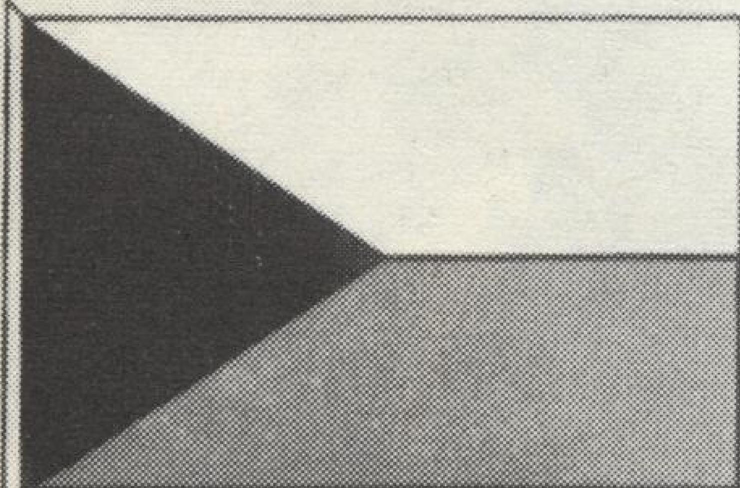
У НАШИХ ДРУЗЕЙ

ШАГИ ПЯТИЛЕТКИ

Самым важным событием в жизни Чехословакии в прошлом году был XV съезд Коммунистической партии ЧССР, который наметил новые планы социалистического строительства.

По всей стране высятся стройки пятилетки: на реке Ваг возводится гидроэлектростанция «Литовска Мара», заложен гигантский электросталеплавильный завод под городом Кладно, электростанция «Тумице № 1» — международная стройка молодежи социалистических стран, и, наконец, пражский метрополитен. Строить его в столице Чехословакии помогают метростроевцы из Советского Союза.

Дружба советского и чехословацкого народов родилась в борьбе с фашизмом. Радостно встречал народ Чехословакии в 1945 году советских воинов, принесших им свободу.

Государственный флаг и герб Чехословакии.

Социалистические страны, входящие в СЭВ, в их числе Советский Союз и Чехословакия, общими усилиями проложили нефтепровод «Дружба».

Книжки-путешественницы

Пятьсот английских детских книжек совершили путешествие в нашу страну и побывали в гостях у юных друзей книги из Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Еревана. Дружную компанию героев сказок, исторических, приключенческих и фантастических книг из Великобритании везде встречали с радостью, о них писали самые хорошие слова (по-английски!) в книгах отзывов. Ничего, что в них иногда попадались ошибки, главное — ребята писали от чистого сердца.

Секретарь посольства Великобритании по вопросам культуры ВИЛЬЯМ МАРЗДЕН рассказал нашему корреспонденту:

— Нас очень радует, что москвичи и гости столицы так тепло встречают выставку «Детская книга в Великобритании». Мы постарались отобрать для нее самые разнообразные книжки.

В Англии книги для детей издаются с начала XVIII века. Сейчас в Великобритании их выпускает множество издательств. Но, к сожалению, тиражи детских книжек невелики — не больше десяти — пятнадцати тысяч экземпляров. А английские дети, как и советские, очень любят читать. Юные англичане пользуются не только детскими библиотеками, но и взрослыми читальными залами. В них больше трети посетителей — ребята.

В Англии тоже была выставка «Детская книга в СССР». Я уверен, что обмен выставками детских книг поможет нашим народам лучше узнать друг друга. Язык книг понятен и близок всем. Книжные выставки, я уверен, подружат маленьких граждан Великобритании и СССР.

Горькое детство

«С точки зрения заправил современного общества Италии, идеальным является ученик, которому с детства вбили в голову, что хозяин и рабочие друг в друге души не чают, что все, кто честно трудится, обязательно попадут в рай,— писал недавно итальянский журнал «Виа нуове».— В общем, они хотят, чтобы, став взрослым, маленький человек преданно служил хозяевам».

На первом месте среди предметов, изучаемых в итальянской школе, стоит «закон божий».

В учебниках истории много внимания уделяется фашистской диктатуре Муссолини: задачей «итальянского фюрера», уверяют авторы учебников, было «навести порядок и дисциплину внутри страны и сделать ее сильной и уважаемой в мире...» Из школы дети выходят, ничего не зная об ужасах войны, о громадных несчастьях, которые принес фашизм итальянскому народу, всем народам мира.

Изучению СССР в учебнике новейшей истории уделено столько же места, сколько Лихтенштейну — карликовому государству в центре Европы. Не удивительно поэтому, что один выпускник итальянской средней школы, когда его спросили, что он знает о Советском Союзе, ответил: «Там, в России, живет племя казаков, течет река Волга, а по улицам немногочисленных городов ходят мужики с бородами».

Школ в стране не хватает.

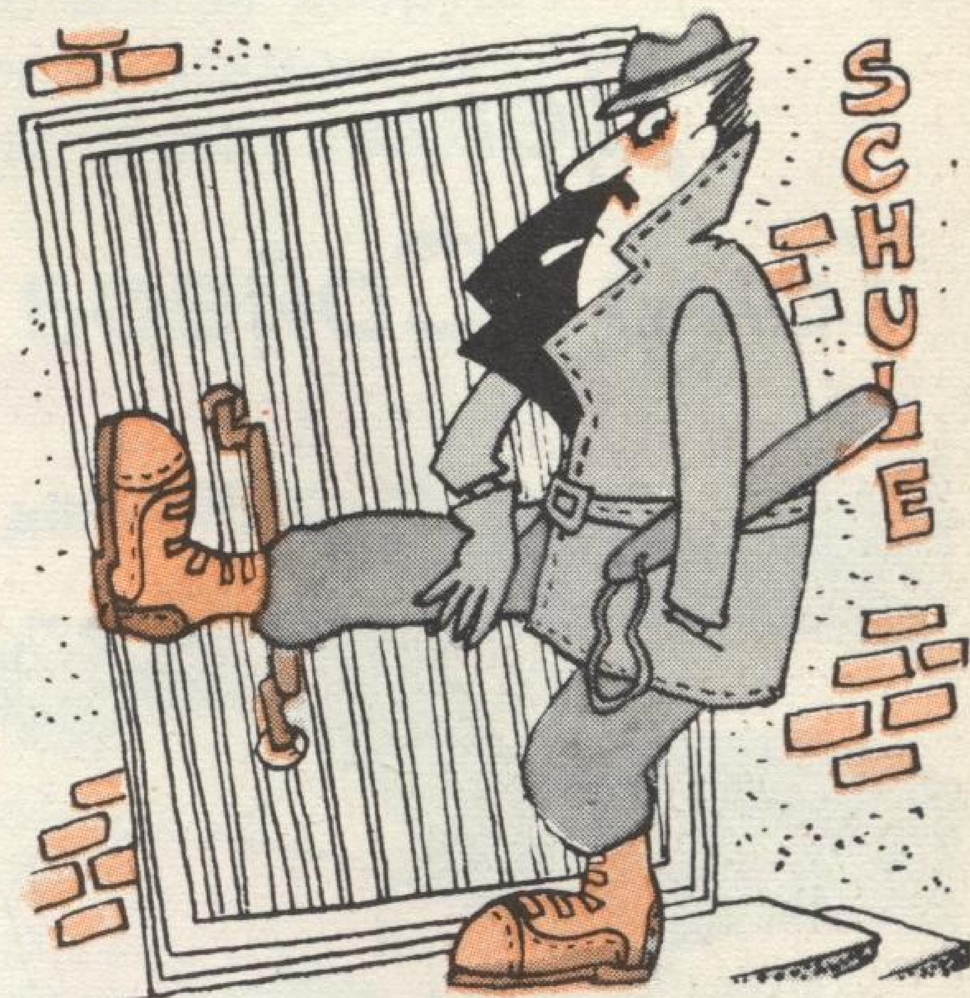
Детский труд в Италии стал сегодня обычным явлением. Свыше миллиона детей работают по десять часов в сутки. Предприниматели охотнее берут на работу малолетних, нежели взрослых: детям за тот же труд платят в 10—12 раз меньше. Дети толкают тяжелые тачки, носят огромные мешки с цементом, копают траншеи.

Дети вырастают, так и не увидев детства. Прогрессивные силы страны решительно выступают за лучшее будущее своих маленьких сограждан. В авангарде этого движения — Коммунистическая партия Италии.

Пионер? Вон из школы!

В последние годы многие граждане ФРГ лишились работы. Виной тому закон «запретов на профессии» — на государственную службу не принимают тех, чьи убеждения отличаются от взглядов правящих кругов страны. Жертвами этого «закона» стали три с лишним тысячи человек: рабочие, преподаватели школ, художники, литераторы, артисты — члены Коммунистической партии Германии или других демократических организаций.

Недавно в газетах был опубликован документ, вызвавший негодование всех честных граждан ФРГ: это была инструкция, которую разослали директорам школ земли Рейн — Северная Вестфалия. Им предлагалось срочно сообщить фамилии учеников — членов социалистической детской организации ФРГ «Юные пионеры». Учителям рекомендовано занижать оценки пионерам, чтобы легче было исключить их из школы за «неуспеваемость», а пионеров, принимающих участие в демонстрациях и митингах, исключать немедленно «за нарушение дисциплины». В этом документе поощряются доносы: ученикам, которые будут сообщать о деятельности пионерской организации, обещаны высокие оценки.

Как говорится, среди бела дня нарушается конституция, в которой всем гражданам ФРГ (в том числе, разумеется, и юному поколению) обещано право свободно вступать в любые организации.

Цена олимпийского золота

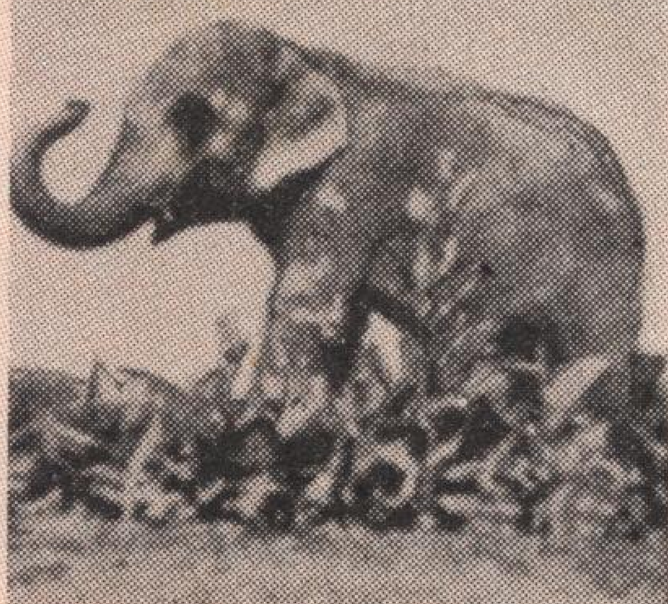
Во время финального матча по хоккею на траве новозеландский вратарь Тревор Маннинг получил серьезную травму. Из Монреаля он вернулся домой с золотой медалью и... ногой в гипсе. Из-за болезни Тревор — рабочий береговой спасательной службы — лишился работы. Руководство фирмы отказало даже в выплате страховки, ссылаясь на то, что «за границу он выезжал не в деловую поездку...» В беседе с журналистами Маннинг сказал: «Теперь блеск золотой олимпийской медали ничего для меня не значит. Никому до меня нет дела. Я из последних сил борюсь за то, чтобы как-то содержать семью на свои сбережения. А впереди у меня одно — бедность...»

Француз Ги Дрю тоже завоевал золотую медаль в Монреале в беге на 110 метров с барьерами. Печать Франции единодушно провозгласила его «национальной гор-

достью» страны... Но из парижской школы, где олимпийский чемпион преподавал физкультуру, его уволили. По мнению директора, он «слишком часто отлучался с работы» и «слишком много тренировался» в ущерб своим прямым обязанностям. Так олимпийский чемпион — «национальная гордость» страны — оказался на улице без средств к существованию.

Два спортсмена, две человеческие судьбы: оба добились большого успеха, принесли славу своей стране. Но буржуазное общество разменяло их «олимпийское золото» на жалкие медяки.

Знакомьтесь, журнал «Индия»

Народы Индии и Советского Союза с давних пор связывает самая искренняя дружба.

Перед вами, ребята, иллюстрированный журнал «Индия». Он выходит четыре раза в год и рассказывает о сегодняшнем дне Республики Индии — о развитии промышленности, науки и техники; о первом индийском искусственном спутнике Земли «Ариабата», в создании которого принимали участие советские ученые; о прошлом Индии, ее великолепных памятниках, обычаях, песнях и танцах, дошедших до нас из глубины веков...

Советские люди знают и любят искусство и культуру Индии. В одном из номеров журнала рассказывается о советской пионерке Марине Ивановой, которая так исполняет индийские танцы, что один знаток народного танца Индии сказал о ней: «Она смотрится как типичная индийская девочка... Она все делает правильно и при этом добилась большей выразительности, чем некоторые наши танцовщицы...»

День Тома Сойера

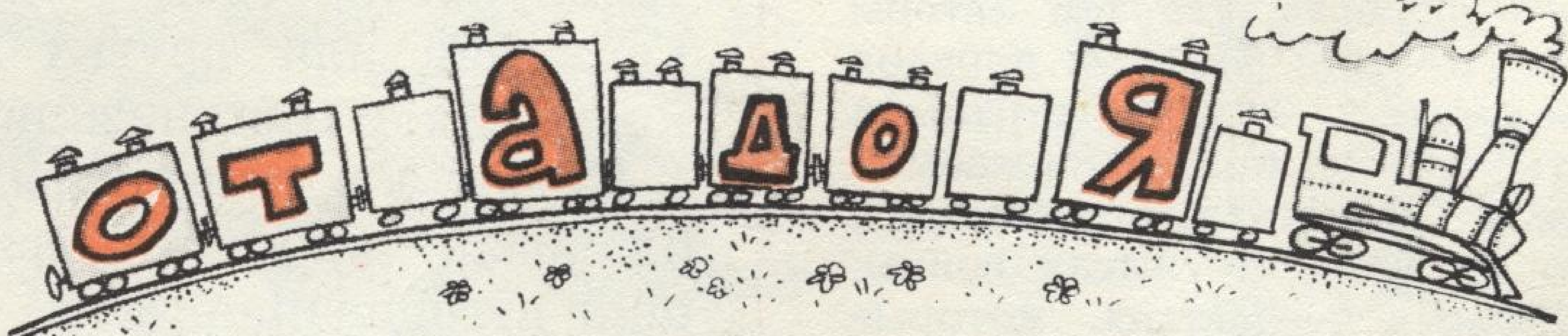
Вы помните, конечно, как Том Сойер красил забор? Это было субботним апрельским утром в маленьком американском городке Ганнибале. Там прошло детство Марка Твена, его он изобразил в своих замечательных книгах «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна».

День Тома Сойера отмечается ежегодно и считается для всех Соединенных Штатов праздником. Город Ганнибал превращается на одни сутки в провинциальный городок XIX века. В этот день в лавках и магазинах продаются куртки, штаны, башмаки и шляпы точно такие, какие носили Том и Гек. Вам предложат массу сувениров, начиная с пуговиц и кончая штурвалом с парохода «Поль-Джонс», на котором Марк Твен плавал по Миссисипи.

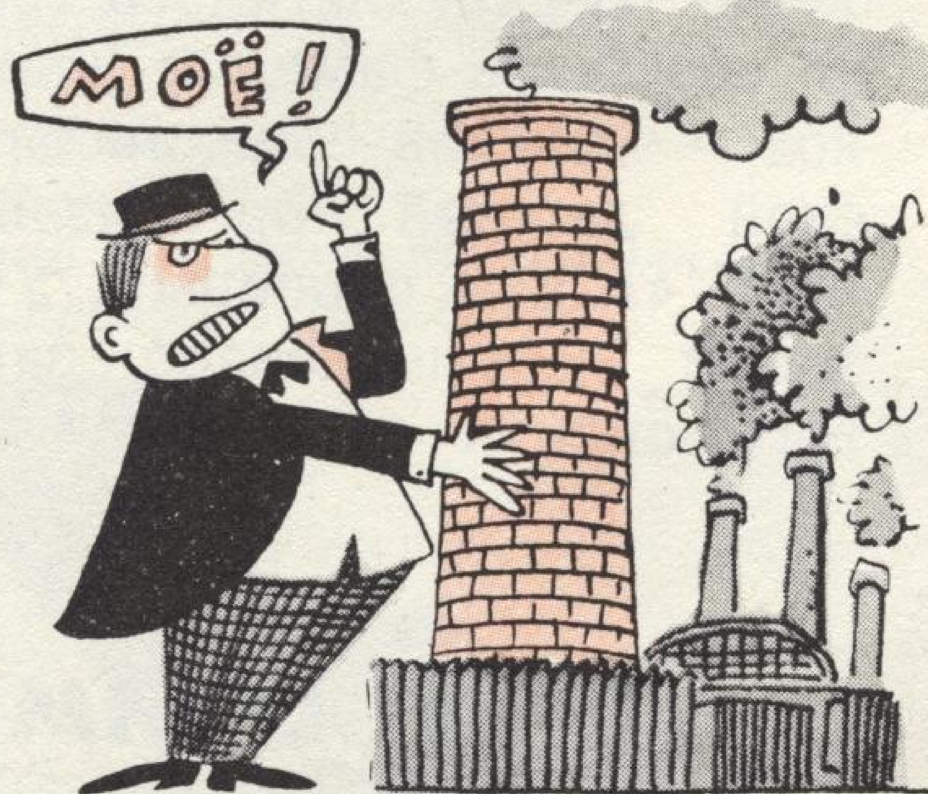
Жители Ганнибала с гордостью показывают гостям памятник Тому и Геку на Праздничном холме. Оттуда можно полюбоваться огибающей город Миссисипи и увидеть маленький островок посреди реки, где Том, Гек и Джо Гарпер играли в пиратов.

Кто быстрее и лучше выкрасит забор? Такое соревнование проводится в День Тома Сойера. Для этого каждый год строят новый забор. В состязаниях принимают участие чуть ли не все мальчишки и девчонки города. Победителям торжественно присваивают имена Тома Сойера и Бекки Тэчер, и они пользуются ими целый год.

С. МАКЕЕВ.

БУРЖУАЗИЯ — господствующий класс капиталистического общества, которому принадлежат фабрики и заводы, земли и банки.

Буржуазия живет и богатеет за счет труда рабочих и крестьян.

В нашей стране рабочие и крестьяне уничтожили власть буржуазии и передали ее подлинному хозяину страны — трудовому народу.

КОНСТИТУЦИЯ — основной закон государства. Он отражает общественное и государственное устройство страны, права и обязанности граждан.

В конституциях буржуазных государств узаконены частная собственность капиталистов и эксплуатация человека человеком.

Конституция СССР провозгласила принципы социалистического государства, государства рабочих и крестьян: собственность народа на землю, фабрики и заводы; права граждан на труд, отдых, образование и участие в управлении государством. В нашей стране нет эксплуататорских классов — все люди равны. Все народы Союза Советских Социалистических Республик равноправны.

За годы Советской власти наша страна стала государством развитого социализма. В новой конституции СССР, проект которой сейчас разрабатывается, будут отражены основные черты развитого социалистического общества, важнейшие достижения советских людей за прошедшие десятилетия и высшая цель нашего государства — построение коммунистического общества.

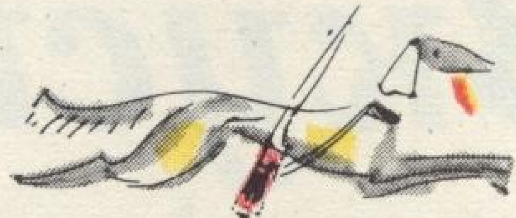
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Редакторам и авторам «Переменки» очень приятно было получить письмо от Гали Леонтьевой, ученицы 7-го класса города Волгограда. Почему? Потому что Галя пишет: «Я посылаю отрывок из своего изложения, которое называлось «На болоте». Когда я его проверяла, я вдруг заметила строчку: «...мне редко удавалось попасть в кочку, и ноги мои проваливались по пояс...» Я так сама над собой смеялась, что чуть двойку за поведение не получила...» Вероятно, на уроке следует смеяться потише, даже над собой, но то, что Галя не боится посмеяться над своей смешной ошибкой, — хорошо. С чувством юмора тут все в порядке. А вопрос этот: «Есть у меня чувство юмора или нет?» — волнует, оказывается, многих наших корреспондентов. И «Переменка» рада такому волнению. И даже готова сослаться на такой авторитет — академик П. Л. Капица, человек столь же остроумный, сколь и серьезный, любит повторять: «Только очень глупые люди не понимают шуток». Да, мы за добрую шутку, и потому приветствуем тех, кто от имени своего «самого веселого и дружного в школе класса» посылает нам секундные «взрывы хохота».

Из школьных сочинений

«Две проблемы живут в доме Кабанихи...»

«Черное море расположено в Одессе».

«По полю скакали дворяне и собаки...»

«В яме он все равно не падал духом. Но вскоре стал падать».

«В Антарктиде Пржевальский открыл дикую лошадь и дикого верблюда».

«На Митрофанушке было написано, что он тупица и невежа».

«Молекулы газа сначала колеблются, словно раздумывают: куда бы нам прыгнуть?»

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ХИМИИ

— Что такое вещество без примесей?

— Это чистое вещество.

— А если мы примешаем к нему что-нибудь?

— Оно станет грязным...

Света Малкина, г. Прокопьевск.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

— Какие бывают виды медведей? — спрашивает учительница.

— Медведи бывают бурые, гималайские и... косолапые!

Валера Миловидов, г. Рязань.

НА УРОКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

— Как сказать по-немецки «осел»?

— Дер осел...

Валя Путилина и Ира Лисицкая, Воронежская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Мы изучали заимствованные слова. Учительница попросила назвать слова, которые начинаются с буквы «ф».

Сережа ответил:

— Фантомас.

Лена Ветвер, г. Нижнекамск.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. «В чем была сила Ильи Муромца?»

Ученик. «Он ка-а-ак засвищет!!»

Наташа Лукьянова, ст. Бутылица, Владимирская область.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

— Какие животные водятся в пустыне?

Ира долго водила указкой по карте, потом вспомнила:

— Каракумы...

— Миша, как называется самая высокая вершина Тянь-Шаня?

Миша долго думает и наконец вспоминает:

— Жень-Шень.

Нина Кравцова, с. Гаевка, Одесская область.

Переменка. Переменка.

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Идет второй год десятой пятилетки... На полную силу работают наши заводы и фабрики — и те, что выплавляют металл, и те, что делают для нас с тобой все необходимое: и ботинки, и платья, и конфеты, и учебники.
И для каждого завода свое задание, свое место в государственном плане.
В № 1 «Пионера» ты прочитал о заводе «Азовсталь» — гиганте нашей металлургии.
Писатель В. АРРО и художница Т. ЛАРИОНОВА побывали на фабрике «Красный Октябрь» и рассказывают тебе о своем путешествии.

Вкуснее не бывает!

РАССКАЗ О МОСКОВСКОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКЕ «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»

Я ВСЕ ПРОБОВАЛ, ПРОБОВАЛ...

Когда мои знакомые узнали, что я был на кондитерской фабрике, то каждый непременно спрашивал: «Ну и как, пробовал?» Думаю, что вопрос такой встает и перед читателем. И вот, чтобы у вас не было никаких сомнений на этот счет, скажу сразу: пробовал. Пробовал ирис «Молочный» и «Кофейный», конфеты «Осенний сад» и «Красный цветок», пробовал «Клубничные» и «Медовые», «Ласточку» и «Черноморочку», «Горные» и «Стратосферу», «Зоологические» и «Космические»; пробовал конфеты на глюкозе и на ксилите. Пробовал «Забаву», «Мечту» и «Надежду», и чего только не пробовал! Даже «Птичье молоко». Так с конфетой во рту и ходил по фабрике, даже разговаривать было затруднительно, и первоначально у меня выходило «ыыы... ууу... ааа...» Но лишь только во рту у меня не оказывалось конфеты, все говорили: «Ну что же вы, попробуйте!»

На фабрике вообще временами кажется, что не конфета в тебе, а ты в конфете: всего тебя обволакивает густой конфетный аромат. Леденцами, карамелью, шоколадом пропахло все: халаты работников, стены, дверные ручки, книга для посетителей, турникет проходной. Даже Мо-

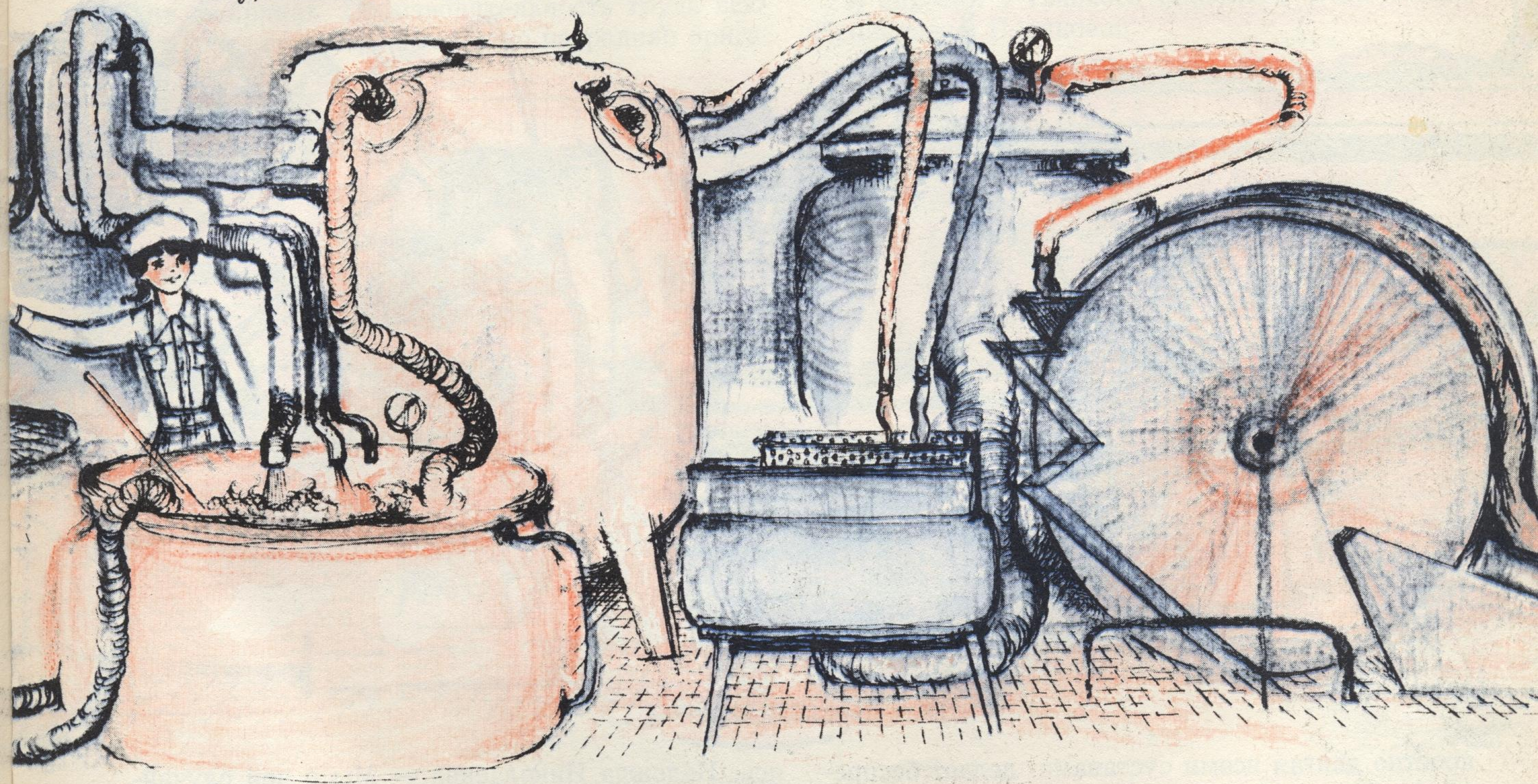
сква-река в том месте, где находится «Красный Октябрь», пахнет конфетами. Да и саму фабрику-то я разыскал в Москве по запаху.

Так что, если вы хотите, чтобы впечатление от этого рассказа у вас было полным, то суньте за щеку ириску, а еще одну положите перед собой. Потому что речь вначале пойдет именно об ириске.

ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ?

Когда знакомишься с каким-нибудь новым делом, то всегда интересно понять — где оно начинается. Оказавшись в ирисочном цехе фабрики «Красный Октябрь», наблюдая, как заверточные машины пулеметными очередями выстреливают ирисками, я все спрашивал у старшего мастера Татьяны Михайловны Шершенковой:

— Ну, а начало-то где?

Так начинается ириска: в котлах варится сладкая, душистая смесь...

— Начало выше этажом, — ответила Татьяна Михайловна.

Бригадир молочной станции Александра Яковлевна Рубцова подтвердила:

— Здесь, здесь всему начало.

Двадцать шесть лет, всю трудовую жизнь посвятила она ирискам. Это сколько же поколений детей она ирисками накормила?!

Значит, так, все понятно: на одном конце кондитерских превращений — ты с ириской за щекой. А на другом — Александра Яковлевна, будем называть ее тетя Шура. На ее попечении двенадцать варочных аппаратов — герметически закрытых котлов. В них она направляет в определенных пропорциях, в определенной очередности поток молока, поток сиропа, поток патоки, поток растопленного сливочного масла. Потом добавляются приправы: либо соль, либо кофе, либо какао. Все это перемешивается и сгущается так, чтобы влаги осталось в смеси всего двадцать три процента.

— Если больше влажность будет, — говорит тетя Шура, — то получится каша. Если меньше, то сами понимаете...

Мы понимаем так, что тогда об ирис можно будет зубы сломать. У тети Шуры, как у всякого мастера с таким стажем, глаз наметан даже на всякие малозаметные тонкости. Недаром ирис «Красного Октября» — самый вкусный в стране. Значит, тетя Шура — на своем месте. Вот почему правительство наградило ее медалью «За трудовую доблесть».

— А только ирис, тетя Шура, — сказал я, — не совсем с вас начинается.

— А с кого же?

— Посудите сами: молоко берется с молочной фермы, масло — с маслобойного завода, а кофе и какао и вовсе из Южной Америки.

— Ну, тогда ирис начинается с ясного солнца, — сказала тетя Шура.

— Это почему?

— Ну, а кто же всем животным и растениям жизнь дает?

Я подумал, что так можно договориться вообще до космического происхождения ирисок, и решил, что пусть они все-таки начинаются с тети Шуры.

ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО

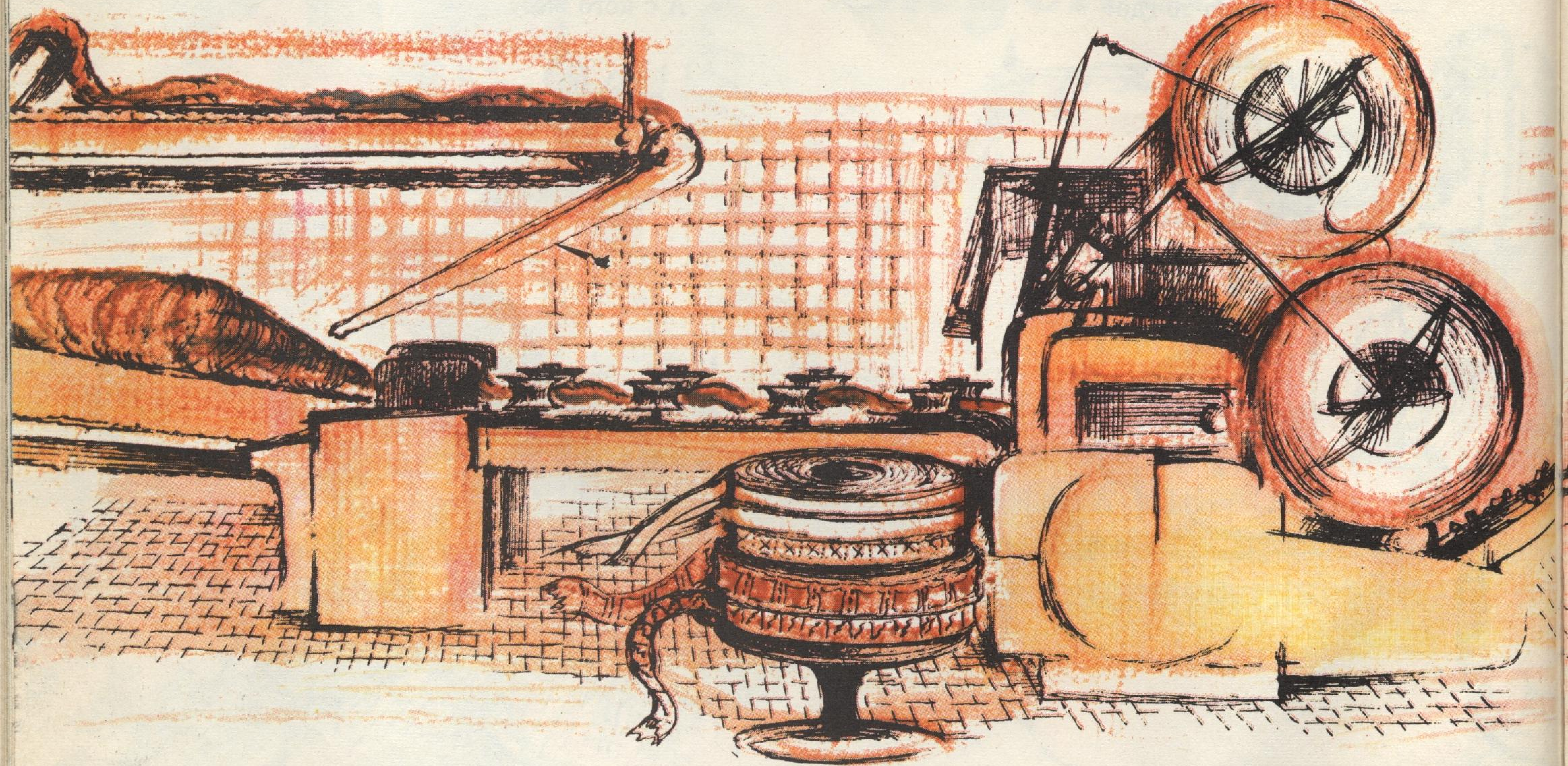
От тети Шуры и ее бригады направляется ирисная масса в новый цех. Чего там с ней только не делают: перемешивают, перекачива-

ют, подогревают, пропускают через сита, уваривают, ароматизируют, охлаждают.

Вот медленно крутится охлаждающий барабан. Горячая ирисная масса тяжелой лавиной сползает на него и распластывается. Холодная вода в барабане отнимает у нее лишнее тепло, охлаждает до сорока пяти градусов. Потом широкое, ленивое полотно встречается с перевертывателями и сворачивается в жгут. Немного ему осталось прохлаждаться. Его замедленное движение скоро закончится, он заторопится, засуетится, запрыгает — ведь рядом стрекочет формовочно-заверточная машина, она ненасытна, она тороплива, у нее ни секунды свободного времени!

Жгут, пока еще вялый и толстый, меж двух веретен превращается в конус. Тонкий его конец вытягивается в змею, набирает скорость. Змея струится, изгибается на транспортере и, как угорелая, влетает в машину. А машина, яростно двигая всеми суставами, делает беспрерывное «трррррррр!». Это она формует, режет и заворачивает. Кажется, что в цепких лапках ее все время одна и та же ириска, что она схватила ее и не выпускает. Но это не так. Ириски сменяются с такой скоростью, что глаз просто не успевает это заметить. Шестьсот сорок ирисок за одну минуту машина успевает сформовать, отрезать и завернуть в фантик! За сутки непрерывной работы она выпускает их двадцать шесть тонн. А Татьяна Михайловна Шершенкова, которая мне все объяснила, постоянно думает, как бы еще повысить скорость машины.

Затем автоматы моментально отсчитывают десять ирисок, заворачивают их в красивые блоки. Другие подают ириски на транспортер россыпью. Проплывая по ленте к весам, они охлаждаются воздушной струей и порциями по семь килограммов сыплются в коробки.

«НАДЕЖДА»

В соседнем цехе происходит примерно такая же история с конфетами. Вот перед нами поточная линия. Здесь готовятся конфеты с начинкой — помадной и желейной. По транспортеру в тот момент, когда я подошел, проплывали тысячи раздетых-разутых, то есть не облитых еще шоколадом конфет «Надежда».

Перед тем как попасть на транспортер, эти конфетки были густой конфетной смесью, которая тяжело вытекала из воронки в отливочную машину. А превращение ее в конфеты совершалось под руководством кавалера ордена Трудового Красного Знамени Надежды Николаевны Барановой.

Я спросил:

— Их так назвали не в вашу честь?

— Слишком велика честь, — ответила, смеясь, Надежда Николаевна. — Мы с ней случайные тезки. Просто конфетка у нас долго не получалась, и мы о ней думали с надеждой.

Маленькие, аккуратненькие «Надежды», подсохнув в специальной шахте, приобрели корочку и, тепленькие, веселые, с кремовым загаром, дружно высыпались на транспортер. Я попробовал одну конфетину и воскликнул:

— Да им не надо шоколада!

— А мы знаем, — сказала бригадир глазуровочной машины Любовь Анатольевна Кириленкова. — Часть конфет мы выпускаем без глазури, они и так вкусны. Но другую часть все-таки обливаем шоколадом.

Стол, за которым мы с Любовью Анатольевной разговаривали, беспрерывно трясся мелкой дрожью. Он, оказывается, так и назывался — трясостол. Веселую и бесшабашную компанию

загорелых «Надежд» он приводил к порядку — укладывал по ячейкам в строгие и четкие ряды. «Надежды» теперь выглядели, как физкультурницы на параде.

В глазуровочной машине конфеты одевались в строгие коричневые костюмы из шоколада. Их обдувал ветерок и для пущей красы делал «Надеждам» завивку — шоколадные волны на поверхности. Потом их посылали в холодильные камеры охладить пыл.

Бригада Любови Анатольевны, посовещавшись однажды, решила, что их машина может работать быстрее и выдавать за то же самое время на двадцать пять процентов больше конфет. Для этого работницы предложили кое-что изменить на поточной линии, ну и сами стали трудиться без потери времени. Свое предложение они назвали «Норма не предел».

Как они задумали, так и получилось. Эти слова как лозунг подхватили на других кондитерских фабриках. Производительность труда всюду повысилась. Правительство наградило бригадира Любовь Анатольевну Кириленкову орденом Ленина.

КОНФЕТЫ И ПЕСНЯ

Вот задумали однажды на фабрике сделать подарочный набор «Надежда», чтобы, значит, один человек с надеждой дарил другому человеку эту коробку.

Оформление коробки заказали художнику Л. Челнокову, работы которого много раз получали на ВДНХ и международных выставках премии. Художник долго думал, пробовал конфеты, а потом у него родилась идея. Он пришел на фабрику и говорит:

— Товарищи, есть хорошая песня композитора Александры Пахмутовой под тем же названием «Надежда». Вы все ее знаете.

И художник напел: «Надежда — мой компас земной, а удача — награда за смелость, а песни довольно одной, чтоб только о доме в ней пелось».

И предложил эскиз коробки — на зеленом фоне нотная бумага, скрипка, ромашки, а на обратной стороне крышки — ноты и слова песни «Надежда».

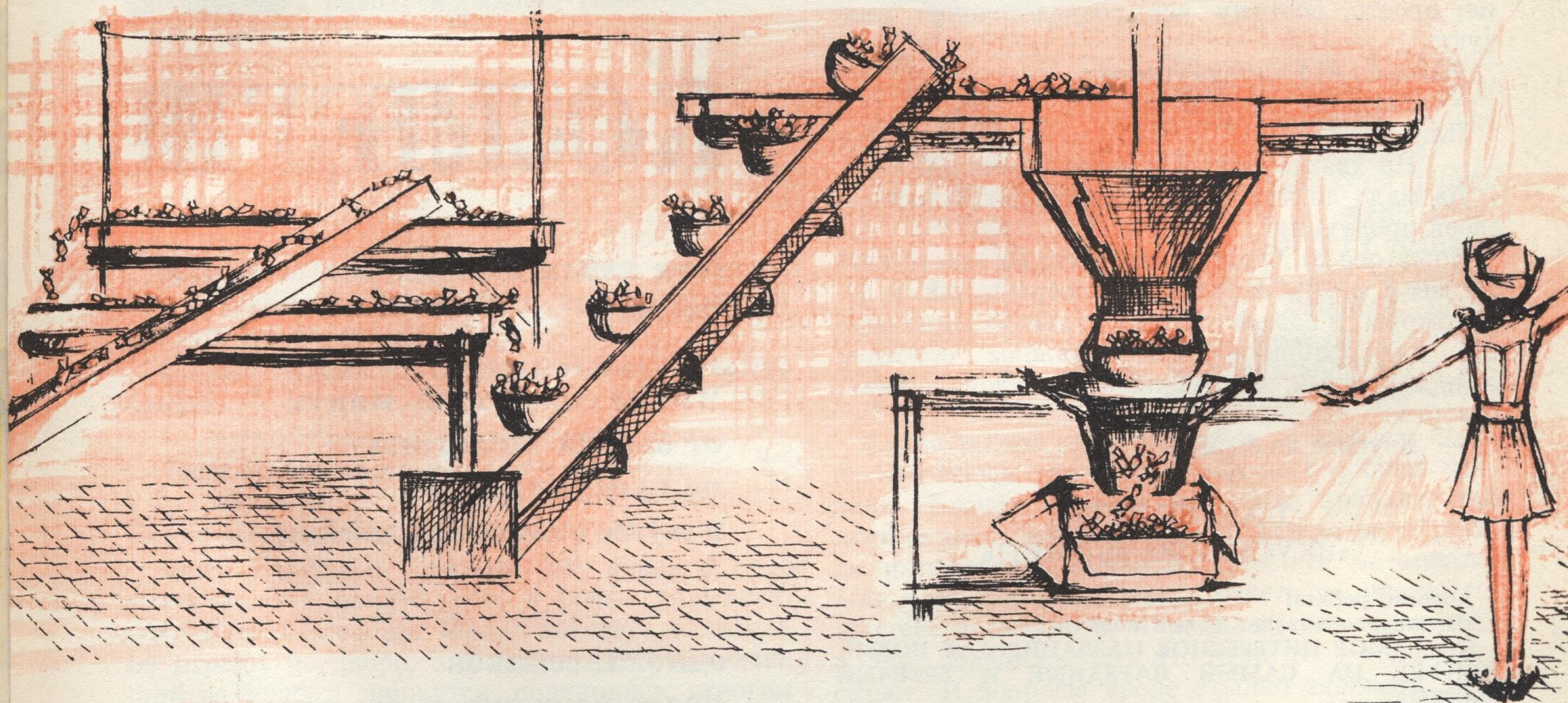
— Ну что, обсудим? — спросил художник.

— А знаете что, — сказали кондитеры, — не все авторы в сборе. Давайте пригласим и тех, кто создал песню.

Так на фабрике «Красный Октябрь» встретились однажды все авторы: кондитеры, художники, композитор А. Пахмутова и поэт Н. Добронравов. Получился целый авторский коллектив. И каждый работой других остался доволен. Авторы песни обещали снова прийти на фабрику да еще с целой группой артистов.

РОЖДЕНИЕ КОНФЕТЫ

Я спросил у главного технолога цеха Аллы Леонидовны Новиковой:

Сладкий жгут вползает в машину, и из нее сыплются готовые ириски в фантиках.

— А как вы придумываете названия?

— Да так. Бывает, что у конфеты есть какой-нибудь явный признак: например, лимоном пахнет, или кофе, или медом. Чего тут хитрить, мы и говорим то, что есть: цитрусовые, кофейные, медовые. Ну, а иные названия рождаются в честь какого-нибудь памятного события. Отдаем дань уважения и любимым героям детских книг. Некоторые названия случайны. Но вот одна конфета названа в честь нашего товарища. Долгое время на фабрике работал Василий Васильевич Баскаков, большой мастер своего дела, автор множества сортов карамели. Все его любили и уважали. И когда ему исполнилось шестьдесят лет, конфету, которую он придумал, назвали в его честь — «Вася-Василек».

— А где рождается новая конфета, может, вы покажете? — спросил я и встал.

Алла Леонидовна ответила:

— Никуда ходить не надо, вот здесь.

— Где, где?

— Да вот здесь, в этой комнате. Видите, в углу стоит электроплитка? Вот на ней, в обыкновенном ковшике мы и сочиняем новую конфету.

И она рассказала, как из разных компонентов, из множества вкусовых добавок составляется конфетный букет. На это уходит немало времени, ведь букет вкуса и запаха надо составить совсем новый, какого еще не было.

Каждый четверг в производственном отделе фабрики собирается дегустационный совет. Все рассаживаются за большим столом. Посреди стола стоят тарелки с конфетами, а возле каждого члена совета — дегустационный листок и стакан с чаем.

— Ну, начнем, пожалуй? — спрашивает начальник производственного отдела, и все берут по конфете. Распробовать и оценить конфету не так просто, поэтому все сосредоточенно смакуют.

Наконец кто-нибудь говорит:

— Помадка твердовата.

Или:

— Не хватает мандариновой эссенции.

Да мало ли что могут сказать специалисты о своей продукции!

Но самые-то главные дегустаторы знаете кто? Да мы с вами! Мы с вами и потребители, и дегустаторы, и самые главные судьи. И наше мнение для фабрики — самое важное, особенно если мы с вами, зажмурившись от удовольствия, говорим:

— Вкуснее не бывает!

НАШ КОНКУРС «ВКУСНЕЕ НЕ БЫВАЕТ!»

Дорогие ребята!

«Пионер» объявляет новый конкурс:

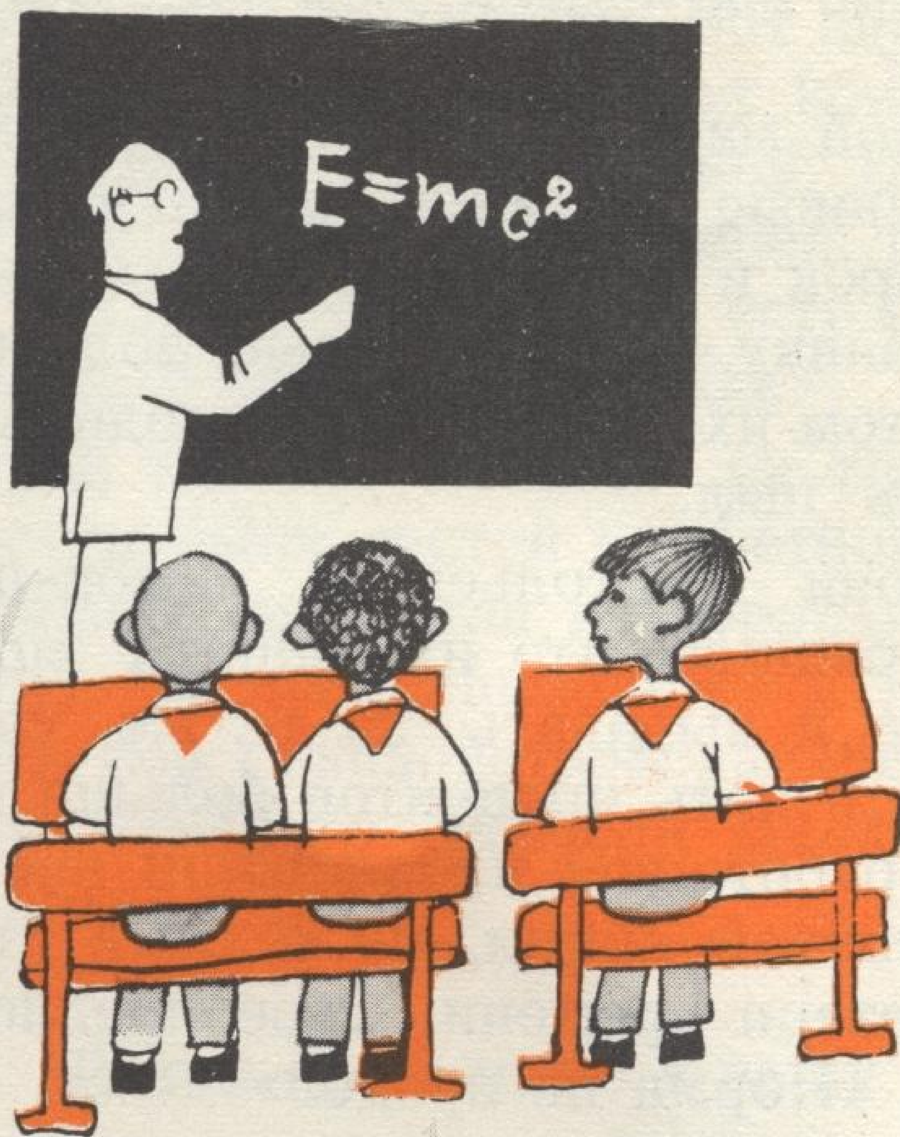
НА САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ НАЗВАНИЕ ДЛЯ НОВЫХ КОНФЕТ, НА САМЫЙ НАРЯДНЫЙ И ВЕСЕЛЫЙ ФАНТИК.

Присылайте свои предложения и рисунки. Мы покажем их жюри — мастерам и художникам с «Красного Октября». Они определят победителей конкурса. ПОБЕДИТЕЛЯМ — СЛАДКИЙ ПРИЗ!

Последний срок присылки писем и рисунков — 30 АПРЕЛЯ.

На конверте напишите название конкурса «ВКУСНЕЕ НЕ БЫВАЕТ!».

И. ПАВЛЕНКО

КОЛЛЕГИ

Как сделать,
чтобы
всем было учиться интересно?
Чтобы сорок пять минут
от звонка до звонка
не превращались
в муки ожидания двойки.
И никто не сжимался бы
под насмешливыми взглядами
одноклассников
после неудачного ответа.
И не опускались бы руки
у «серменьких» троечников
от бессилия что-нибудь изменить
в своей троечной,
раз и навсегда
определившейся судьбе.
Как сделать,
чтобы
и в учении действовал закон
«один за всех и все за одного»?

Рисунки Ю. РОДИНА.

КОНСУЛЬТАНТ ЛЕША, ОДИН ИЗ ДВУХСОТ

В углу класса сидят пятеро. Сидят кружком вокруг двух сдвинутых столов. Перед каждым — тетрадка. Разговаривают.

— Движение тела, брошенного вверх, это, по-твоему, какое движение? — спрашивает Леша Витю. — Не знаешь? Ну давай разбираться. Бросаем мы вверх мяч, он на землю возвратится? Обязательно. Почему? Пока он летит вверх, сила, с которой мы его бросали, становится меньше силы земного притяжения. Скорость его движения вверх равномерно замедляется. Вот и называется движение равнозамедленным. Вот она стала равна нулю — мяч летит вниз, скорость падения равномерно увеличивается. Тут уж движение равноускоренное. Понятно?

И ДРУЗЬЯ

Всем было понятно, и тогда Леша попросил:

— Приведите, пожалуйста, пример криволинейного движения.

Андрей поднял от тетрадки голову и быстро сказал:

— Автомобиль на деревенской дороге...

Леша прямо подпрыгнул от удовольствия:

— Автомобиль... По ухабам!.. Прекрасно!.. Самое настоящее криволинейное движение.

Леша Трофимов считает, что физику надо уметь видеть вокруг себя, в самых понятных, обыкновенных вещах. Мяч, с которым мальчишки играют во дворе, автомобиль, подскакивающий на ухабах, движутся, подчиняясь строгим законам физики. И Леша хочет, чтобы ребята научились понимать эти законы.

Леша Трофимов — консультант. В 73-й московской спецшколе двести консультантов. Это ребята, которые знают предметы лучше других и в любой момент готовы прийти на помощь своим товарищам. Классы разделены на группы (их по каждому предмету шесть-семь). В группе — четыре-пять человек и консультант. Если сравнить учение со спортом, то консультант как играющий тренер. Он все время со своей командой, он такой же, как и все, ученик и одновременно наставник.

Быть консультантом — это пионерское поручение отряда. Утверждается поручение советом дружины.

На занятия со своей группой Леша часто приходит после факультатива по физике, работы в библиотеке. Иногда ему хочется тут же все пересказать ребятам. Но не всегда так получается. Главное сейчас — с Ирой порешать задачи, которые у нее не решались на уроке. Саше помочь разобраться в новом материале. В первую очередь — дела текущие. А потом Леша расскажет о своих открытиях и постарается так рассказать, чтобы все они полюбили физику, заинтересовались не только этим предметом — наукой.

Консультантом быть трудно. Не только потому, что надо знать много. Надо, чтобы одноклассники признали твое право учить их, увидели в тебе не только помощника учителя, но хорошего, доброго товарища, который не кичится своими знаниями, не зазнается, всегда готов понять, выслушать, подбодрить.

У каждого из ребят свой характер, у всех разные знания, и все это должен учитывать консультант.

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ «НЕ ПОНИМАЛ»

Есть у Леши в группе один мальчик. «Трудным» считался, когда начали заниматься.

Все стараются понять урок, а он: «Не понимаю». Но руку поднять, спросить, что не понятно, не решается. Боится — засмеют. Леша добивается: «Ну, что ты не понимаешь?» Он пожимает плечами: «Не понимаю». И все тут...

Такие ребята есть, наверное, в каждом классе. Не всегда это лентяи или неспособные ученики. Бывает, просто запустили предмет или постеснялись вовремя переспросить, разобраться и перестали ориентироваться в материале. Или один раз ошиблись в ответе на уроке, товарищи посмеялись, и родилась неуверенность в себе, боязнь сказать что-то не то — снова засмеют. И вопросы вроде стыдно задавать, скажут: «Такая ерунда, а ему непонятно». И вот уже перестал человек понимать, что же он не понимает, и превратился незаметно для себя и для других в «трудного» ученика.

Стали они — этот мальчик, о котором мы говорим, и Леша — оставаться после уроков вдвоем. Не торопясь, шаг за шагом распутывать клубок непонимания. Разбирать каждую тему, останавливаться, как только возникнет вопрос, возвращаться к материалу прошлой четверти и даже прошлого года. И постепенно спокойное, доброжелательное Лешино отношение побороло страх показаться смешным. Распутало все, что казалось запутанным, и родилась шутливая фраза: «Консультант, у меня вопросик».

Леша сказал мне:

— Знаете, я даже стал побаиваться его «вопросиков»: придумает что-нибудь с подковыркой, а ты выкручивайся...

ИРА УЧИТСЯ У ЛЕШИ, ЛЕША УЧИТСЯ У ИРЫ...

Ребята учатся учиться. И еще учатся уважать и понимать друг друга. Учатся настоящим человеческим отношениям.

В группах нет деления на хороших учеников и отстающих. Нет снисходительного внимания к тем, кому что-то дается с трудом. Один сильнее по физике, другой по географии. Сегодня ты консультант, завтра — человек, который пока что-то не понимает. Никто не ходит в «золушках». Все товарищи. Все за всех, для всех.

Леша Трофимов — консультант по физике, а по литературе — он «рядовой» член группы. Тут «королева» — Ира Пушненкова, которая по физике старается не упустить ни одного слова из Лешиных объяснений. Ира любит литературу так же, как Леша физику, и так же сильно, как Леша, хочет, чтобы все остальные заинтересовались ее любимым предметом.

Чтобы ребятам рассказать коротко, нужно прочитать много, самой узнать гораздо больше того, что расскажешь. Это как айсберг: большая часть под водой — ее не видно, но именно «подводная» часть дает право учить других.

И еще, чтобы не оставалось равнодушных, очень важно учитывать интересы каждого. Вот, скажем, проходили они по внеклассному чтению «Двух капитанов» Вениамина Каверина. Игоря, который увлекается географией, Ира попросила сделать доклад о первых научных исследованиях Арктики. Тане, она любит биологию, предложила рассказать о другом романе Каверина «Открытая книга»... Сделали стенд с фотографиями и рассказами ребят о Каверине. Записали свои размышления о книгах писателя. И получился у них потом интересный разговор, который длился несколько часов подряд.

УРОК ОБЫЧНЫЙ И НЕОБЫЧНЫЙ

Урок как урок. Учитель объясняет, рассказывает, ученики слушают, записывают, отвечают. Но сидеть в классах 73-й спецшколы всегда интересно. Ребята чувствуют себя свободно, раскованно. Никто не сидит, пригнувшись к парте от страха: «А вдруг спросят?» Никто не боится отвечать и лишний раз переспросить или поделиться сомнениями. Никто не зевает и не шепчется с соседом. Все ребята рвутся в бой: всем хочется спрашивать, отвечать и, если честно говорить, хочется блеснуть перед товарищами.

Дополнительный материал, интересная информация, которую находят Леша Трофимов по физике, Ира — по литературе, их одноклассница Катя Гацак — по истории, помогают всем выйти за страницы учебника и учат умению работать самостоятельно, творчески, делиться своими знаниями, радостью открытия с товарищами.

Учителя называют все это взрослыми мудрыми словами: «активная позиция учеников в учебном процессе». А если сказать попросту, то получится так: всем хочется рассказать на уроке товарищам что-то новое, интересное, чего нет в учебнике, и каждый пытается найти, узнать это новое сам. И всем нравится задавать вопросы — самые неожиданные. И искать на них ответы — ломать голову, рыться в книгах. И снова свои открытия приносить друзьям и своими находками увлекать. И на пути к знаниям не терять никого из товарищей и бороться за успех каждого, как за свой собственный успех.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

— Есть у меня в группе девочка, — рассказала мне Ира Пушненкова, — честно говоря, я ее сначала не любила, считала, что она думает лишь о себе, на уроке тянет руку выше головы, и казалось, только отметки ее интересуют. Но начали мы вместе заниматься, и я узнала — она прекрасно рисует и говорить с ней интересно... Теперь ребята относятся к ней по-другому. И она стала внимательней к одноклассникам, научилась слушать других, заботиться о других людях. Ей хорошо со всеми и всем с ней хорошо. И мы поняли, что во всех людях надо искать главное, ценить лучшие качества, а на что-то незначительное, второстепенное не обращать внимания. Не так-то просто научиться этому...

Из разговоров с ребятами я поняла, что так же, как Ира, думают многие.

Кто-то из консультантов сказал мне:

— Интересно получается: сначала мы привыкли вместе заниматься, а теперь нам хочется быть вместе всегда. Нам радостно вместе. Нам интересно говорить друг с другом обо всем на свете и грустно, когда рядом нет товарища.

Ребята из 73-й спецшколы поняли, что общение — это радость, что большое человеческое счастье, когда тебя понимают, когда с товарищами тебя объединяют общая цель, общие интересы, общие взгляды.

Маленькая школьная группа во главе с консультантом — небольшой коллектив, но он становится коллективом единомышленников. А все группы вместе, объединенные одним делом, одной целью, становятся дружной большой семьей, которая живет по закону «Один за всех и все за одного!»

ДЛЯ МАМЫ И ДЛЯ ТЕБЯ

Владимир Ильич Ленин писал в феврале 1920 года: «Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщина-работница все больше и больше участия принимала в управлении общественными предприятиями и в управлении государством». Как исполняется ленинский завет, чего добилась советская женщина в наши дни и чего достигнет в будущем? Об этом мы попросили рассказать ответственного секретаря Комитета советских женщин Зинаиду Тихоновну ФЕДОРОВУ.

— Первыми декретами Советской власти женщине были предоставлены права, равные с мужчиной. Затем эти права были закреплены в Конституции страны. Что значит это равенство?

Рано утром ребята спешат в школу — девчонки и мальчишки. Они учатся в одних классах, сидят за одной партой. Очень часто случается, что девочки обгоняют мальчишек и в учебе и в пионерской работе. Бывает такое, верно?.. Юноши и девушки на равных условиях поступают в институты и техникумы.

Женщина в нашей стране выбирает себе любую работу по сердцу и получает за свой труд равную с мужчиной оплату. Ваши мамы и сестры и хлеб растят, и у станков работают, и стоят за прилавками магазинов. А женщин — врачей и учителей у нас, пожалуй, больше, чем мужчин. Много среди женщин выдающихся ученых, литераторов, артистов. Сколько спортивных наград принесли стране наши спортсменки! Единственная женщина-космонавт — советская женщина.

Сбываются заветы Владимира Ильича. Сейчас одна треть депутатов Верховного Совета СССР — женщины. Руководить министерствами, предприятиями, колхозами, бригадами — и с этим они справляются прекрасно!

Равное положение женщин и мужчин в обществе и на работе делает равноправной и счастливой и их семейную жизнь. Это в старину женщина была забитым, бесправным существом. Теперь в большинстве советских семей работу по дому делают сообща и мама с папой и брат с сестрой... Государство заботится о том, чтобы как можно больше приборов и машин, облегчающих домашнюю работу, появилось в домах и квартирах. Наверное, и у вас дома есть пылесос, полотер, газовая плита, электрический утюг, чайник. Да и сам дом, квартира, в которой вы живете, — ее дает государство за очень небольшую плату.

Изменились и сами заводы, фабрики, фермы, где работают ваши мамы. Профессиональные союзы стараются, чтобы просторнее, светлее становились цеха, рабочие комнаты. На предприятиях, в учреждениях открыты медицинские пункты, новые рабочие столовые. Много делают профсоюзы, чтобы женщина хорошо отдыхала. В СССР больше пяти с половиной тысяч санаториев и домов отдыха. В 1975 году в них отдохнуло 10 миллионов человек. Больше становится домов отдыха и санаториев, где мамы могут отдохнуть с детьми; есть и туристические маршруты для семейных путешествий.

Рождение ребенка — большая радость. Но это и трудный период для мамы. И пока малыш еще совсем мал, мама получает оплачиваемый отпуск, а если маленький болеет, отпуск продлевается. Мамы с маленькими детьми окружены заботой и на работе и дома.

Мы понимаем, сейчас у женщин еще много хозяйственных хлопот: нужно приготовить ужин, накормить семью, уложить детей. И утром — завтрак, проводить детей в школу, да и самой скорее на работу... В десятой пятилетке, когда больше станет магазинов, столовых, прачечных, комбинатов бытовых услуг, когда много механических помощников войдет в каждый дом, у женщины освободится еще больше времени, и она посвятит его книгам, спорту, чаще будет ходить в кино, в театр. Меньше забот будет связано с детьми: увеличится отпуск для ухода за грудным ребенком. Больше станет детских садов и яслей, школ с группами продленного дня.

Ваши мамы — самые умные и красивые на свете. А будут они еще красивее: меньше хлопот — меньше морщин. И улыбка — она всех красит!

Мой праздник

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

У меня сегодня ноги
Веселей одна другой!
И бегу я по дороге,
Как лошадка под дугой.
С проводов слетают птицы,
Кувыркаясь
на ветру.
В новых санках из больницы
Я везу свою сестру.
Мимо школы, мимо клуба
Знай свистит моя лоза!
И сияют из-под шубы
Родничковые глаза.
Над калиткой с грудкой сизой
Нас приветствует скворец,
И срывается с карниза
Самый
Сладкий
Леденец!

Сверчок

Плывет туман над речкой,
Луна стоит в окне...
Поет сверчок за печкой
В полночной тишине.
Течет из щелки сонной,
Как бархатный песок,
Ленивый, монотонный,
Скрипучий голосок.

Ландыш

Опять расцвел в чащобе непролазной
Кинжальнолистый ландыш голубой...
И ожил шум ветвей однообразный,
И дрогнул снег источенно-рябой.
Текут ручьи
в лощины
и овраги,
Все горячей, все яростней лучи,
И полные безудержной отваги
Вот-вот ударят в бубен косачи...

Рисунки А. ГРИШИНА.

Грачи

На речке — закатного солнца лучи.
Крича, собираются в стаи грачи.
С церквушек,
с полей беспокойного хлеба,
Кругами грачи поднимаются в небо
Все выше и выше, покуда вдали
Не скроется солнце за краем земли.
И, полные тайны,
под куполом звездным
С каким-то величьем
Садятся по гнездам.

* * *

Подмытый берег,
а внизу— река:
Широкий плес, и острова, и мели,
И заросли густого тальника,
И солнцем позолоченные ели.
На берегу — веселые цветы,
В траве алеет спелая клубника,
Они вот-вот сорвутся с высоты,
Но как вокруг чудесно,
посмотри-ка!..

Кулик

В закатном золоте тальник
И отмель — золотая...
— Чувить-ла-ла! — поет кулик,
Над заводью летая,—
Куда хочу, несут крыла,
И я лечу, чувить-ла-ла!..

* * *

Люблю Иртыш в вечерние часы.
Вон вспыхнул бакен, сумраком зажженный,
И на краю белеющей косы
Притих рыбак, блесной вооруженный.
Прошел буксир с тяжелою баржой,
С высокой рубкой,
с музыкой прощальной.
И куличок, как будто всем чужой,
Заплакал вдруг
на отмели печальной...

Весна

Невесело в березовом лесу.
Пробился к свету и замерз подснежник,
С оледенелым снегом на весу
Закоченел оттаявший валежник.
Еще недавно веяло теплом,
Все двигалось,
сверкало и звенело.
Пришла весна, ударила крылом
И зà море синицей улетела!..

Сергей ИВАНОВ

Костры в горах

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 2.

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ,
заслуженного художника РСФСР

Гецеб — совсем маленькое селение. Вместе со многими другими оно входит в один большой колхоз. Главные земли колхоза лежат далеко отсюда, на равнине. Почему? Да потому что там, на равнине, можно распахать хорошие большие поля и выращивать кукурузу, и дыни, и разные овощи, и пшеницу. Можно разбить фруктовые сады. А в горах подходящей земли мало. Вот почему молодые и вообще все, кто может работать, уходят на много месяцев из родных селений.

На равнине построены для них новые дома — целые поселки выросли! Теперь вообще трудно сказать, где их настоящий дом, — там или в горах. На равнину они уходят в начале марта, возвращаются в конце октября... Некоторые там и остаются. И таких становится все больше и больше с каждым сезоном.

Старики — другое дело. Они в горах всю жизнь прожили. На равнине, в колхозе, им работы нет! Вот они и живут в горах. Здесь свое хозяйство, свои три грядки, на которые еще хватает сил, свои три-четыре овечки...

Из всего колхозного добра в горах осталась, пожалуй, только отара. Весной и в начале лета овцы ходят по южным склонам. Ближе к осени — по северным, где солнца меньше, где не так выгорает трава. А зимой овец угоняют на равнину. Зимой в горах снегу много, и ветры злые, и морозы — овечкам не прокормиться.

Магомед Магомедов, дед Хаджи-Мурата, и старый приятель его Гаджи Юсупов в летние месяцы пасут отару напересменок — неделю один, неделю другой. Так издавна заведено. И вот старый Гаджи слег. Замены ему в Гецебе нет. Все, кто посильней, уехали помогать колхозу: сейчас самая страда. Даже сходить к Магомеду, предупредить о случившемся и то было бы некому, если б не Хаджи-Мурат. Вот почему так гордо шагал он по Гецебу.

Домики селения отступили назад. Хаджи-Мурат шел теперь по автомобильной дороге, каменистой, довольно широкой, покрытой тонким слоем белой, как мука, пыли. Дорога уходила вниз. Шагать было легко, весело, нежарко. Рюкзак пока не тянул.

Навстречу ему поднимались три старухи, медленно, однако не останавливаясь ни на мгновение. За ними, будто по воздуху, плыли три копны свежего сена. Копны эти стояли на тоненьких стройных ножках, а из середины, из лохмотьев сена, глядела серьезная и печальная морда осла.

Кто-то придумал, что ослы ленивы и упрямы. Это неправда! Вечно они в работе, вечно тащат на себе какую-нибудь тяжесть или везут хозяина своего. А то, глядишь, и двоих!

Завидев Хаджи-Мурата, старухи остановились у края дороги, у обрыва. Дорога широка, по ней даже автомобили ходят. Но старухи все же остановились и пропустили его. Они этим хотели показать, что по-особому относятся к Хаджи-Мурату. Уважают его, как настоящего мужчину.

Он спустился в ущелье и зашагал вдоль узенького в две-три струйки ручья по сухому руслу, усыпанному лобастым галечником. Казалось, будто шагаешь по городской мостовой. Только камни, конечно, лежали не так прочно, то и дело какой-нибудь вздрагивал под ногой.

*Завидев Хаджи-Мурата,
старухи остановились у края дороги
и пропустили его.*

Так Хаджи-Мурат шел довольно долго. Где же тропинка?.. И вдруг он увидел ее! Вот куст, изогнувшийся к воде ветками, словно десятком удилищ. За кустом та самая тропинка весело прыгала по горе. И Хаджи-Мурату стало веселей. Он дернул плечом, подправил рюкзак и пошел вверх-вверх на предельной чемпионской скорости!

...Ноги у него стали как деревянные. Сердце скакало в груди, словно разъяренный лев. Воздух, что врывался в легкие, сделался вдруг сухим и жестким. Хаджи-Мурат давно уже шел не на предельной скорости, еле-еле тащился. «До конца горы не отдыхать!» — так тренер всегда кричал им вслед... До конца горы!

Наконец тропинка и сама, видно, устала карабкаться наверх. Она вдруг пошла полого. Хаджи-Мурат остановился перевести дух. Огляделся кругом. Он взобрался уже на порядочную высоту. Внизу посверкивал ручей. Далеко было видно, как он бежит-извивается по дну высокого горного коридора.

Скоро тропа опять пошла вверх, но, правда, уже не так круто. Можно было идти и смотреть по сторонам.

Солнце почти касалось дальних гор... И страшно и жутко было думать, что это не солнце опускается, а планета Земля со всеми своими городами и селеньями поворачивается к солнцу другим боком. Пройдет совсем немного времени, и горы, дома Гецеба, Колоба, всего Дагестана будут как бы висеть вверх ногами, опрокинутые в черную пропасть звезд. Об этом Хаджи-Мурату подумалось как-то смутно, сердце захолонуло. Он прибавил шагу...

По мере того, как он поднимался, открывался Гецеб, плоские уступы крыш... Вдруг он увидел крохотную бабушку. Она глядела в его сторону. Хаджи-Мурат стал махать руками над головой. И бабушка махнула ему в ответ. Значит, и она видела его, наверное, такого же крохотного!

И тут Хаджи-Мурат окончательно понял, что он не заблудился в горах, а действовал как настоящий мужчина, как настоящий дагестанец!.. Что ж, выучит он и аварский язык! Не в этом в конце концов дело!

Спокойная, веселая гордость, как стальная пружина, распрямила ему плечи, и приподняла голову, и сделала тверже шаг. Очень хотелось оглянуться еще раз на бабушку, однако он не оглянулся: не хотел, чтоб она думала, будто Хаджи-Мурат ищет ее помощи.

Скоро и еще одна гора, будто живая, отодвинула свое плечо в косматой бурке. Хаджи-Мурату открылось огромное море пустоты, раскинувшееся меж гор. Все оно было залито желто-красной закатной водой. Внизу, вдали, может быть, за много километров отсюда, лежало большое селение. Его надвое рассекала река. Наверное, то была Чер-Ор. На горе, значительно ближе к Хаджи-Мурату, топорщился крышами Колоб. Над ним одиноко белел, словно заблудившийся, домик больницы.

А солнце уже лежало на неровных зубцах дальних гор, ярко-красное, от него разбегались лучи. Казалось, это рыжий мальчишка подглядывает из-за высокого забора.

Хаджи-Мурат поспешил дальше: солнце не ждет — уползает за горы. А едва оно уползет, станет темнеть, темнеть. Сумерки в горах коротки!..

Наконец высоко над собой он заметил белую скалу, о которой говорила бабушка. Здесь тропинка делилась на две. Одна скакала вниз, вниз по камням, словно маленький водопад, другая — это и была его тропа — неторопливо шла вверх, огибала белую скалу, уходила за поворот.

...Поднявшись, Хаджи-Мурат оглянулся. Бабушка Патимат все еще стояла у яблони, казавшейся отсюда кустиком. Еще несколько шагов, и бабушкин взгляд уже не дотянется до Хаджи-Мурата. Между ними встанет скала.

От этого Хаджи-Мурату сделалось как-то не по себе. Он подумал, что здесь и кончается бабушкино владение. Начинается владение деда! А какой он? Хаджи-Мурат не знал. Он с отцом поссорился, а про все другое неизвестно. Хаджи-Мурату захотелось еще раз оглянуться...

Поздно! Знакомый склон, и горстку гецебских домов, и крохотную бабушку у крохотной яблони — все закрыла серовато-белая махина скалы. И ему ничего уже не оставалось, как только идти вперед, навстречу деду, в глубь дедовских владений.

Точно! Ошибки быть не могло! За скалой, над обрывом, крепко ухватившись за камни и землю орлистыми когтистыми корнями, стояла сосна — не очень высокая, коренастая, с раскидистыми темно-зелеными ветвями.

Ствол ее и крона чуть склонились в сторону пропасти. И было ясно, что когда-никогда, а сосна эта свалится под обрыв. Но пока она была еще крепка и, как видно, долго собиралась стоять здесь!

Шагах в пяти от сосны было кострище, укрытое, словно одеялом, толстым слоем белого пепла. Значит, костер жгли давно. И в то же время

место это казалось каким-то нетронутым. Сразу видно, еду здесь не готовили.

Одинокое дерево, маленькая каменистая площадка, огонь. Как будто маяк, подумал Хаджи-Мурат. И сам удивился своей мысли.

Он с удовольствием сбросил рюкзак. Плечи приятно заныли. Еще раз глянул на сосну. Едва заметный ветерок трогал ее мохнатые тяжелые лапы. Слышалось тихое шипение — это длинные иглы сосны как бы расчесывали ветер.

Хаджи-Мурат вспомнил вдруг неизвестно где услышанное, а вернее, читанное, стихотворение про одинокую сосну. Про то, как она стоит тоже на вершине какой-то горы, вся укрытая снегом, и тихо качается, и чутко спит. И снится ей, что где-то далеко-далеко в жаркой стране стоит на горе пальма и тоже шелестит своими ветками и спит.

Вдруг снизу, из-под горы, донеслись какие-то протяжные, немного жалобные звуки. Хаджи-Мурат никогда не слышал их раньше, но почему-то сразу догадался: это кричат овцы. Он подошел к краю обрыва и увидел внизу серое стадо. Овцы шли все вместе и сверху казались одним пятном.

Пятно это было то круглым, то перетекало в треугольник, то вытягивалось в широкую полосу. Овцы бежали к маленькому заливчику, который образовал утихомирившийся горный ручей.

Передние овцы подбежали к воде и сразу заняли весь берег. Второму ряду уже не досталось места у воды. Набежал третий ряд и четвертый.

И тут Хаджи-Мурат увидел человека во всем черном, в черной папахе и с длинным посохом в руке. Покрикивая, он стал перегонять задних овец на другой берег залива. Но овцы никак не хотели его слушаться. Им, видать, не важно было напиться, а лишь бы только быть вместе со всеми!

Наконец чабану удалось перегнать одну овцу. Она стояла на совсем пустом берегу — пей, не хочу. Однако она не пила, а только жалобно блеяла.

Но тут другие овцы увидели, что на том берегу стоит одна их подружка. И они — передние и задние — кинулись к ней. И теперь уже каждой овце хватало места у воды. Они все построились в кружок и пили.

А чабан стоял чуть в стороне, у большого черного камня, и в ранних сумерках ущелья почти сливался с его темной глыбой.

И тут до Хаджи-Мурата наконец дошло, что это и есть Магомед Магомедов!.. Дед! Хаджи-Мурат невольно отступил от края обрыва, словно боялся, что старый чабан увидит его.

Южный склон горы, где стояла сосна, был обрывист, но зато северный довольно полог... На нем — загон для овец, широкая ниша под козырьком горы. Земля вся выбита овечьими копытцами, вся усыпана кругляшками овечьего помета.

Чуть в стороне другая пещера, маленькая. Тут, как видно, ночуют чабаны. На каменном полу две-три старые овчины, пустой холщовый мешочек, на продолговатом камне кружка и спички...

Хаджи-Мурату некогда было осматривать эту пещеру. Он опять услышал овечьи крики. По желто-зеленому северному склону двигалось прямо к нему серое и плоское овечье стадо, словно облако. Овцы, как видно, хорошо знали дорогу в свой загон. Их совсем не надо было подгонять. Старый чабан шел в стороне и сзади Овцы все больше и больше обгоняли его.

Хаджи-Мурат попятился к пещере, словно сюда бежало не стадо овец, а стадо волков. Дед пока что не видел его. Овцы между тем подошли уже к загону. Впереди отары, словно командир, бежал старый, обтрепанный весь, с обвислыми боками козел.

Он, наверное, и правда был их командиром. Овцы всё буквально делали так, как делает он. Куда козел повернет, туда и они. И вот сейчас он привел их прямо в глубокую и широкую нишу — в загон. Тотчас же началась толкучка — передние остановились, а задним не хватало места под крышей. Овцы истошно орали, пихали друг друга, постепенно все же утрамбовываясь внутрь.

На площадку поднялся наконец старик. И они увидели друг друга! Магомед прошел мимо своей отары, будто мимо рассыпанных в беспорядке мертвых камней. Он не отрываясь глядел на внука.

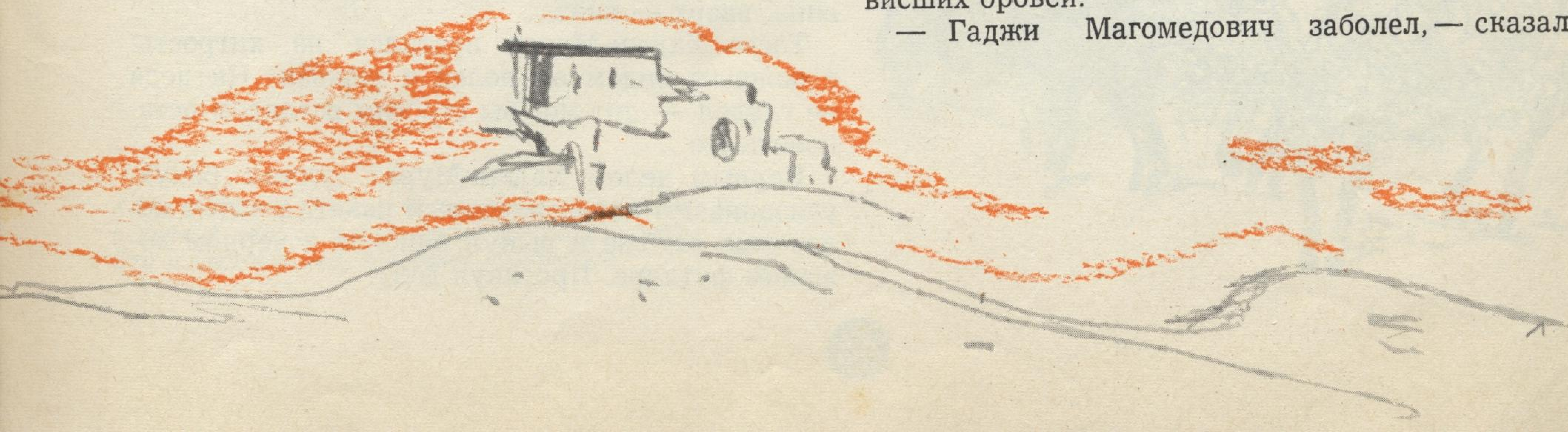
— Салам-алейкум! — сказал Хаджи-Мурат.

— Это ты, Хаджи-Мурат? — глухо спросил старик.

Они стояли в нескольких шагах друг от друга напряженные, словно два часовых.

Лицо старого чабана, пропеченное горным солнцем, иссеченное всеми горными буранами, заросшее густой седой бородой, оно словно было вырезано из темно-коричневого неподатливого камня. Хаджи-Мурат глядел на своего деда и не мог узнать, радуется старый Магомед или сердится. Лицо его оставалось неподвижным, черные глаза ровно и твердо горели из-под нависших бровей.

— Гаджи Магомедович заболел, — сказал

Хаджи-Мурат и кивнул на свой рюкзак, словно в этом было какое-то объяснение.

— Вах! — дед медленно покачал головой.— Ну говори! Он жив еще?!

Когда Хаджи-Мурат рассказал все, старик опустился на холодный камень и долго сидел в молчании, склонив голову.

Наступил вечер. Солнце ушло за горы. Все краски вокруг стали загустевать — синеть и темнеть. Струйка ночного холодного ветра пронеслась по ущелью, залетела на площадку, тронула косматую папаху деда и пропала неведомо где.

— Бабушка еду прислала,— сказал Хаджи-Мурат.

Ему неловко и зябко было стоять здесь, среди пустынных гор. Старый Магомед поднял голову, посмотрел на внука и медленно кивнул. Лицо его оставалось все таким же высеченным из камня.

Хаджи-Мурат стал развязывать рюкзак. Сперва вынул белую тряпочку, расстелил ее на овечьей шкуре у входа в пещеру. Потом достал большую лепешку, сыр...

— Хватит,— коротко сказал дед.

Хаджи-Мурат послушно отставил рюкзак, посмотрел на старика.

Дед подал ему старый медный кувшин. На помятых его потемневших боках видна была чеканка. Хаджи-Мурат взял кувшин за продолговатую, округло изогнутую ручку.

— Там,— старик показал куда-то на гору.

Хаджи-Мурат вышел из пещеры. В наступивших сумерках он разглядел слабую тропинку, что подымалась куда-то... Но куда? Хаджи-Мурат оглянулся на пещеру, деда не видно... И некому было ободрить его или посоветовать что-то. Даже поругать его было некому!.. Кругом только вечер, да горы, да тишина...

И вдруг в чуткой и прозрачной тишине этой Хаджи-Мурат услышал не то «тинь-тинь-тинь», не то «буль-буль-буль».

Родничок был всего в одну струю, как в одну струну, и вблизи голос его казался таким же тихим. А струя едва ли толще вязальной спицы. Она появлялась из-под камня, пролетала три-четыре сантиметра и падала в темную чашу, выбитую то ли временем, то ли человеком. Здесь хранился порядочный запас воды, можно было напиться вдоволь.

Из чаши вода переливалась через край и снова уходила в гору. По земле, по песку, по мелким камням расползалось темное сырое пятно...

Хаджи-Мурат подставил узкое, удобное горло кувшина под прозрачную спицу. Кувшин тяжелел, тяжелел постепенно, и бок его становился все более ледяным...

Дед разрезал сыр и лепешку. Нож у него был самодельный и, видно, очень острый и тяжелый. Хаджи-Мурату хотелось посмотреть его, подержать в руках, может, и разрезать что-нибудь самому... Однако он сидел на вытершейся во многих местах овчине и молчал. Дед молчал, и Хаджи-Мурат решил молчать!

Они разлили воду по кружкам, старым, но прочным: одна алюминиевая, другая эмалированная, потемнелая... Здесь, как он заметил, вообще люди старались, чтоб вещи у них были прочными, надежными.

Кончив резать, дед вдруг остановился торжественно и сказал несколько слов по-дагестански. И со значением посмотрел на Хаджи-Мурата. Но увидев, что внук не понял его, старый Магомед повторил медленно и раздельно:

— Бисмиля́хи рахма́ни рахи́м! — и тут же перевел: — Начинаю с именем бога!

Сказав это, дед поклонился серым сумеркам, что толпились у входа в пещеру, и принялся за свой ужин.

Хаджи-Мурат удивленно глядел на него: вот как, дед молился, молился перед едой!

В душе у Хаджи-Мурата что-то стронулось. Он неожиданно понял, что жалеет своего деда, показавшегося сперва таким суровым и строгим... Никакой он не суровый, никакой не злой, а просто старый. И силы в нем, наверное, не так уж и много, раз он надеется на чью-то несуществующую помощь.

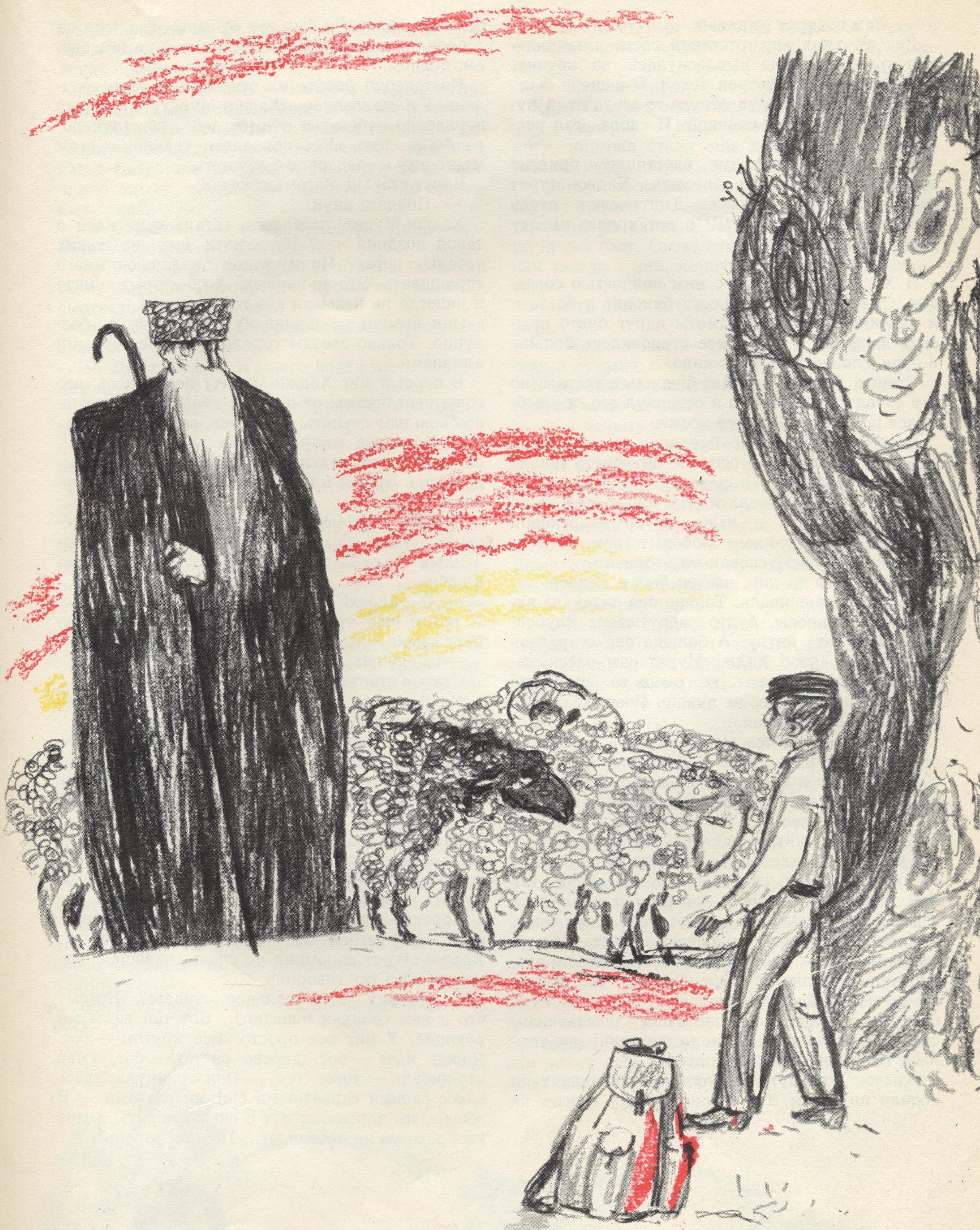
Они ели сыр, лепешку, запивали родниковой водой, которая ничем, пожалуй, не отличалась от воды, которую он обычно пьет в Пскове. А говорят, горная вода особо вкусная, даже сладкая.

Но это не так!.. Как раз сладкого-то и не хватало в их ужине — конфетки или хоть кусочка сахарку. Холодная вода — это, конечно, не чай. Но все равно без сладенького получается как-то скучно. Хаджи-Мурат тайно глянул на деда: в рюкзаке лежал бахух. А лучше дагестанской халвы-бахуха сладости, пожалуй, и не придумаешь. Но дед ел молча, окутанный своими мыслями. Борода его равномерно двигалась вверх-вниз, вверх — вниз...

Тогда Хаджи-Мурат пустился на хитрость: с важным видом он полез в рюкзак. На деда не глядел — тот мог бы строгим взглядом остановить его...

Первым делом Хаджи-Мурат достал бахух, увязанный в полиэтиленовый пакет, а затем полез еще глубже и вынул бинокль в черном кожаном футляре. Протянул деду.

Хаджи-Мурат увидел человека во всем черном, в черной папахе и с длинным посохом в руке. Это и был его дед, Магомед Магомедов.

— Вам подарок от папы!

Дед отложил еду, отставил свою алюминиевую кружку — вода выплеснулась на овчину. Внимательно рассмотрел чехол. В пещере было темновато. Дед вынул откуда-то из камней кусок свечи, чиркнул спичкой. И снова стал рассматривать футляр.

Наконец он отстегнул блестящие, приятно тугие кнопки и вынул бинокль. Хаджи-Мурат хорошо знал его. Алексей Дмитриевич, отцов сослуживец, ездил в ГДР и вот привез им эту вещь. Отец сказал тогда:

— Отличная машина!

И Хаджи-Мурат был с ним полностью согласен. Стоило только поднести бинокль к глазам, и далекие неясные предметы вдруг будто прыгали на тебя. И сразу все становилось больше и ярче, словно в цветном кино.

Старый Магомед поднес бинокль к глазам, но тут же слабо вскрикнул и отдернул его, и улыбнулся впервые за все это время.

Потом, не выпуская бинокля из рук, стал вдруг спрашивать об отце. У них будто пошла партия в шахматы — дед как бы нападал, а Хаджи-Мурат защищался. Но только дед не со злостью нападал и даже не со спортивной злостью, а с огромным любопытством. И Хаджи-Мурат только успевал ему отвечать.

Бабушка за те дни, что он был в Гецебе, тоже его расспрашивала. Только она задавала аккуратные вопросы, будто распутывала клубок, боясь оборвать нитку. А больше она старалась так сделать, чтоб Хаджи-Мурат сам рассказывал. Но Хаджи-Мурат не очень-то знал, что нужно говорить, чего не нужно. Поэтому он про дом больше помалкивал.

А с дедом ему совсем не удалось бы отмолчаться, если б он даже и захотел. Но только Хаджи-Мурат и сам этого не хотел. Он решил рассказать деду — пусть знает все!

Каждому известно, что на вопросы отвечать не особенно приятное занятие. Но дед так хорошо умел спрашивать, что не было ни противно, ни обидно... Раньше Хаджи-Мурат думал: так одна только мама умеет, они даже о школе разговаривали спокойно, обходя все неприятное.

Съедены были сыр и лепешка, отставлены в сторону кружки. Но дед все расспрашивал и расспрашивал Хаджи-Мурата. Сколько так времени прошло? Может, полчаса, а может, и куда больше... Свеча давно уже была единственным светом в их пещере. Выход стал таким же темным, как стены и низкий потолок.

Язычок огня чуть вздрагивал, и пьяные тени ходили по углам. Но Хаджи-Мурату совсем не было страшно. Он был тут со своим дедом, и он говорил о самом обыкновенном и о самом своем, родном.

Постепенно беседа их становилась все медленнее и медленнее. Хаджи-Мурату, который порядочно набегался за этот день, пожалуй, пора было спать. Все кончалось удачно, в этом месте ему и следовало бы уснуть...

Вдруг старый Магомед сказал:

— Пойдем, внук.

Хаджи-Мурат удивленно встал: куда идти в такой поздний час? Куда идти ему на таких усталых ногах? Но мужчина не должен много спрашивать. Это во-первых. А во-вторых, никто и никогда не называл его так: «внук».

Они вышли на площадку. Было темно, безлунно. Только звезды горели на небе острыми алмазами.

В первый миг Хаджи-Мурату показалось, что горы неотличимы от черного воздуха. И страшно было шаг ступить: думалось, сейчас сорвешься!.. Но через минуту, когда глаза привыкли, он увидел, что неясные громады гор все же выделялись особой плотностью, еще большей чернотой.

Старый Магомед стоял у выхода из пещеры — черный на фоне черного неба, будто сделанный из куска горы. Лицо его было поднято к небу.

— О аллах! — произнес он торжественно. И потом еще что-то на непонятном Хаджи-Мурату языке.

— Дедушка, что вы сказали?

Старик ответил задумчиво:

— Я сказал: «О аллах! Спасибо тебе за то, что ты мне дал этот мир!»

Хаджи-Мурат удивленно посмотрел на темную фигуру старика, а тот, медленно очертив круг по небу (словно отдавал кому-то все эти огромные острые звезды), произнес:

— Аллах!

Настала пора задуматься Хаджи-Мурату. Кого, в самом деле, благодарить? Деду вот просто: сказал себе «аллах», и больше ни о чем думать не надо...

Хорошо один раз объяснила Полина Григорьевна, их учительница. Дело было под пасху. Хаджи-Мурат запомнил ее слова, наверное, навсегда. Она так говорила:

— Почему море соленое, знаете? Потому что в нем селедки плавают!.. Вот так же и верующие. У них все просто. Все кругом — бог. Дождь идет — бог, дерево растет — бог, умер кто-нибудь — тоже бог. — Она окинула весь класс своими серьезными синими глазами. — В общем, им хорошо: могут в сказки верить. А мне уже совесть не позволяет... Поняли теперь?..

Они прошли на ту сторону площадки, где росла коренастая сосна и лежало под одеялом из пепла старое кострище.

Дед чем-то занялся у скалы, а Хаджи-Мурат все глядел на звездное небо и думал, как сказать деду про космос, про разные кометы и метеориты... И вдруг меж недвижных сияющих звезд Дагестана он увидел еще одну. Она медленно плыла, словно бы лавируя среди алмазных огней.

— Дедушка! — тихо крикнул Хаджи-Мурат. — Смотрите!

Он не сказал деду, куда смотреть, но и так было понятно. Потому что, кроме как на небо, смотреть было не на что.

Старый Магомед долго не отзывался, наконец сказал:

— Да, я вижу... Я много видел их. Это спутник.

Хаджи-Мурату стало весело. Он почувствовал, что победил.

— Ну и как, — спросил он, — где же там аллах?

— Там места много, — спокойно ответил старик.

«Нет! — подумал Хаджи-Мурат. — Там, где спутники, там аллахов быть не может». И он совсем уже собрался сказать это деду. Но старый Магомед вдруг остановил его, хотя Хаджи-Мурат ни одного звука еще произнести не успел.

— Погоди, — сказал он. — Помоги мне.

На самом деле помогать ничего не надо было, дед сам все делал. Это он просил Хаджи-Мурата помолчать.

Вот он принес из-под скалы неведомо где и когда нарубленных сучьев. Стал осторожно укладывать их на кострище, потом чиркнул спичкой — загорелся пучок смолистой травы. Почти тотчас же занялись и сучья. Скоро огонь вырвался наружу, полетел вверх, легкий и злой. А дед все подкладывал и подкладывал сучья.

Костер был уже порядочно высок, внутри него гудело, и пламя вырывалось вверх, словно из автогена.

Хаджи-Мурат никак не мог понять, зачем это. Греться? Но у такого огромного огня... Да потом сейчас не так уж и холодно. Вот, может, под утро...

Дед и внук молчали. Костер продолжал пылать.

Наконец старый Магомед поднялся, стал у обрыва спиной к огню. Позвал, не оборачиваясь:

— Хаджи-Мурат!

Хаджи-Мурат остановился подле деда.

— Смотри! — старик показал куда-то в темноту, которая стала еще плотнее, словно прибежала сюда погреться. — Видишь?..

Прошло несколько мгновений. Вдруг Хаджи-Мурат увидел: далеко-далеко, в самой глубине темноты, на дальних горах сверкал маленький, но яркий свет. Огонь этот вздрагивал и мерцал, как звезда... нет, мерцал и вздрагивал, как костер.

— Кто там? — шепотом спросил Хаджи-Мурат.

— Мой кунак, — ответил дед. — Мой друг самый лучший.

В его голосе слышались строгость, обида, но больше всего печаль!

— А почему это? Эти костры?..

— Ссора! — резко сказал старик. Хаджи-Мурат вздрогнул. — Мы столько лет не виделись, — продолжал старый Магомед, — сколько другому и не прожить. Сорок два!..

У Хаджи-Мурата сердце сжалось больно: «Сколько другому и не прожить!.. Сорок два!..» Даже отцу его, высокому офицеру с прямой морщинкой меж тяжелых бровей, с седыми висками, даже ему меньше — тридцать семь.

— Каждый второй месяц зажигаю огонь! — сказал дед. Голос его звучал глуховато. — Я жгу огонь, и он зажигает... Весть подает: жив! — Он замолчал на минуту. — Днем далеко, не видно: то облака, то воздух дрожит... А я и видеть не хочу!.. — Хаджи-Мурат стоял, весь сжавшись, сердце его странно щемило. — Ночью видно далеко... огонь. Значит, жив. Зимой на равнину овец уводим — по полгода про него ничего не знаю. Думаю: вдруг без меня умер!..

Они долго и молча глядели на мерцающий вдали свет. Хаджи-Мурат думал о том человеке, и о старом Магомеде, и о своем отце.

«Тяжелый характер!» — так сказала однажды мама, сидя на стуле, и бессильно опустив руки, и слезы ползли у нее по щекам, словно две прозрачные божьи коровки. А отец ходил по комнате, расшвыривал рукою воздух и кричал какие-то слова. Тогда Хаджи-Мурат ничего не понял. Ему было еще слишком мало лет. Он только испугался и заревел во все горло, как дикий слон. Но картина эта и мамины слова врезались в память.

Тяжелый характер! У отца тяжелый характер. И у деда тяжелый характер. И у Хаджи-Мурата, наверное, тоже будет такой же, раз он их внук и сын... К горлу подкатил комок.

Но, по правде говоря, пока у него совсем не тяжелый характер. Он если и ссорится с кем, то по справедливости. И потом быстро мирится: через день или самое большее через неделю.

А дед с отцом почти целых десять лет не виделись. Дед со своим кунаком — сорок два года!.. Не виделись. И не то чтобы поругались — и поминай, как звали... Они помнят. Ни на денек не забывают. Отец, как Гость приедет, обязательно про деда разузнавал. И дед, наверно, так же... Конечно, так же! Он ведь по два месяца не забывает, что в эту ночь надо костер запалить...

Неожиданно старый Магомед прервал молчание:

— Смотри! Видишь, да?

— Что? — не понял Хаджи-Мурат.

— Ярче зажег, видишь?! Зачем? А? Зачем?!

Вдруг Хаджи-Мурату такая мысль в голову влетела, что он весь встрепенулся:

— Дедушка! Подождите! Я придумал!.. Я бинокль сейчас...

Он бросился к пещере, обогнул выступ скалы, за который уже не проникал огонь костра. В темноте треснулся обо что-то плечом, влез рукой в кружку с водою. Но вот, наконец, нащупал бинокль. Выбрался наружу... Ему нестерпимо захотелось первому посмотреть на далекий огонь, на того человека.

Он быстро стал искать глазами дрожащий свет, чтобы потом навести на него бинокль... Искал и не мог найти! Сперва подумал: погасло. Потом догадался: далекий костер видно только с одного места. И в этом была какая-то особая торжественность, грусть и тайна.

Хаджи-Мурат стоял, весь сжавшись, и ему стыдно сделалось за себя, стыдно! Словно он собирался прочитать чужое письмо или подсмотреть в замочную скважину. И тогда скорее, скорее, чтобы хоть как-то загладить свою вину, он побежал отдавать бинокль старику.

Дед подкладывал и подкладывал новые сучья в костер. Приутихший было огонь опять взлетел высоко, засвистел свою разбойничью песню. Сухие ветки трещали, будто он их ломал-переламывал!

Хаджи-Мурат молча протянул бинокль. Старый Магомед подошел к краю обрыва... Однако не поднес бинокль к глазам... Все не подносил. Стоял, медлил. И вдруг Хаджи-Мурат понял: дед не будет туда смотреть... подглядывать.

Тогда он сказал, но не потому, что ему хотелось посмотреть, в общем, не по-девчоночьи он это сказал, а по-мужски:

— Дайте мне бинокль. Я могу. Хотите? — И потом поправился: — Можно?

Секунду старик стоял неподвижно, как бы раздумывая, затем протянул бинокль внуку... Тишина была. Только костер громко хрустел деревянными сухарями.

— Ну что же ты? — глухо спросил старый Магомед.

— Сейчас, сейчас,- сказал Хаджи-Мурат, примерился глазами и поднял бинокль.

И сразу темнота будто стала не такой густой. Будто ее водой разбавили... Стали проступать темно-коричневые или темно-серые очертания чего-то огромного... Очертания гор. Потом лохмотья кустов, разорванные шары деревьев. Огня, однако, он не видел. И поэтому стал осторожно шарить биноклем — влево, вправо, вверх, вниз.

— Ну что? Видишь? — спросил дед.

Хаджи-Мурат замотал головой, что нет, мол, пока не вижу. И в этот момент как раз бинокль его наскочил на далекий огонь. И Хаджи-Мурат крикнул:

— Вижу!

Тотчас огонь потерялся. Но Хаджи-Мурат уже знал, где он, и уверенно навел бинокль.

Он увидел, как подпрыгивают и дрожат языки пламени, увидел молочно-серую скалу за спиной у костра. Увидел черный большой камень, лежащий рядом.

Хаджи-Мурат хотел обо всем этом сказать деду. И вдруг ужас заморозил ему язык. Темный камень, что лежал у огня, зашевелился и встал во весь рост!..

Несколько секунд прошло, пока он сообразил, что это был человек.

Дед спросил глухим, непослушным голосом:

— Ты видишь его?

Хаджи-Мурат молча кивнул. Сейчас же костер, и человек у костра, и все дальние горы скакнули в небо. Но Хаджи-Мурат опять быстро нашел их.

— Ну скажи, какой он?

Хаджи-Мурат ничего не видел, кроме неподвижной темной фигуры, которую снова можно было принять за высокий камень, за обломок скалы. Однако он сказал:

— У него белая борода...

— Белая? — дед вздохнул. — Белая... боро-

Старый Магомед стал у обрыва спиной к огню:
— Смотри... Там мой кунак.

да... Седой! Он бороду не носил раньше!.. Старик — Он опять вздохнул. — А волосы какие?

Хаджи-Мурат опять хотел представить себе деда. Это ведь у старого Магомеда была белая борода... А какие же у него волосы?

Но Хаджи-Мурат не видел волос своего деда. За все время их знакомства дед ни разу не снимал папаху.

— Он в папахе, — сказал Хаджи-Мурат. — В черной папахе, как у вас...

Старик ничего не ответил. Наверное, он кивнул. Хаджи-Мурат не видел этого: он не отрываясь глядел в бинокль.

— Ты видишь его лицо?

Хаджи-Мурат стоял в полной растерянности: что же ответить? Сказать: нет, не вижу! Потому что ничего не видно в этот бинокль, кроме темного, высокого камня и дрожащего огня... Но Хаджи-Мурату жаль было старика. Невольно он, продолжая вранье свое, сказал:

— Да, я вижу!

Старый Магомед долго молчал, а Хаджи-Мурат изо всех сил вглядывался, но ничего не мог увидеть. Да и сама фигура человека начала обрастать темнотою, расплываться, потому что костер там постепенно гас.

— Ты запомнил его лицо? — спросил дед.

— Запомнил, — тихо ответил Хаджи-Мурат.

— Тогда не надо больше смотреть!

Хаджи-Мурат опустил бинокль.

— Такого себе ищи! Вся жизнь пройдет, а такой друг останется!

Сказал это старый Магомед и ушел за скалу, к пещере...

Костер лежал большой красной грудой. То здесь, то там по ней пробегали синеватые зарницы огня. От краев к самому сердцу костра серой пленкой, не спеша, аккуратно двигался пепел.

Хаджи-Мурат присел на теплый камень. Ему хотелось плакать. Ему очень жаль было деда. Но какое-то особое гордое чувство не давало выкатиться ни одной слезе.

Он думал о старом Магомеде, о странной и нелегкой его жизни. Сквозь нее, будто глухие стены, протянулись две ссоры. Одна — и дед лишился лучшего своего друга, другая — расстался с любимым сыном. Стала не жизнь у него, а длинный пустой коридор. Так он и шагал долгие годы один с бабушкой. Но все время он помнил о тех двоих, с кем был в ссоре. Вставал утром и помнил, спать ложился и помнил.

Но гордость жгла его, как огонь. Он всю жизнь старался спокойным быть, лишь бы раньше времени не согнуться от старости, не поседеть — чтобы не думали они, будто он страдает.

И жизнь так и прошла — отзвенела, отгремела где-то на другой улице. А дед все берег свою гордость...

«А кто же я? — подумал Хаджи-Мурат. — Зачем я здесь оказался?»

Пожить до сентября в Дагестане, на горном воздухе, на густом овечьем молоке и сыре, — так мама хотела.

Поехать в Дагестан «официальным представителем семьи» — так отец говорил. Это было не очень понятно... Но, в общем-то, ясно, чего отец хотел. Надо все время ходить гоголем: у вас, мол, так, а у нас лучше!.. Однако Хаджи-Мурату неприятно это было! А теперь особенно, когда узнал деда и бабушку.

Но тогда зачем он приехал в Дагестан? Кому он здесь необходим?

Он представил себе маленький островок над целым океаном темного воздуха... Да тут и представлять себе нечего: на самом деле все было так!

Островок, пропасть. Далекий огонь — это горит костер того человека. А где-то в другой стороне, и тоже далеко-далеко, горит второй костер — там отец. И третий костер — старого Магомеда.

И вот стоят три человека на трех островах над пропастью, и три огня кричат друг другу об одном и том же. То ярче вспыхнут, то потухнут.

И никому никогда не сделать так, чтобы эти трое были вместе... Никому — кроме Хаджи-Мурата!

Первый об этом догадался, наверное, старый Гаджи. Догадался и приехал к ним в Псков...

Мог бы сделать это дядя Хаджи-Мурата, Анвар Магомедов. Но он погиб на войне тридцать лет назад.

Могли бы сделать и дети того человека, который жег костер. Но, как видно, у него нет детей.

Остается один Хаджи-Мурат. Но он еще не знает, как совершить такое трудное дело. Что скажет отцу, деду? Что скажет человеку, которого видел в бинокль при свете дальнего костра?

А бабушка Патимат, она поможет ему?.. Мама? Мама поможет! И старый Гаджи поможет. Если только выздоровеет...

— Хаджи-Мурат! — послышалось из темноты.

Костер погас. Лишь пяток углей еще просвечивало из-под толстого слоя золы.

— Хаджи-Мурат!

И он вдруг со страхом удивился, какой старый голос у его деда. И значит... значит, надо спешить, надо успеть сделать то, что задумал.

И он пошел к пещере, навстречу голосу деда.

«Если стараться, — думал он, — то успеешь...».

Ведь старики в Дагестане живут долго!

КОНЕЦ

Октябрят принимают в пионеры.

Фотография В. ПОСТНИКОВА.

ОТРЯД

...Когда в город Шахты ворвались гитлеровцы, ребята решили создать подпольный пионерский отряд. Командиром отряда выбрали отважного мальчишку — Борю Булатова. Все вместе составили боевой план действий. По ночам отряд выводил из строя фашистские автомашины — ребята прокалывали камеры и покрышки. Они уничтожили 15 тонн горючего. Каждый день они слушали по приемнику сводки Совинформбюро, писали листовки и расклеивали по городу. Кругом отряд подстерегала опасность, но пионеры действовали смело и решительно.

...После войны московский отряд имени Миклухо-Маклая обратился с призывом начать путешествие по родному краю. Тысячи отрядов отправились в походы, изучали свою страну, помогали старшим восстанавливать разрушенные города и села.

...Вот уже больше десяти лет на Уктусских горах в Свердловске действует юнкоровский и морской отряд «Каравелла». Ребята овладевают морскими профессиями, выпускают стенные газеты, рукописный журнал и... написали две книги о своей работе и жизни.

Ты прочитал несколько строк из пионерской летописи отрядов разных лет, не похожих друг на друга. Но что их объединяет? Общее **ДЕЛО** — боевое, трудовое, увлекательное. Если нет такого дела, то и нет настоящего пионерского отряда, а есть только список отряда да скучный план работы, который не выполняется.

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД — боевая единица дружины, пионерский коллектив, где действует закон «один за всех и все за одного». Отряды создаются в дружине, где есть не менее двадцати пионеров. Он объединяет ребят одного класса. Но по решению совета дружины пионерские отряды создаются и там, где ребята живут. Высший орган отряда — пионерский сбор, на котором юные пионеры решают дела отряда и звеньев, выбирают совет отряда, принимают в пионеры и рекомендуют достойных в ряды Ленинского комсомола. У каждого отряда есть важнейшее поручение комсомола — быть коллективным вожатым октябрятской группы.

В одном из первых пионерских отрядов Москвы в 1922 году было 52 пионера.

Сейчас более восьмисот тысяч отрядов, в которых 25 миллионов юных пионеров. Это большая сила!

Но еще нередко к нам в редакцию приходят письма со словами: «Наш отряд недружный. Работа у нас не ладится». Советуем вам прочитать книжку «Твой отряд», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия». Обсудите ее, сравните с жизнью своего отряда. И всегда помните: только интересное и полезное дело поможет объединить ребят, укрепить дружбу и товарищество, успешно бороться за право носить имя героя, которое присуждается отряду советом дружины на торжественном сборе.

СУББОТНИК НА ДМИТРОВСКОМ ШОССЕ

Еще до субботника мы решили: если бригады будут соревноваться, работать станет интереснее, веселее. Разделились мы на две бригады «Горн» и «Костер». Но вскоре прибежало столько помощников, что пришлось еще две бригады организовать. А после работы мы все вместе выпустили вот такой «Боевой листок».

РАПОРТУЕТ «ГОРН». Наша бригада начала субботник с подготовки лопат. Мы держали лопаты, а дядя Витя показывал, как их нужно точить. «Хорошие у вас руки»,— похвалил он Сашу Рогова и Сережу Кострова, когда они стали точить лопаты самостоятельно. Острыми лопатами мы быстро скололи лед и разбросали снег. А потом взялись за скамейки, которые валялись вверх ногами во дворе. Вытаскивали из них ржавые гвозди, укрепляли доски. Найдем краску, будем их красить.

Гена Гаврилов,
Юра Афанасьев.

РАПОРТУЕТ «КОСТЕР». Мы начали разжигать костер, но когда узнали, что в жэке есть лопаты, побежали туда. Тетя Тамара выдала нам инвентарь, и мы стали окапывать деревья и убирать мусор перед домом. Старались вовсю, чтобы не отстать от «Горна», но пока лопаты искали, пока их готовили, потеряли много времени. Так что победить в соревновании нам не удалось.

Игорь Федосов.

РАПОРТУЕТ «ОГОНЕК». Нам помогли организовать работу девочки из бригады «Горн», их бригада работает уже четвертый год. Лена Лаева принесла лопаты. Ира Михеенко подарила толстую тетрадь для дневника. Вместе с нами они очищали двор от мусора и рыхлили землю под деревьями.

Вадик Трофимов.

РАПОРТУЕТ «СТРЕЛА». Мы играли во дворе, когда нас попросили отремонтировать скамейку. Скамейку мы укрепили. На стук молотка прибежали еще ребята. Так родилась наша бригада «Стрела». Бригада родилась, но молоток был у нас только один. Мы принесли лопаты и грабли, убрали мусор с участка и окопали деревья. Теперь будем знать, что инструменты надо готовить заранее.

Володя Давыденков.

Все вместе мы на стадионе окопали липы, чтобы они лучше росли. Один из жильцов сфотографировал нас вместе с собакой Джерри, которую учит цирковым номерам тимуровец Саша Данилов. Всего в субботнике приняло участие 85 ребят из разных домов на Дмитровском шоссе.

Штаб Тимура,
г. Москва, Дмитровское шоссе,
жэк № 19

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Задание Всесоюзного штаба Тимура

Тимуровцы, вы знаете, что каждый апрель в нашей стране проходит Ленинский коммунистический субботник. Когда вы выйдете на субботник в этом году, учтите опыт тимуровцев Тимирязевского района Москвы.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Мы все — тимуровцы!

Пионерский отряд имени Ульяны Громовой школы № 1 города Харькова — правофланговый. Троек в дневниках ребят становится все меньше, а интересных дел они успевают сделать все больше, потому что у каждого есть поручение и все стараются не для себя — для товарищей. Идет ли отряд в поход, собирает ли макулатуру, проводит ли поиск — участвуют все. И когда их спрашивают, кто в отряде тимуровец, тоже все поднимаются. И каждый может рассказать, что нравится им в этой работе. Послушайте их, почитайте их дневники, адресованные им письма.

Слово Валерии Стребковой. Целый год мы участвуем в операции «Звезда Гайдара». Она подружила нас со строителями бамовского поселка Ургал-2 и их семьями, с пионерами уральской школы. Мы узнали, какие отважные и смелые люди строители БАМа, наши земляки-харьковчане В. Лотарев, В. Кривоблоцкий, С. Матюша, М. Лолоев...

В дни работы XXV съезда КПСС мы отправили строителям БАМа наш пионерский рапорт, а они рассказали о своих трудовых успехах... Друзья-ургальцы спокойны за своих родных, которые остались в Харькове. Мы считаем их родителей, жен и детей членами нашего тимуровского отряда и всегда помогаем, если, конечно, помощь нужна.

Рассказывает Юра Власов. В нашей зоне тимуровского действия живет много пожилых одиноких женщин. Солдатские вдовы. Когда мы приходим к ним (а приходим мы часто), бабушки радуются и приговаривают: «Внучата родные, умнички наши»... В седьмом классе уже понимаешь, как мы нужны друг другу. Хочется, чтобы милые Варвара Тихоновна, Антонина Васильевна, Серафима Павловна действительно чувствовали, что они наши, родные!

Из писем ветеранов войны тимуровцам.

«Спасибо за постоянное внимание». **Ветеран войны В. Ковтун.**

Юру Власова дополняет Вадим Серячков. С ветеранами Великой Отечественной войны мы встречаемся не только по праздникам. Мы приглашаем их в класс, как самых близких и родных людей. Они просматривают классный журнал, заглядывают в тетради, дневники, откровенно беседуют с нами. Ветеранов как-то совестно подводить. Приходится стараться!

Ира Бугрим, звеньевая, всем напоминает. Часто бывает так: за чьей-то бабушкой ухаживаем, соседям по дому помогаем (это, видишь ли, тимуровское дело!), а о своих родных и близких, товарищах по отряду и школе, об учителях забываем. Нельзя забывать!

Страничка отрядного дневника. «В каждом доме, как святыня, хранится память войны. Земля с могилы, где похоронен единственный сын. Осколок, изъятый из тела солдата. Зажигалка из патрона. Солдатские письма-треугольники. Похоронки — вестники беды. Фронтовые листовки, газеты, карты. Ордена, медали, благодарности... Мы попросили наших дедушек и бабушек, соседей по дому принести все эти дорогие для них реликвии на пионерский сбор. Никто не отказался. Получилась выставка, которой нет цены. Мы молча и внимательно осмотрели ее и попросили каждого из гостей рассказать об этих «экспонатах». Плакали все — мальчишки, девчонки, мамы, бабушки. Даже у дедушек и пап глаза были влажными».

Из записной книжки летнего похода. «На железнодорожном разъезде Леплява, где в 1941 году погиб А. П. Гайдар, мы возложили цветы к памятнику писателя-воина. Красные гвоздики привезли из Харькова, а полевые цветы собрали в приднепровских лесах...

На могиле Гайдара в Каневе мы стояли в почетном карауле...

Познакомились с ребятами, которые работают сейчас в Каневской библиотеке-музее имени А. П. Гайдара...»

Побывал в гостях у тимуровцев первой харьковской школы и записал их рассказы Д. НАГОРНЫЙ

Добрый друг, большой человек

Я много лет знала Любовь Федоровну Воронкову. Хотя встречи наши были не так часты, но всегда содержательны, потому что всегда, при любых обстоятельствах, содержательна была она.

Что это значит? Значит, что в мыслях и в сердце ее не было мелочных забот и тщеславных мечтаний — всего того, что делает человека суетным и будничным. Будничности в ней не было вовсе.

Разумеется, так называемая проза жизни, то есть питание, посуда, одежда, жилье, уборка, что составляет ежедневный быт каждого, не миновала и Любовь Федоровну. Иное даже занимало. Например, помню одно время ее увлечение шитьем. Она сама шила себе платье и как весело демонстрировала новые наряды! Но это было между делом, в часы отдыха.

Она любила цветы. Ее комнаты полны были цветов. Казалось, входишь в сад, так было их много. Она сажала цветы, поливала, подкармливала, холила. Но тоже между делом.

А делом, единственным, прекрасным, бесконечно ей дорогим, была литература. Любовь Федоровна была писателем вся, целиком, безраздельно.

Каждое утро, как рабочий к станку, она садилась за письменный стол. У нее был дар, неудержимо влекущий к перу. Любовь Федоровна была по-настоящему одарена, счастливо талантлива.

Глаза, уши, ум, воображение писательницы работали неустанно. Много раз или впервые увиденная поляна, из-за травки-дубравки похожая на синее облачко, услышанная песня или ребяческий разговор — все складывалось в кладовую памяти или тотчас оживало на листе бумаги. И появлялись повесть, рассказ, книга. Книг Любовью Федоровной Воронковой создано много, написаны они о многом, на разные темы.

Мне особенно нравятся ее книги о колхозной деревне. И природа в них хороша, так хороша, что хочется войти в нарисованную писательницей березовую солнечную рощу, босиком пошагать по росистой траве, постоять над извилистой луговой речушкой.

А как любовно и уважительно описывает Л. Ф. Воронкова деревенский труд, уборку урожая, птичью ферму, скотный двор! А какие живые и милые ее маленькие герои — дети, чаще тоже сельские! Как выразителен и поэтичен ее язык!

Что говорить! Прекрасная писательница ушла он нас, оставив на долгие-долгие годы щедрое наследство — книги о людях нашего общества и о давно минувших государствах.

Помню, разговоры наши почти всегда велись о литературе, составляющей основной смысл ее жизни. Мне нравилась ее способность увлекаться до самозабвения. Пишет о колхозной девочке Маше — только ею полно сердце. Пишет об Александре Македонском — мысли только о нем.

Любовь Федоровна была в высшей степени одарена чувством достоинства. Достойно держалась, негромко, неторопливо, спокойно. Никогда ни перед кем не заискивала. Не боялась сказать горькую правду в глаза, всегда справедливую о чьей-то неудавшейся книге. Умела обрадоваться чужой удаче,

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О ПРОСТЫХ ВЕЩАХ И СЛОЖНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЯХ

Вообще я читать люблю, но эта книга не вызывала у меня интереса. Но однажды мама прочитала мне рассказы, как появилась на свет вилка, почему по льду можно кататься, а по полу нельзя, и загадала мне несколько загадок, на которые я, как ни старалась, ответить не могла. Я спросила у мамы ответ, но она сказала: «Как прочтешь книгу «Рассказы о вещах», сразу ответишь на эти вопросы». Меня удивило, что в этой книге я прочту о самых простых вещах.

И постепенно мне открывался мир вещей. Казалось, что нового можно узнать о часах, они есть в каждом доме. А оказалось, люди их не всегда имели. Каких только часов не изобретали! Были ночные часы и огненные. А что общего между часами и микстурой? На водяных часах есть точно такие же деления, как и на стаканчике для микстуры. Значит, их можно считать дальними родственниками. Труден был путь человека, пока он не создал современные часы.

Что нового можно узнать о лампе? Она дает нам свет. Мы к этому так привыкли, что и не замечаем ее. А вот раньше улицы были совсем не освещены. И поэтому богатые люди нанимали человека, который нес впереди горящий факел.

Я сделала вывод, что люди всегда старались изобрести что-то полезное. Человек никогда не оставался доволен результатами своего труда, а продолжал изобретать дальше, чтобы легче и интересней жилось на земле.

Екатерина Вовк, 5-й класс, г. Балхаш, Казахская ССР.

поддержать советом начинающего автора.

И как грустно, что не успела она увидеть и полистать книгу со своей последней, незадолго до смерти оконченной повестью о выдающемся узбекском просветителе и революционном деятеле Хамзе. Начало повести ты можешь прочитать в этом номере.

Книги Л. Воронковой добрые, умные друзья ребят. Читайте их!

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Книги о театре и об актерах

Эм. Александрова. **«Люблю театр».**

В. Красовская. **«Анна Павлова».**

С. Могилевская. **«Крепостные королевны», «Театр на Арбатской площади».**

А. Таланов. **«К. С. Станиславский».**

Е. Киреева. **«История костюма».**

Н. Черкасов. **«В театре и в кино».**

А. Эскин. **«В нашем доме».**

Перед вами несколько книг. Здесь и повесть о крепостных актрисах, и страницы жизни русской танцовщицы Анны Павловой, и книга о великом режиссере и теоретике театра Константине Сергеевиче Станиславском, и рассказ народного артиста СССР Николая Черкасова о своей работе в театре и в кино. Директор Дома актера А. Эскин делится своими воспоминаниями о встречах с актерами, о жизни актерского клуба. Интересно и полезно также познакомиться с историей костюма.

Так или иначе все эти книги помогут вам приобщиться к театральному искусству, полюбить театр, а если любите, то полюбить его еще больше.

Это далеко не полный список книг о театре. Можно было бы назвать еще не одну книгу, потому что театр — это сочетание и драматургии, и актерской игры, и режиссуры, и живописи, и музыки. Идите в библиотеку — спрашивайте, ищите книги о театре.

Рисунки Ю. АЛЕКСЕЕВОЙ.

СНИГИРЬ *

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари,
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдальцем единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами!—что воевать?

Май 1800 года

РАССКАЗЫ О СТИХАХ

ЭТО СЛАВНОЕ ГРОМКОЕ ИМЯ...

Попробуй ответить, не задумываясь, что приходит тебе в голову при имени ДЕРЖАВИН. Гаврила Романович Державин. Не смущайся, если ответ будет короток или неожидан. И взрослые люди бормотали, будто школьники: «Богоподобная царевна Киргиз-Кайсацкая орды!»... Все мы, какое уж поколение школьников, учим оду Державина «Фелица», чтоб вскоре забыть ее. Что нам Фелица!

Еще отвечают: как же, помним, грузный старик в алом сенаторском мундире при орденах и лентах, приподнимаясь над красным сукном экзаменационного стола, слушает лицеиста Пушкина. Такого юного, победительного. Это Пушкин легкими своими словами навсегда вколотил в нашу память образ Державина-старца: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Картина художника Репина только сделала образ зрительным, дала ему краски.

Сам Державин описал себя иным — юным, лихим солдатиком Преображенского полка в мундире «кургузом, с золотыми петлицами с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном, с прусскою претолстою косой, дугою выгнутой, и пуклями как грибы подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными».

Не правда ли, непривычный, тяжелый слог? Фраза движется, раскачиваясь и спотыкаясь, как карета на выбоинах. Так ведь это допушкинский язык и век восемнадцатый! Можно только удивляться тому, что

* Во времена Державина слово «снЕгирь» писалось так: «снигирь».

Державин, вельможа, сановник, поэт Екатерининской эпохи, не вписывается в пышную, золоченую раму своего времени. Горячий и порывистый, не умеет он застыть в величавой парадной позе, как требует того время. Прямо к нам прорывается пронзительными, сердечными строками: «Что ты заводишь песню военну, флейте подобно, милый снигирь?»

А меж тем был он человеком своей эпохи и век свой втащил в стихи весь — с его победами, полководцами, вельможами, крепостными, иллюзиями, дворцовыми празднествами и медлительными усадебными летними днями.

Трех императоров пережил Державин: он будет кабинет-секретарем Екатерины II, попадет в опалу при Павле, станет министром юстиции в царствование Александра I. Но всего ближе мне юный солдатик, что бредет зимним вьюжным вечером по московским слободам, разнося приказы офицерам полка о том, когда и куда надлежит им становиться на пост. Всю ночь приходится ему брести с Никитской на Пресню и дальше, за Москву-реку. Москва утопает в сугробах, таких глубоких, что однажды Державин час пробарахтался в снегу. В другой раз от своры собак пришлось тесаком обороняться: могли бы и заесть. Улицы пустынны. Редкие свечки протаивают в морозных узорах слабые мерцающие пятачки.

Когда выпадает свободный вечер и есть деньги на свечу, Державин до утра скрипит гусиным пером, пишет стихи. Спасибо немцу Розе, выучил его грамоте: грамота его кормит. Державин так беден, что даже не может снять комнату: он живет в казарме вместе с крестьянскими парнями, сочиняет им весточки в деревню, за что сердобольные крестьянские женки подкармливают его щами.

Нам даже представить трудно: что за век такой — восемнадцатый, с первым годом которого родилась первая русская газета? И Академия наук была создана прежде, чем школы. Грамотных людей в России, чуть отъедешь от столицы,— наперечет. Вот почему каторжнику Розе, сосланному в Сибирь, разрешено было открыть школу. У него Державин по слуху научился говорить по-немецки и полюбил срисовывать картинки. Забегая вперед, хочу сказать, что эта любовь к картинкам не прошла для Державина даром: в стихах его мы ощущаем вкус к живописи. Красками он наслаждается, как ребенок, выбирая из палитры самые яркие: пурпур, багрец, лазурь. А в стихотворении «Снигирь»,— хоть сам проверь,— не положит он ни единого мазочка, ни пятнышка цветного, словно все стихотворение одел в траур. Да так это и есть!

Ах, как он молод, честолюбив, дерзок, горяч! Как хочется ему отправиться за границу, совершить военные подвиги, отличиться,

поймать случай. «Случай» — вот еще слово, которому в XVIII веке придавали особый смысл. Это значит обратить на себя внимание вышестоящих, сделать счастливую карьеру, достичь почестей, богатства, чинов.

Державин не подозревает еще, что его счастливая судьба — поэтический дар. Когда в Москве случилась эпидемия, по дорогам стояли карантины, проезжающих останавливали, окуривали одежду и вещи. Державину недостало терпения ждать, пока окурят его сундучок с рукописями: он сжёг стихи — и полетел дальше.

Однажды Державин доставлял приказ на квартиру офицеру Козловскому; тот читал друзьям стихотворную трагедию собственного сочинения. Пунш, свечи, расстегнутые мундиры, кованые строфы — Державин задержался на пороге. «Поди, братец служивый, с богом,— махнул рукой Козловский.— Что тебе тут попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь».

Мог ли забыть поэт бесконечные десять лет солдатской службы, мог ли он забыть свою полуголодную, нетерпеливую юность? Он и не забыл. Не случайно держал он в клетке снегиря, выученного петь колено военного марша. Только что вернулся Державин с похорон Суворова и услышал, как насвистывает птица военный марш. Нехитрая мелодия бросила поэта к столу, и вот уже стихотворение «Снигирь» неровными строчками ложится на бумагу. Как эхо надгробного салюта, как дробь военных барабанов, рррраскатываются твердые звуки:

Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат...

Он всегда восхищался Суворовым. Восхищался тем, что в жизни этого человека осуществились его, Державина, мечты о военном поприще. Тем, что он добыл для России все возможные, мыслимые и немыслимые победы. Не бог Марс, не Геркулес с могучими руками — щуплый, маленького роста россиянин, скорый на ногу и на острое словцо. Таким и нарисует поэт Суворова: на казачьей выносливой лошаденке (на кляче!), в белой расстегнутой рубахе, с непокрытой головой — портрет живой, не парадный. Особенно хорош сухарь, зажатый в руке, и солома, приставшая к фельдмаршальскому мундиру.

Суворов был близок Державину, тоже из обедневшего дворянского рода, тоже начинал свой путь с солдатской службы. Державин знал, что в стихотворении, посвященном Суворову, он может поднять кубок прежде всего за солдат, за Суворова потом: полководец ценил и понимал солдата, считал его сердцем армии.

Поэт следил за всеми победами Суворова и каждую венчал своими одами. Порой Суворов предстает в них эдаким сказочным богатырем, который играет скалами, башнями, странами весело, размашисто, с лихой сказочной удалью:

Ступит на горы — горы трещат,
Ляжет на воды — воды кипят,
Граду коснется — град упадает,
Башни рукою за облак кидает.

Но, пожалуй, еще больше, чем победами, Державин восхищался удивительным достоинством Суворова, умением его и из поражений выйти победителем. Сам он не всегда чувствовал себя свободным от людей знатных, богатых, бывало, искал их милостей, покровительства. Иначе вел себя Суворов. Что было Павлу I до солдат! На армию он смотрел как на хорошо отлаженный механизм для вахт-парада. Он играл в живых солдатиков. Где-то я читала, что прежде чем выстрелить, надлежало выполнить около тридцати ружейных приемов. Суворов не мог примириться с этим, открыто высмеивал «прусские» игрушки, и Павел сослал его в Кончанское, лишив права носить военный мундир.

Суворов поселился в деревне. Мало кто знает, что прославленный полководец был широко образованным человеком. Он и в деревне умел найти себе занятие. С детства зная французский, он самостоятельно изучил польский, немецкий, финский и итальянский языки. А на старости лет принялся за турецкий. Он и стихи писал. И посвящал их Державину. Но в стихах Суворова гений полководческий чувствуется больше, чем поэтический—та же четкость, быстрота, натиск. Так он рапортовал в письме дочке Суворочке:

Нам дали небеса
Двадцать четыре часа
. . . . . .
И чтоб окончить вдруг,
Сплю и ем, когда досуг.

Суворов нашел себе занятие в деревне: он выстроил школу для крестьянских ребятишек, играл с ними в городки и бабки. С ним коротали вечера друзья юности — древние историки. Но он был военачальником по природе, по страсти, по профессии. И когда союзные войска двинулись в поход на Францию, он не мог спокойно сидеть в деревенской тиши. Часами разглядывал он карты, рассматривал положение армий, как шахматную партию, мысленно менял ходы и позиции. И все ему хотелось переиграть.

Но когда фельдъегерь, загоняя лошадей, примчался в Кончанское с пакетом от императора — «Фельдмаршалу Суворову» было начертано на пакете, — Суворов отказался его принять. «Это не мне,— сказал он.— Фельдмаршал должен находиться при армии, а не в деревне». И Павлу пришлось уступить. «Веди войну по-своему, как умеешь»,— вынужден был сказать император.

И семидесятилетний Суворов повел армию через Альпы, через черные зияющие пропасти, в которых бушевали каменные водопады, играли молнии и грохотали громы. Он по

трое суток не слезал с коня, не спал по ночам, выжидая часа, чтоб поднять солдат. Сам кричал петухом, потому что по армии был отдан приказ выступать с первым криком петуха. И эту победу вырвал Суворов для России. Его собирались привезти в столицу торжественно, в золоченой карете, а въехал он в тряском возке больной огневицей.

И, конечно, не болезнь тому виной. Не заболей Суворов, что-нибудь другое непременно помешало бы чествованию. Золоченая карета могла понадобиться знатному вельможе. И главное — ему самому не нужны были пышные чествования.

Не первый раз являлся Суворов в столицу победителем. Державин был очевидцем, как праздновали свои победы Потемкин и Суворов. И по случаю — оба в Таврическом дворце. Он мог сравнивать.

Пышное празднество, устроенное Потемкиным в честь победы над турками, поэт описал.

Играл оркестр роговой музыки в триста человек, невидимый хор гремел: «Гром победы раздавайся!» В зимнем саду на пригорках росли апельсинные и лимонные деревья, и плоды их, сделанные из стекла, светились в ночи фонариками. Золотой слон, на спине которого башней возвышались часы, шевелил ушами, глазами, хвостом, как только куранты начинали играть. Каких только чудес не повидал Державин в ту ночь! Что празднество! И в походе землянку Потемкина обивали парчой, а войска он объезжал, по словам Державина, «на златозарном фаэтоне».

Суворов и во дворце вел себя, как на биваке. Несколько лет спустя после описанного празднества, остановившись в том самом Таврическом дворце, Суворов и там спал на соломе, как ему было привычно.

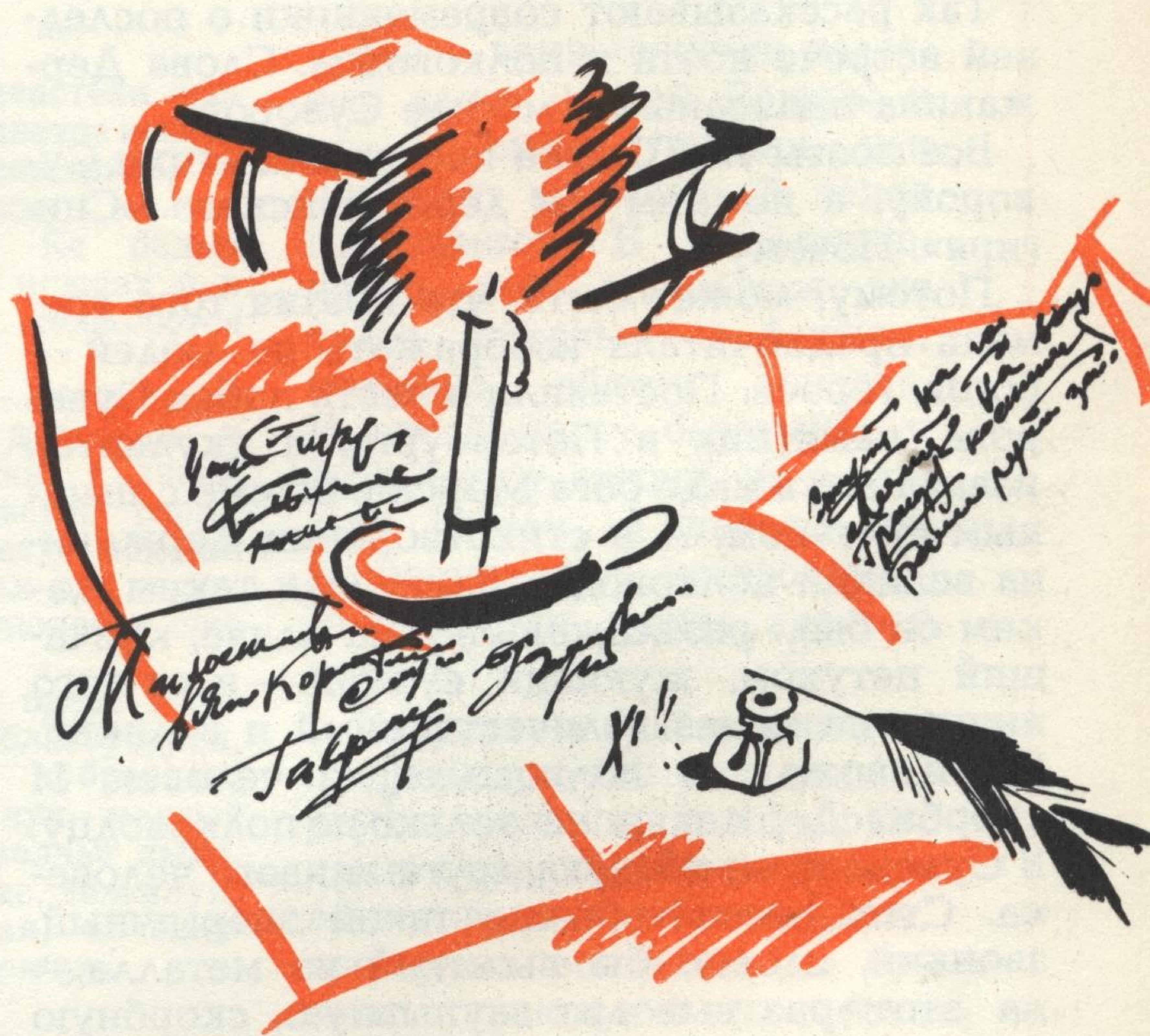
Фельдмаршал, генералиссимус, победитель турецких, польских, французских армий, он всегда оставался собой. С младости решив стать военным, он сознательно начал закалять себя, чтоб окрепнуть, избавиться от простуд.

Они впервые увиделись в Таврическом дворце, Державин и Суворов, обнялись, Суворов усадил Державина за обед. Так состоялось знакомство, начавшееся в письмах и стихах.

Сам Державин пленялся дворцовыми красотами. На парчу, бархат, драгоценные камни он смотрел и как живописец, любуясь игрой красок, и как человек, для которого богатство было свидетельством удачи, знатности. В стихах своих пышность екатерининского двора он переносит даже на сдержанную северную природу — она завораживает нестерпимым блеском, слепит глаза. Есть у Державина лирическое стихотворение «Прогулка в Сарском селе», по сюжету незамысловатое: поэт катается с женой на лодочке, они слушают голос соловья, вокруг бушует лето, вокруг «крыл трепетанье». Посмотрите, **как** видит Державин петербургское лето:

> ...за нами вслед летела
> **жемчужная** струя.
> **Сребром** сверкают воды,
> **Рубином** облака,
> Багряным **златом** кровы...

Тем больше он ценил в Суворове неприхотливость, равнодушие к роскоши. Никогда не умирал в нем солдатик, бредущий через снежные завалы на Пресню, и испуганный мальчик, жмущийся к материнским коленям в бесконечных присутственных коридорах. Мать Державина не могла уплатить долг в пятнадцать рублей, оставшийся после смерти мужа, она вела бесконечные тяжбы, простаивала вместе с детьми в судах, ища

справедливости и жалости. Державин не забыл эти часы, и то, как досадливо отмахивались от бедной вдовы чиновники. Когда его назначили губернатором, он старался рассудить все дела по сердцу и закону, а к детям и вдовам был особо внимателен. Став кабинет-секретарем Екатерины II, он надеялся заинтересовать ее существом дел и просьб. Екатерина хотела быть Фелицей, справедливой и просвещенной монархиней, но дотошность Державина докучала ей, вид череды лакеев, нагруженных бумагами выше плеч, вызывал скуку. Равнодушие императрицы сердило Державина, ему не хватало терпения, он сам говорил о себе: «горяч и в правде черт». Однажды во время очередного доклада секретаря Екатерина II подозвала проходившего мимо кабинета придворного: «Сядьте тут. Этот господин, мне кажется, меня прибить хочет».

Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им:
Ум и сердце человечье
Были гением моим,

писал Державин. Он был воином, пожалуй, не меньше Суворова. «Фелицей» он пытался подсказать государыне, как надо править по законам и справедливости, борясь со злом, не унижая подданных. Он предлагал программу, Екатерине было лестно увидеть в стихотворении свой портрет.

Суворов чувствовал в Державине пылкого государственного мужа, ценил его «сердце человечье». Уже больной, ожидая смерти, он спросил у Державина, который навестил его, когда же тот напишет ему эпитафию.

— Много слов не нужно. Довольно сказать: здесь лежит Суворов.

— Помилуй бог, как хорошо,— вздохнул больной.

Так рассказывают современники о последней встрече поэта и полководца. Слова Державина написаны на могиле Суворова.

Все поэты XVIII века посвящали стихи Суворову, а помним мы державинского «Снигиря». Почему?

Потому, может быть, что поэзия того времени предпочитала изображать не людей — богов, героев. Поставили в честь побед Суворова памятник в Петербурге, и скульптор изваял его в виде бога Марса в шлеме с пышным султаном. А в стихотворении Державина великий полководец нарисован таким, каким он был: разъезжающий на кляче, кричащий петухом, жующий сухари — и от того ничуть не менее величественный и великий. Он и вождь, и полководец, и человек. И скорбит Державин не только по полководцу. В Суворове он потерял друга, живого человека. Стих поэта—обычно такой энергичный, звонкий, словно бы вылитый из металла,— на этот раз выводит заунывную, скорбную мелодию. А последняя строчка обрывается вздохом, подавленным, горестным, обрывается неожиданно, как сама жизнь:

Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?..

И. АНДРЕЕВА

Рисунки П. БАГИНА.

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

Операция «Подснежник» началась! В прошлом номере «Пионера» были напечатаны первые задания для ее участников. Операцию «Подснежник» горячо поддерживают ученые-ботаники. Сегодня мы даем слово ленинградскому ученому доктору биологических наук Рудольфу Владимировичу КАМЕЛИНУ.

ПЕРВОЦВЕТЫ НАШЕЙ ВЕСНЫ

Не удивляйтесь, но весна приходит на землю нашей Родины очень рано — в конце января. В эти дни в теплых долинах Закавказья и Средней Азии зацветает миндаль... Еще могут грянуть заморозки, бывает, что ненадолго выпадет свежий снег, но весну уже не остановить! А вместе с ней появляются самые первые весенние цветы — первоцветы.

Казалось бы, такие слабенькие и нежные, они отважно тянутся к солнцу, не боясь ни заморозков, ни свежего снега. Потому, наверно, их так и называют «подснежниками»...

Давайте окинем взглядом карту нашей Родины и посмотрим, как шествует весна по нашей земле, какими первоцветами отмечается ее появление.

Фотографии В. ПАВЛОВА.

Рисунок Ю. БОНДАРЕНКО.

Январь.

Особенно пестрый ковер первоцветов на самом юге нашей страны — на юге Закавказья и Средней Азии. Невозможно даже перечислить все, что цветет здесь ранней весной! В Средней Азии, например, одних только луковичных **ирисов** двадцать пять видов! А **гусиных луков** около сорока! И еще — самые разные **шафраны, синие сциллы,** или **пролески, гиацинты,** яркие — голубые, розовые, алые или желтые **ветреницы,** или **анемоны,** пестрые, часто с шахматным рисунком **рябчики,** причудливые, похожие на бабочек **сетчатые ирисы** и многие другие. Уже в январе они зеленеющими всходами расцвечивают долины и холмы нашего юга.

Коротка жизнь первоцветов. Им надо успеть вырасти, дать цветы и семена, пока воздух и почва теплые и влажные, пока не пришла иссушающая жара и зной. Жаркое лето и холодную зиму они пережидают под землей, спрятавшись в корневищах, луковицах и клубнелуковицах, богатых питательными веществами. Уже к середине весны — к моменту отцветания там закладываются побеги будущего года, а иногда — почти готовые цветы или крупные ростовые почки. Вот почему первоцветы так рано появляются весной и так энергично начинают цвести, нередко даже не дожидаясь, пока стает снег...

Среди южных первоцветов много редких и уникальных растений, особенно среди закавказских и среднеазиатских **тюльпанов.**

Тюльпаны — там, где они есть — завершают весенний парад первоцветов. Отцвели тюльпаны — весне конец! Да и какая же весна на юге без этих красавцев с их блестящими — то в виде бокалов, то в виде чаш — цветками!

В мире известно всего около восьмидесяти видов тюльпанов, и шестьдесят из них встречаются только в нашей стране. Все богатство голландских тюльпанов получено от скрещивания наших среднеазиатских с культурными. От одного только **тюльпана Фостера,** который встречается только в горах вблизи Самарканда, выведено множество сортов!

Тюльпаны заканчивают весну и в наших пустынях. Весна здесь коротка, и тюльпаны появляются почти в самом ее начале — сначала сиреневые и белые, а потом желтые и красные. Они очень красят весеннюю пустыню...

Февраль — март

В конце февраля — начале марта весна приходит в Крым, на Северный Кавказ, на юго-запад Украины и в Молдавию. Приходит с нежным розоватым цветком — **колхикумом Биберштейна.** Потом расцветают **шафраны (крокусы)** — сетчатый и крымский, **гусиные луки,** голубые **сциллы,** золотые лютики, **горицветы** и **хохлатки** — желтая и розово-фиолетовая.

Кончают весну здесь пестрые **ирисы**-петушки, западнее — желтый **тюльпан дубравный,** а в Крыму — белый **тюльпан Кальве** и красный **тюльпан Шренка.** Им на смену приходит степной тонколистный **пион-воронец...**

Во второй половине марта весна завоевывает степные просторы Украины, Кубани, Юго-Востока. Начинают ее цветки фиолетовой **сон-травы,** а кончают — **тюльпаны** и степной **пион.**

Март — апрель

В европейской лесостепи весна коротка и первоцветов немного — фиолетовая **сон-трава, горицвет.** Кончает весну обычно лесная **ветреница.** Ее белые цветки на длинных ножках и в самом деле всегда колеблются под теплым ветром.

В наших лесах — лиственных и смешанных, в дубравах и липняках, в ельниках с липой и кленом — первоцветов гораздо больше. Они цветут под пологом этих лесов как раз тогда, когда стоит это чернолесье еще совсем без листьев.

Начинают весну здесь голубая **печеночница** благородная, белая **ветреница дубравная, хохлатка, гусиный лук** желтый и чудесное наше **волчье лыко.** Кончают весну у нас, пожалуй, фиалка удивительная, сочевичник весенний и зеленчук.

Чем дальше на север, тем меньше первоцветов. Мало их и на просторах сибирской тайги. Весна здесь идет в пене розового «багульника» — **рододендронов даурского и мелкоцветкового,** а на лугах ее украшают огненные **«жарки» (купальница азиатская).**

Мало первоцветов в тайге, но есть среди них такие, что и на юге не встретишь: это **северная орхидея, калипсо клубневая.** Она встречается в малодоступных местах, и ее крупные розовые изящные цветки создают впечатление заброшенного сказочного цветника.

В дубравах и тайге нашего Дальнего Востока есть свои первоцветы: особенно хороши бледно-сиреневая **джефферсония** и **короткокистенник** с фиолетовыми цветками и листьями. Рядом со знакомыми нам **ветреницами** и **хохлатками** цветут травы почти тропического облика — **лизихитон камчатский, симплокарпус,** а несколько позднее — **триллиум камчатский.**

Весна в лесах здесь длится долго: весенние растения сменяют друг друга до той поры, пока листва не сомкнет над ними свой полог...

Но даже к концу мая, когда вся таежная Сибирь покроется первоцветами, весна на нашей земле еще не кончится. Позже всего она придет в холодную тундру и арктические ледовые пустыни. И высоко в горах все лето можно будет встретить у кромки тающих ледников цветущий **колхикум** или **гусиный лук.**

ПЕРВОЦВЕТЫ ПРОСЯТ НАШЕЙ ЗАЩИТЫ!

Мы с вами окинули взглядом карту нашей Родины и как бы снова увидели, как украшает ее весенний наряд первоцветов. К сожалению, наряд этот становится все более скудным и бедным, особенно вблизи городов. И виной этому бездумное и беззаботное отношение к первым цветам, а нередко их хищническое истребление. Первоцветам нужна срочная помощь!

Их рвут на букеты или для продажи, рвут тысячи людей, рвут с клубнями и с луковицами. Следующей весной первоцветов становится меньше, цветки их мельчают (на букеты стараются взять поярче да покрупнее!). В ряде мест они могут и вовсе исчезнуть...

Растение беззащитно. Накрепко связанное с почвой, оно не может ни убежать, ни постоять за себя. Ему нужно помочь, оно ждет нашей охраны и защиты!

В нашей стране для охраны растений создаются заповедники и заказники, составляются списки растений, которые нуждаются в охране. В «Красную книгу флоры СССР» записаны и первоцветы: дикорастущие тюльпаны, пионы, подснежники, шафраны и многие другие.

Законом запрещена торговля многими из первоцветов, в ряде мест лесная охрана оберегает первоцветы от уничтожения.

НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ!

Первая заповедь для каждого школьника — не рвать цветы для букетов, объяснять всем, почему этого нельзя делать. Постарайся передать свое бережное отношение к весенним цветам и товарищам по школе, и своим домашним, и ребятам со двора.

Участвуйте в операции «Подснежник», которую проводит журнал «Пионер». Организуйте патрули и дозоры. Охраняйте известные вам места, обильные первоцветами. Превращайте их в свои маленькие заповедники.

Нарисуйте яркие плакаты в защиту подснежников и тюльпанов, крокусов и сон-травы — тех цветов, которые в ваших краях требуют защиты. Повесьте их в школе, во дворе, на вокзалах.

Но есть и еще одно важное поручение для всех пионеров и школьников. Когда составлялась «Красная книга флоры СССР», выяснилось, что о некоторых растениях, в том числе и о первоцветах, нет полных и точных сведений. **Если вы поможете ученым получить эти сведения — будут объявлены новые заповедники и многие редкие растения будут спасены от исчезновения.**

ЗАДАНИЯ УЧЕНЫХ

Пионеры севера Европейской части СССР, Урала и Сибири!

Выясните, растет ли у вас **северная орхидея — калипсо.** Много ли ее, где она особенно обильна. Ученым важно знать, попадаются ли у вас редкие орхидеи **с белыми** (а не с розовыми, как обычно) цветками.

Пионеры Ленинграда и Ленинградской области! Только в сосновых лесах Карельского перешейка растет **белоцветковая сон-трава** весенняя. Напишите, много ли ее у вас, в каких местах вы ее видели. **Чтобы подсчитать запасы какого-нибудь растения, надо знать число отдельных экземпляров на одном квадратном метре, — там, где оно особенно обильно.**

Пионеры Москвы и Московской области! В ваших лесах многие первоцветы становятся редкостью. И все же сообщите, встречаются ли у вас места, где растут вместе и **хохлатки,** и **анемоны,** и **печеночница.** Постарайтесь уберечь их от жадных рук, пусть они и в этот год и в следующий дадут семена.

Пионеры южной части Нечерноземной полосы, Черноземной части РСФСР, Украины и Молдавии! Горицвет весенний (стародубка, или **адонис)** был когда-то очень распространен у вас. Из травы горицвета готовятся ценные сердечные лекарства. Сохранилось ли это растение с яркими золотистыми цветками у вас — на сухих лугах и опушках, степных склонах и речных берегах? Сообщите, где оно у вас растет, где его особенно много и где мало. Укажите, в каких районах его совсем нет. Созревают ли у вас семена горицвета, собирают ли это растение по заданию аптекоуправления или для себя?

Пионеры Крыма! У вас растут два вида желтых **шафранов (крокусов):** один, с более длинными, выставляющимися рыльцами и с сеточкой на клубнелуковицах, — обычный у вас **шафран сузский,** а другой — с короткими рыльцами и с перепончатыми волокнами на клубнелуковицах. Это **шафран золотой,** очень редкий в Крыму. Уже давно нет сведений о золотом шафране. Напишите, встречался ли он вам. Подсчитайте, сколько растений этого шафрана растет на одном квадратном метре.

Пионеры Молдавии и Одесской области! У вас растет редкое весеннее растение — **леонтика одесская. Оно включено в «Красную книгу флоры СССР».** Важно знать места, где оно растет. Хорошо бы собрать семена и подсевать их в этих местах, но на свободную территорию. Посмотрите, хорошо ли всходят семена, посеянные вами.

Пионеры Кавказа и Закавказья! Вы можете помочь ученым определить запасы **настоящих подснежников и шафранов.** В каких урочищах этих растений особенно много, какие виды этих растений у вас встречаются?

Пионеры Восточной Сибири и особенно ее северных районов!

Ждем ваших сообщений о местных **ранневесенних растениях.** Сколько их? Если сможете, определите их виды. Это интересно для ученых.

Пионеры Бурятии и Даурии! У вас в степи растет замечательный **зимостойкий тюльпан одноцветковый.** Подсчитайте его запасы **(как —** мы уже объясняли), ученым они неизвестны. Долго ли он цветет? Как плодоносит, хорошо ли всходят его семена?

Пионеры Средней Азии! Ваша первая задача — охрана замечательных тюльпанов. Научитесь различать, сколько видов их растет в вашем районе. Отмечайте урочища, где их много и где окраска тюльпанов наиболее разнообразна или, наоборот наиболее однородна. Собирайте зрелые семена (только семена, а не луковицы!) и высевайте их на школьных участках. Пусть на каждом школьном участке будут посеяны (а не посажены луковицами) тюльпаны!

ОТ РЕДАКЦИИ:
Ждем ваших писем с рассказами о первоцветах, о том, как вы их охраняете и изучаете.
Ждем ваши рисунки, фотографии, карты местности с изображением тех первоцветов, которые вы нашли и определили.
Все ваши работы будут показаны ученым.
НА КОНВЕРТЕ СДЕЛАЙТЕ ПОМЕТКУ — ОПЕРАЦИЯ «ПОДСНЕЖНИК».

Редкий тюльпан Островского цветет в горах Средней Азии.

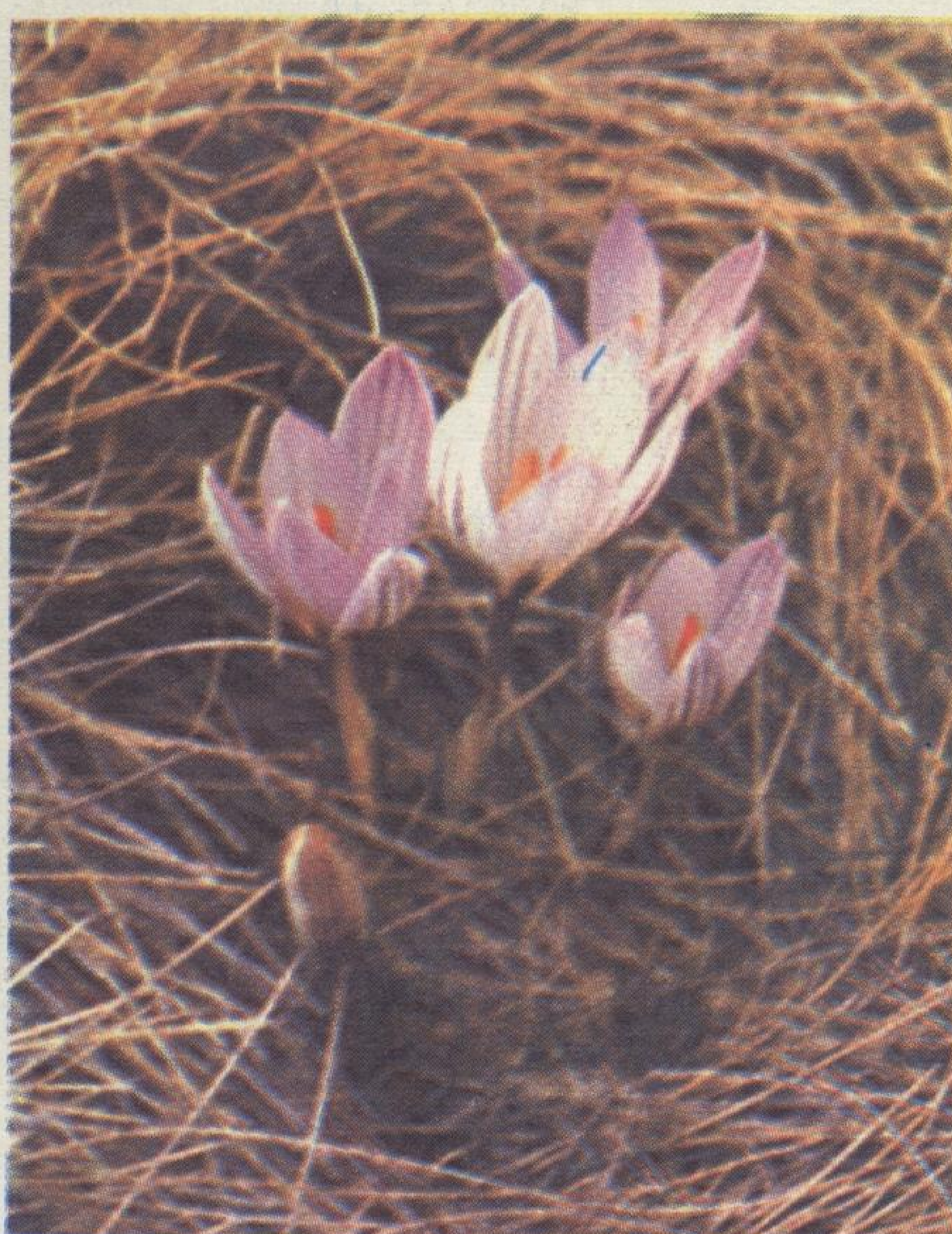
Гусиный лук, житель гор, начинает южную весну.

Нежные цветки кавказского шафрана, или крокуса, бывают и ярко-желтыми, и белыми, и светло-лиловыми.

Голубая печеночница начинает весну в лесах Европейской части СССР.

Этот подснежник (точное его название — белоцветник) в феврале—марте цветет в Карпатах и на Западной Украине.

СИЛЬНЫЕ,
ЛОВКИЕ,
СМЕЛЫЕ

ВНИМАНИЕ! ДАЕТСЯ СТАРТ...

Неугасимым веселым огнем они вспыхивают по стране, эти соревнования. Рассказывают ребята Удмуртии, фотографии чемпионов прислали пионеры из Душанбе, небывалый рекорд школы установили в маленьком поселке — сто тридцать километров от Минска...

«СТАРТЫ НАДЕЖД», это о них я сейчас говорю, о прекрасном, непрекращающемся соревновании пионеров. Миллионы участников, сотни тысяч личных рекордов. Нет, такого, честное слово, еще не знала история спорта!

Сейчас, в пору относительного затишья, хотелось бы подумать, поразмыслить над тем опытом, который приобрели «Старты», посоветоваться с их участниками, что хорошо было, а что пока не получилось. Значит, ждем ваших писем! «Старты надежд» должны стать самым красивым, самым организованным, самым дружным соревнованием! Нужно сделать так, чтобы всей огромной шеренге турниров, матчей, спортивных встреч — от первенства двора до Олимпийских игр — мы могли сказать: «На «Старты надежд» равняйсь!..»

Тренировку проводит сам Борзов.
Здесь каждое слово на вес... олимпийского золота!

Сейчас я хочу рассказать о финале летних «Стартов», который проводился в Артеке. Мне кажется, именно здесь, как под увеличительным стеклом, стало особенно хорошо заметно все лучшее, что есть в «Стартах», стали заметны и проблемы этих крупнейших пионерских соревнований, вопросы, которые нужно еще всем нам вместе решать.

Но сперва несколько фактов и цифр.

В финалах принимали участие сто классов, две с половиной тысячи человек (точнее, 2 498) — перед таким количеством участников бледнеет любое первенство мира! Пионеров на «Стартах» было 2 264 человека, комсомольцев — 234.

Здесь соревнуются будущие олимпийцы. Значит, в спортивном отношении это должно быть соревнование достаточно высокого класса...

Так оно и было: в финалах «Стартов надежд» приняло участие 636 разрядников (то есть каждый четвертый!), из них 8 кандидатов в мастера спорта. Представительно!

В финалах участвовали ребята тридцати пяти национальностей. География? Практически вся страна! От Ленинакана до Ульяновска, от Таллина до Якутска. Финалистов из сел, поселков, деревень, небольших городков было, пожалуй, даже больше, чем ребят из «цент-

В. ЛАРИН

Рисунки
И. КРАСУЛИНА.
Фотографии
Е. УСПЕНСКОГО.

ров»... Это я сейчас даю ответ тем ребятам, которые пишут: «Живем мы в поселке, и для занятий спортом никаких у нас условий нет!» Неверно! Условия есть везде. Но вот не везде есть смелые, энергичные и работящие люди!

И еще одна важная подробность, характеризующая финалы. Как мы уже знаем, все участники «Стартов» — ученики... Интересно, а каковы их успехи в школе?

Отличников — сто двадцать три! Тех, которые учатся на четыре и пять, — тысяча сто шестьдесят восемь! Вот такой коллективный рекорд установили участники финалов.

Современный школьник-спортсмен — это человек разносторонне развитый, подтянутый, серьезный, интеллигентный!

Я был за свою жизнь на очень многих соревнованиях, но нигде и никогда не видел такого удивительного и искреннего духа товарищества!

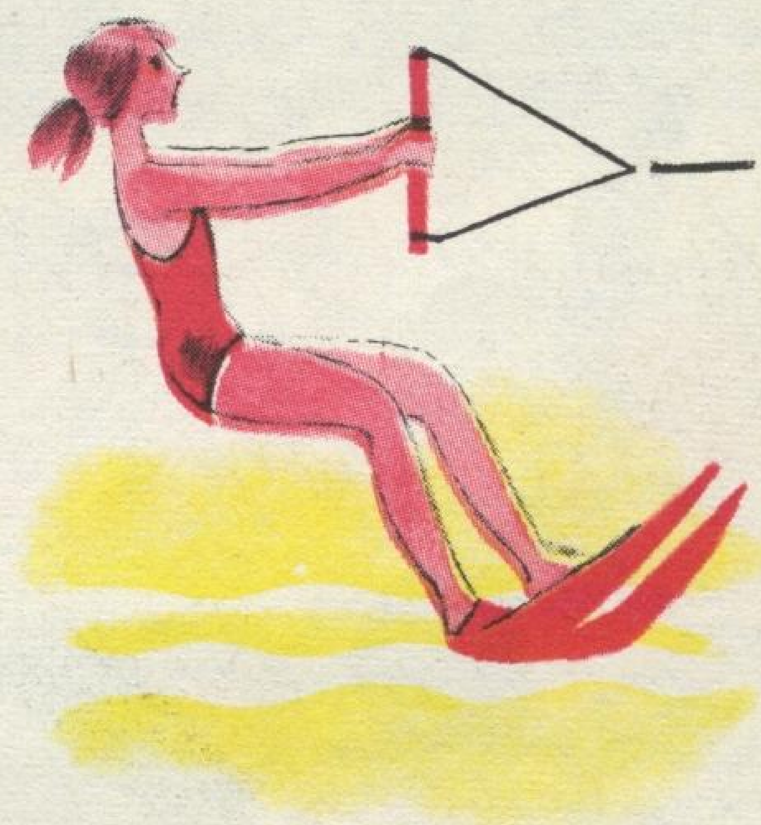
Петр Болотников, олимпийский чемпион.

КОМАНДА

Их было сто. О какой же рассказать?.. Соревнования называются «Старты надежд». Вот о надеждах и буду, решил я. О самых, значит, «молодых». Таковой оказалась команда школы № 52 из поселка Иль-

За четыре секунды до финиша, за четыре года до Олимпиады-80.

ский, Краснодарского края. Артековский адрес: дружина Полевая, Колокольчики, 14-й отряд. 25 человек — 12 девочек, 13 мальчишек. Золотых значкистов ГТО — 16, учащихся на хорошо и отлично — 14! Шестиклассники, но многим пока по одиннадцать. Какие еще достопримечательности? В команде две пары близнецов — Сережа и Светлана Гладковы, Ира и Игорь Закатей.

Артековская их вожатая Наташа Мухина говорит так:

— У этого отряда три главных качества: коллективизм, любознательность и сила воли.

— Как это может быть, чтобы у всего отряда?.. Они, что же, одинаковые, что ли?

— Нет, не одинаковые. Но это у них общее.

Начались соревнования. И уже на разминке я понял: у них есть и еще одно общее качество — в ответственные минуты жизни они умеют быть волевыми, умеют сосредоточиться — настоящие спортсмены. И хотя, конечно, им трудно было тягаться с ребятами, которые на два, три, на пять лет старше их, однако они боролись, устанавливали свои личные рекорды.

Обычно как бывает? На тренировке человек показывает неплохие

До конца стремиться к победе, до конца уважать соперника. Пусть это станет вашим девизом, ребята.

Валерий Борзов, олимпийский чемпион.

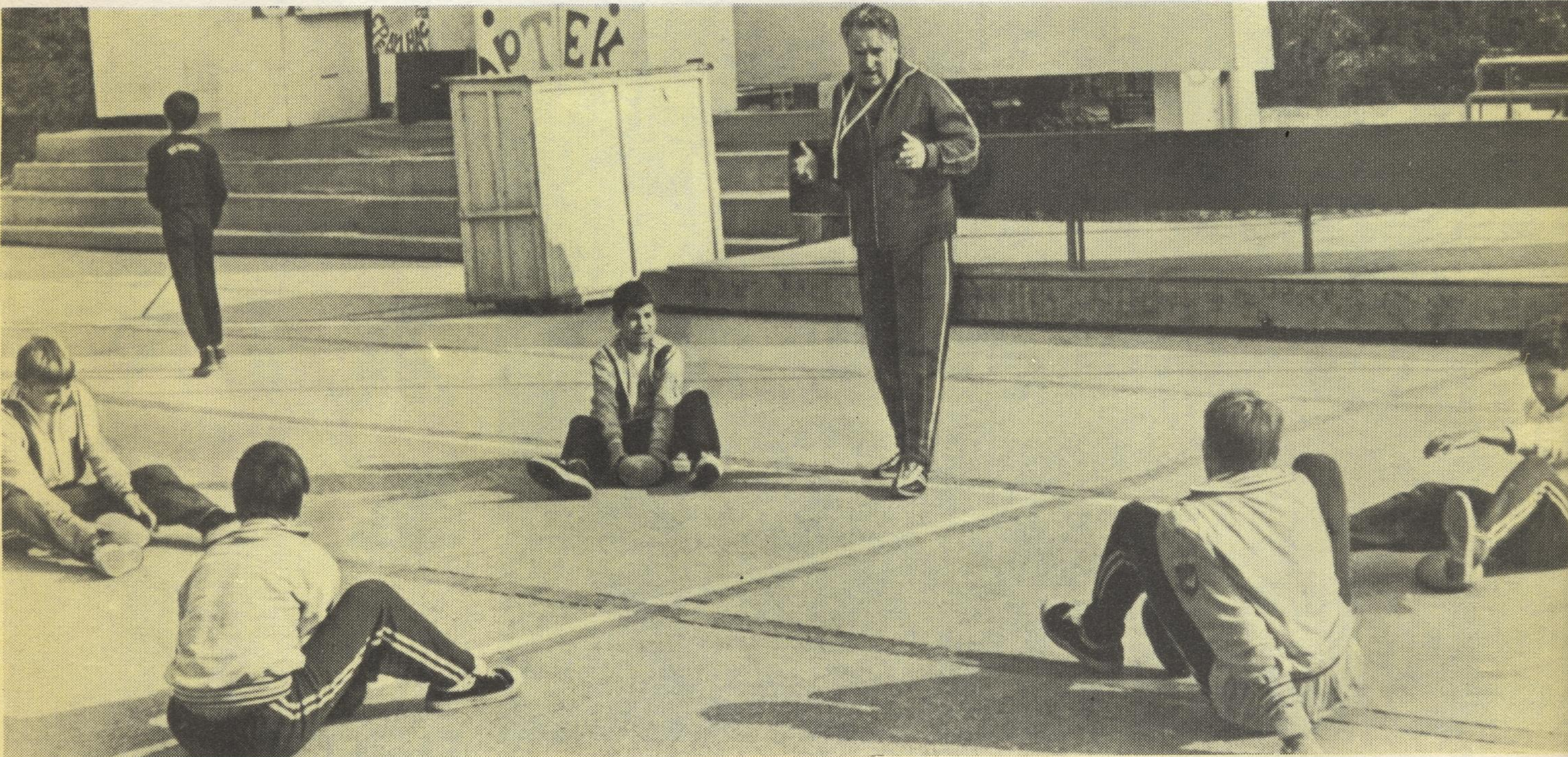
результаты. А пришли соревнования — сник, перегорел, разволновался... Ребята из 52-й школы — настоящие бойцы. Показывают результаты, близкие к лучшим. А лидер их, Вова Старцев, установил свои личные рекорды во всех видах программы. Молодец!

Наступил день кросса. И здесь они могли всерьез посоревноваться с другими командами.

Почему именно здесь?.. Сейчас объясню. Всего в финалах было шесть видов: массовое гимнастическое упражнение (как его здесь называли, вольные), подтягивание (для девочек отжимание из упора лежа), метание мяча, прыжки в длину, бег на 60 метров, кросс.

Метание, отжимание, подтягивание, спринт — тут нужны сила, резкость, хорошая скоординированность. У младших ребят этих качеств просто быть не может: возраст не тот.

Другое дело — прыжки в длину и особенно кросс. Бегать мы любим и умеем с самого раннего детства: салочки, колдунчики, футбол, лапта... Здесь ребята из Ильского победили не только всех своих сверстников, но и больше половины восьмиклассников. Команда ма-

На снимок без зависти смотреть невозможно: тренировку проводит сам А. В. Тарасов! И думаешь: чего это я не участвую в «Стартах надежд»?!

ленького поселка обыграла Москву, Тбилиси, Вильнюс, Баку, Владивосток, Полтаву и многие другие крупные города.

А вот на метаниях выступали неровно. Люда Васильченко метнула мяч за 40 метров, чуть не попала во «взрослый» финал. Большой молодец!.. Очень симпатичная и скромная Галя Серия плакала, закрыв лицо руками. Она метнула мяч всего на 13 метров. Плохо, конечно. И это был урон для всей команды. Однако вся команда утешала Галю!..

Ира Закатей: «Ну и что! Я когда только начала, сама на 15 метров бросала... Нет, даже на 12!» Наверное, она выдумывала сейчас. Но это был тот редкий случай, когда ложь оказалась хорошим делом...

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Она, как невидимое знамя, развевалась в те дни над артековским стадионом... Вот лишь несколько фактов.

Идет метание мяча у старших. В секторе Тоомас Вальтер из Эстонии. Бросок! Отлично: за 80 метров! Еще бросок! Мяч взвивается, летит, словно подхваченный ветром, медленно, как бы нехотя, падает. Стадион гремит, радуется как умеет: мяч приземляется далеко за от-

меткой старого артековского рекорда... Тут же вспоминаем: рекорду 17 лет, а метателю 14!

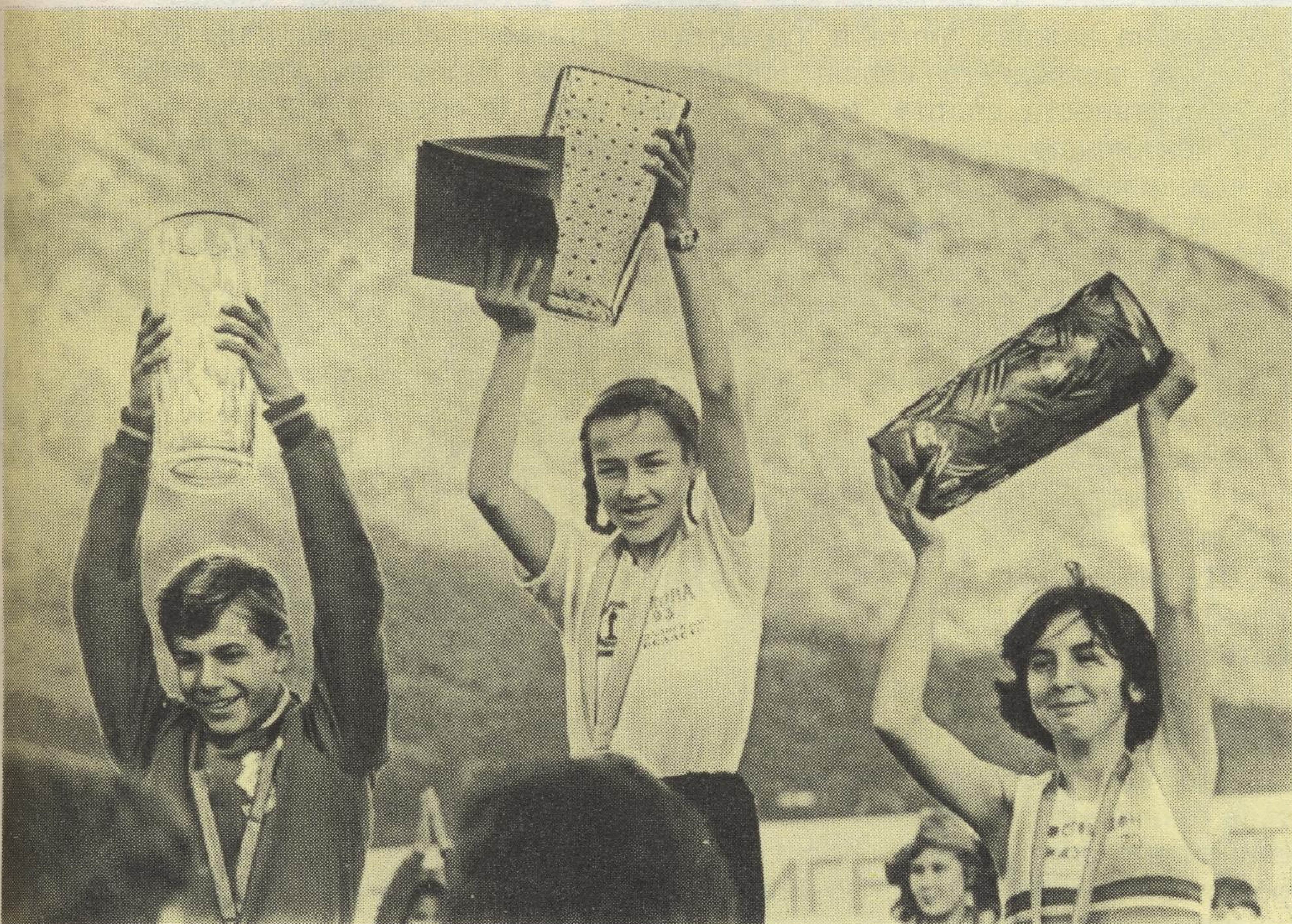
Но что такое? Судья в поле поднимает красный флаг — бросок не засчитан! Оказывается, Тоомас не попал в размеченный «коридор», мяч упал явно левее... Но позвольте! Бросок Тоомаса был и намного длиннее, чем весь «коридор». Так что не мудрено было промахнуться — положение спорное.

Судьи — взрослые, заслуженные люди — конечно, могли бы силой своего авторитета утвердить первое решение. Однако они поступили по справедливости, сказали: «Признаем ошибку!» Удлинили коридор, разрешили Тоомасу Вальтеру повторную серию бросков... Так родилось самое выдающееся достижение финалов — бросок на 94 м 68 см!

Еще один случай, его рассказала мне алма-атинская журналистка Татьяна Квятковская. Ребята из школы № 21 казахского города Петропавловска заняли в вольных упражнениях второе место... Дома, на городских соревнованиях, у них все шло отлично, только вольные были очень слабыми!

По-моему, главными качествами спортсмена должны стать мужество и благородство.

Николай Андрианов, олимпийский чемпион.

Сладкое слово «победа!».

Когда подводили итоги и стало ясно, что в Артек поедут все-таки ребята из 21-й школы, к ним пришли их главные конкуренты. Те, у которых вольные были как раз особенно хороши. «Вам ехать на финалы, забирайте наши упражнения! Без разговоров!» И потом еще целую неделю были добровольными тренерами у своих счастливых соперников!

...На этих соревнованиях было много призов. Даже за не очень высокое место полагалась какая-то награда. Почему? Потому, что взрослые хотели отметить энтузиазм и большой труд ребят. Ведь уже одно то, что команда сумела пробиться в финалы, было огромным достижением.

И наконец, о высшей справедливости финалов. О ней хорошо сказал один из почетных гостей соревнований, заслуженный тренер СССР, «профессор хоккея» А. В. Тарасов: **«Огромные ребячьи соревнования, по размаху сравнимые разве что с Олимпийскими играми! Только Советская власть способна на такое! Из среды финалистов, наверное, выйдут будущие олимпийцы. Но главное, по-моему, что все эти ребята станут настоящими советскими людьми».**

Тренировка, как и всякая хорошая работа,— это прежде всего удовольствие!

А. В. Тарасов, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР.

Я не врач,
рецептов
давать не могу,
но одно знаю твердо:
человеку
с маленькой душой
никогда не стать
большим
спортсменом.

Ирина Роднина,
олимпийская чемпионка.

ТРЕНЕР

Идут соревнования. Тренерам, представителям команд по правилам находиться в секторах запрещено. Однако тренеры там зачастую все-таки «находятся». Как, в самом деле, не пойти к ребятам: ведь хочется же помочь!

Валентина Дмитриевича Игнатьева, тренера ильских ребят, я не видел в секторе ни разу. Он сидел на трибуне: то сердился, то приплясывал от радости, словом, болел, как «простой смертный». С той лишь разницей, что успевал еще между эмоциями вносить в свою тренерскую книжечку какие-то записи.

— Валентин Дмитриевич, да спуститесь к ребятам-то!

— Нельзя! Это против правил.

— Ну... Велик ли грех!

— А что же они обо мне подумают, ребята: нечестный тренер?.. — Потом подумал, мотнул головой: — Я даже не из-за себя. Из-за них! Я хочу, чтоб только абсолютно честные победы приносили им удовольствие!

И я подумал: «Счастливы те ребята, у которых такой тренер!»

Еще одна важная черта в характере Игнатьева: чему он учит ребят, то до последнего слова исповедует сам. Например, учит свой класс преданности спорту, и сам предан ему! В сорок один год остается чемпионом района по ГТО. И не собирается без боя отдавать свое чемпионство ни молодым, ни старым!

А вот история о том, как Игнатьев «вырастил» кандидата в мастера. Сам он рассказывает так:

— Отец мой уходил на пенсию. Всю жизнь физически работал, а тут... Я думаю: двигательная активность убавится — плохо! Честно ему все рассказал, говорю: «Надо спортом заняться!» Каким? «Давай, городки пробуй...»

Сейчас Игнатьеву-старшему 76 лет, он кандидат в мастера, выступает на первенстве Краснодарского края. А край этот величиной с иное государство!

...Школе совхоз дал задание: собрать для свинофермы две с половиной тонны желудей. Собрали. Причем полторы тонны ребята Игнатьева!

— Мы любое поручение совхоза, — говорит Валентин Дмитриевич, — рассматриваем как хорошую тренировку.

И это не просто разговоры, чтоб «мобилизовать учащихся». Игнатьев провел исследование, выяснил: для волейболистов (а ребята его специализируются на волейболе) наиболее полезно... окучивание. Оно укрепляет брюшной пресс, мышцы плечевого пояса. Пошел в правление, договорился...

...Я вспоминаю целеустремленных, честных, преданных спорту ребят из 52-й школы. Нет, они, конечно, все разные. Но все они хотят стать похожими на своего любимого тренера!

На знамени
ваших соревнований
написано:
«Олимпийцы —
среди нас!»
И я уверен,
так оно и есть!

Леван Тедиашвили,
олимпийский чемпион.

Первый финал «Стартов надежд» стал уже фактом пионерской истории. Но все мы — участники, судьи, журналисты, десять дружин отчаянно болеющих артековцев — будем помнить, что это был настоящий большой праздник.

Прежде всего праздником было то, что сюда приехали отличные ребята. Я рассказал лишь о чемпионах России среди шестых классов (к сожалению, в неофициальном зачете) — школьниках из поселка Ильский. Однако носителями духа настоящего спортивного благородства было подавляющее большинство участников.

Праздником был и сам Артек — это незабываемое и чудесное место... Между нами говоря, вообще одно из лучших мест на Земле! Он навсегда останется в памяти ребят. И навсегда останутся хорошие знакомства и крепкая артековская дружба.

На соревнованиях были призеры и были команды, занявшие «последующие» места.

Однако проигравших не было здесь ни одного человека!

Есть
известное выражение
о том, что жизнь —
это борьба.
Но ведь и спорт —
это тоже борьба.
Вот почему правы те,
кто говорит:
«Спорт —
это сама жизнь!»

Александр Мальцев,
олимпийский чемпион.

**Тает снег,
зазвенели ручьи,
побежали в реки.
И по самой первой
весенней воде
приплыл
под всеми парусами
наш «Кораблик»,
нарядный, с цветами.
Не простой
«Кораблик»,
мартовский.
Он посвящается
бабушкам, мамам,
сестрам
и самой любимой
твоей учительнице.**

*Надо успеть приготовить подарок —
8 Марта не за горами.*

***«Моя бабушка — одна из искусных мастериц
в нашем селе. Она умеет ткать ковры.
Научилась бабушка этому еще девочкой.
Я ткать ковры не умею,
но мечтаю научиться этому у моей бабушки»,—
пишет Мира КАЗЫКЕНЕВА, шестиклассница
из села Катон, Восточно-Казахстанской области.***

БАБУШКИНЫ КОВРЫ

Красивые ковры ткет бабушка моя.
Красоте и точности узоров удивляюсь я.
Вот ковер, яркий, сказочный узор.
Это — синее небо,
Это — бараньи рога,
А это — цветы на склонах гор.
Красивые ковры ткет бабушка моя!
Вырасту, научусь и я.

***Вы решили, кем будете,
когда вырастете?
А Родион КУКТОВСКИЙ из Уфы
уже решил.
Он хочет стать
капитаном дальнего плавания.
Вот почему в своих стихах
он чаще всего пишет о морях
и кругосветных путешествиях.***

НА ПРИЧАЛЕ

На причале многолюдно —
Провожают в поход судно.
И оно, с волною споря,
Поплывет в чужое море,
Уйдет в дальние края...
В провожающих и я.
Может быть, и я когда-то
Уплыву на нем куда-то...

Слава ПАПИН живет в городе Соль-Илецке, учится в пятом классе.
Он уверен, что его бабушка самая добрая, самая хорошая.
Она старенькая, часто болеет, и Слава заботится о ней,
помогает ей во всем.
И свои стихи он тоже сначала читает бабушке,
а потом уже своим друзьям.

СОСУЛЬКА

Стучат сосульки звонко
друг о дружку,
И в звоне этом музыка слышна.
Я снял одну сосульку,
как игрушку,
Какая же холодная она.
В моих руках
ты спрячься поскорее,
Тебя живым теплом я обогрею.

ВЕСНА

Скворцы прилетели и
заняли гнезда,
Веселые песни поют.
И стали большими
и яркими звезды.
И люди
пораньше встают.

Семиклассник Алеша МАКУРИН
из Пензы
считает, что самое лучшее
время в году—каникулы.
Какие? И зимние, и летние,
и осенние, и весенние.
Их всегда так ждешь!
— А хотел бы ты,
чтобы круглый год
были каникулы?—
спросили мы его.
— Нет,—ответил Алеша,—
ведь тогда нечего было бы ждать,
да и отдыхать целый год
тоже скучно.
В ожидании весенних каникул
Алеша сочинил про них стихи.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

Как долго тянется урок,
Скорей бы он кончался,
А ведь прошло лишь
пять минут
С тех пор, как он начался.
Слежу за стрелкою часов:
«Беги быстрей
в конце концов!»
И вот звонок
Ворвался в класс...
Ура! Каникулы у нас!

ВЕСЕННИЕ КАНИКУЛЫ

Бегут по лужам дети,
Забыв про все на свете...
Еще бы не сойти с ума,
Когда закончилась зима!
Каникулы настали!
Мы их так долго ждали.

«Для меня в прошлом году
самым радостным днем было 17 января.
В этот день мы нашли на улице щенка
и взяли его в дом,—
пишет нам Виталик КАЗЬМИН.—
Когда я в первый раз увидел щенка
у себя дома, то так обрадовался,
что даже стихотворение про него
сочинил».
Виталик живет в Новосибирске,
ему девять лет.

МОЙ ЩЕНОК

Я пришел домой сегодня,
Мама мне и говорит:
— Посмотри, кто там под стулом
В твоей комнате сидит.
Я глазам своим не верю:
Сколько я родных просил,
Чтобы мне такого зверя
Кто-нибудь из них купил.
И сбылась мечта моя:
Славный песик у меня!

«Парашютисты».
Рисунок Феди СОКОЛОВА.

Света и Наташа ГУГНИНЫ из Алмалыка тоже давно мечтали завести собаку. Раньше у них жили хомяки, ежи, черепахи, рыбки, а вот собаки не было, и, когда в доме появилась Джуля, сестрички очень обрадовались. Джуля оказалась проказницей: то вещи со стола стащит, то тапочки изгрызет. А однажды... Что было однажды, об этом говорится в рассказе Светланы.

Однажды купили мы с мамой десять килограммов муки и поставили ее в кладовку. Ушли мы на концерт в музыкальную школу, а дверь в кладовку закрыть забыли. Приходим... Что такое?

Весь пол белый, будто снег выпал, а среди этого «снега» стоит Джуля, вся в муке, как в снежной шубе. Усы похожи на заснеженные веточки елки, а на губах у нее уже тесто образовалось. И на носу лепешка из теста. Вид у Джули был очень смешной, но мы стояли как вкопанные, не зная, что нам делать, смеяться или плакать. Мама говорит:

— Я приду, чтобы все блестело, а если нет, то духа Джули здесь больше не будет!

И сама на дежурство ушла. Мы с Наташей стали убирать. Торопимся, сами не лучше Джули стали. Кое-как муку смели, а когда мыть пол стали, вся мука на тряпке сразу в тесто превратилась. На руках — тесто, на ногах — тесто, все липнет. В общем, досталось нам! Раз пять пол мыли, а потом еще Джулю отмывали. Но к маминому приходу все убрали. Сели ужинать, а есть сил нет. Только Джуля, как ни в чем не бывало, спокойно ест себе из миски, словно ничего и не случилось.

Оля ШЕМАЕВА из Ялты занимается в музыкальной школе, любит рисовать, петь и писать стихи о музыке.

МУЗЫКА

У дома толпа собралась.
Ветер плащи рвал,
а все стояли...
Никогда не забуду:
Из дома музыка лилась,
подобно чуду.
На рояле кто-то играл,
Играл с душою, вдохновенно.
И ветер стих,
как будто знал,
Что люди слушают Шопена.

«Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».
Рисунок Лены БОРИСОВОЙ.

Таня КОЗЛОВА, шестиклассница из Баку, давно мечтала побывать в Ленинграде. И вот Таня и мама едут в Ленинград. Стучат колеса, покачивается вагон, а за окном — луна. Если на нее долго смотреть из окна вагона, то кажется, что это не луна, а жеребенок, распушив гриву-облака, спешит обогнать поезд.

У ОКНА ВАГОНА

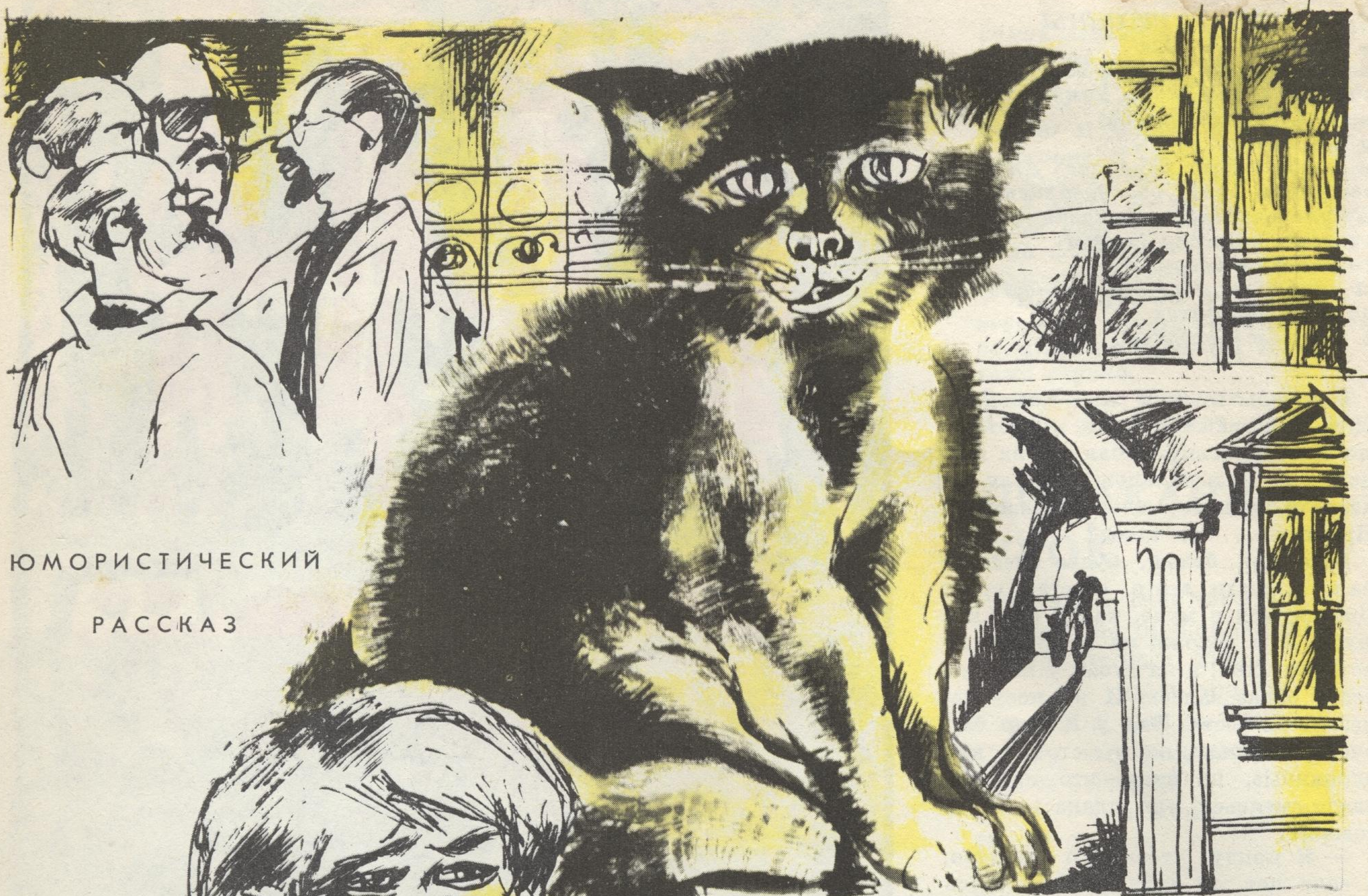
Поезд по дороге мчится быстро,
Я сижу на полке у окна,
Резво, жеребенком золотистым
За вагоном гонится луна.
Кажется, я слышу: дробно, звонко
Мой конек копытцами стучит.
Ветер треплет челочку тихонько,
Рыжий хвост легонько шевелит.

«Весной не бывает плохого настроения,— пишет Таня.— А от весеннего солнышка, от ласкового ветерка и даже от луж становится совсем радостно».

* * *

В теплый первый день такой
Хочется запрыгать,
Хочется погладить
Почки по щекам.
А вчера под вербою
Чудо мы увидели:
Три травинки тоненькие
Вылезают там.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Говорил кот *или* нет?

Евгений РЕЙН

Рисунок Н. ТОДОРОВА.

Эту историю рассказал Леня Летаев. Будто бы все так было.

Сидел Леня дома, к экзаменам готовился. Ну, скучно, конечно. Экзамен-то завтра. Все может случиться: билет какой-нибудь неинтересный попадется или шпаргалка потеряется, мало ли что?

Нет, решил Ленька, в таком состоянии нельзя готовиться, надо, чтоб настроение было хорошее.

Стал Леня прыгать через стулья — надоело. В буфет полез, достал сушеные сливы и стал их к потолку подкидывать. Слива о потолок шлеп, а Ленька стоит с открытым ртом и ловит ее прямо зубами. Только Ленька целый кулек слив подбросил, а поймал всего две. И не стало от этого Леньке веселее. Собрал он сливы с пола, положил обратно в буфет, а сам сел на диван и задумался. Скучно, один он дома, совсем один, если не считать, конечно, кота Бонапарта. И зачем это мама такое имя коту придумала, когда он еще котенком был?! Правда, никто кота так не называет, зовут просто Боней. «Боня, Боня, кис, кис, кис!» — И Боня уже тут как тут.

Весь он серый, пушистый, мягонький, как мамина шуба нейлоновая.

Вспомнил Леня про кота и задумался: какой-то странный Боня стал. Не прыгает, как раньше, мышей не ловит, все время в столовой на диване сидит, ну да вот на этом самом диване. Оглянулся Леня, а кот спит на валике. «Поспать и мне, что ли?» — подумал он. И в ту же минуту закинул ноги на диван, голову положил на Боню и заснул.

Спит он и слышит, кто-то будит его:

— Вставай, бездельник, провалишь завтра сочинение, вот и пропало твое лето. Никуда тебя не возьмут, будешь все лето заниматься!

Дядя Костя обещал Леньку взять в путешествие в карпатские горы на «Москвиче», далеко.

Ленька прямо подпрыгнул от ужаса.

— Нет, нет, — закричал он, — это я просто так, на минуточку прилег для повторения приставок, я вовсе не сплю.

Вскочил он и видит: в комнате никого нет, дверь закрыта, полтретьего на часах.

— Кто тут? — спросил Леня. — Кто это говорил?

Никто не отвечает.

«Приснилось мне, что ли? — подумал он. — Тогда все в порядке, еще поспать можно». — И направился к дивану.

И вдруг он снова услышал тот же голос:

— Опять спать? Вот увидишь, завтра провалишься, готов поспорить на блюдечко сметаны.

Тут Ленька ужасно разозлился.

— Какой сметаны? — закричал он. — Кто это здесь прячется? Ну, выходи, не то хуже будет!

— Мне-то что, тебе хуже будет, — продолжал голос, — в путешествие тебя не возьмут, факт.

— Ах, так, не показываешься! Хорошо, вот я сейчас милицию вызову! — И Ленька направился к телефону. Но только он набрал первую цифру, как услышал за спиной какой-то странный смех, похожий на мурлыканье.

От страха трубка выскочила из Ленькиных рук и повисла на шнуре, а сам он уткнулся носом в чернильное пятно на обоях и чуть было не заплакал.

— Ладно, Ленька, — снова заговорил этот тип. — Просто я хотел предупредить тебя насчет завтрашнего сочинения.

Тут Ленька не выдержал и заорал во все горло:

— Кто это? Как вас зовут?

— Меня зовут Бонапарт, и ты это знаешь не хуже меня.

И тут Ленька успокоился.

«Наверно, кто-нибудь из соседей меня разыгрывает», — решил он и обернулся.

И что же он увидел? На валике дивана, выгнув спину, стоял кот Бонапарт.

— Не бойся, — сказал кот, — я не хотел тебя испугать, приди, пожалуйста, в себя, ничего особенного не случилось.

— Как не случилось! — пробормотал Ленька. — Ведь это ты разговаривал со мной?

— Это чепуха, — сказал Бонапарт, — не обращай внимания. Давай лучше я помогу тебе к сочинению готовиться.

— А как ты говорить научился? — спросил Ленька и погладил Боню по спинке растерянно и почтительно.

— В другой раз, в другой раз, — сказал Боня, — теперь за дело.

Они уселись на диване и стали повторять приставки. Леня объяснял правила, а кот следил по учебнику и поправлял его. К вечеру Ленька уже знал всю грамматику прямо-таки назубок.

...На другой день, ровно в девять часов, Леня начал писать сочинение. Он выбрал тему: «Самое удивительное событие в моей жизни».

«Я живу с говорящим котом Боней, у него очень хорошая дикция», — начал он свое сочинение. И дальше рассказал, как было дело.

Получилось сочинение о настоящем волшебном событии. И даже ошибок было не так уж много, но все равно поставили Леньке двойку. За глупые выдумки — раз, за то, что не знает, как пишутся суффиксы, — два, за несерьезное отношение — три.

И хотя все остальное Ленька сдал хорошо, дядя Костя все равно не взял его на Карпаты. Ленька остался на лето в городе. Один остался, если не считать Бони и бабушки.

Но бабушка часто уезжала на дачу, а Боня с тех пор, как стал говорящим котом, вел себя совершенно независимо.

Как вы думаете, обидно было Леньке? Обидно, и еще как!

«Ну, ничего, — решил про себя Леня, — я и тут не пропаду. Вернутся они осенью, а я в цирке выступаю: «Руководитель группы говорящих котов Леонид Летаев. В программе басня Крылова «Кот и повар»! Или нет, пойду-ка я лучше в научный институт, там за Боню схватятся. Попросят меня сделать доклад. Я выйду на сцену, позвоню в колокольчик, и все кругом зааплодируют».

И тут же Ленька снял трубку и позвонил в институт.

В институте все переполошились, велели немедленно привезти кота.

— Боня, собирайся! — крикнул Ленька.

— Куда? — спросил Боня.

— В одно место, так, ничего особенного.

— Послушай, Леня, я хочу с тобой поговорить. — Тут Бонапарт фыркнул, оттолкнулся от валика и взлетел на шкаф. — Так вот, — продолжал он со шкафа, — хотя я всего лишь кот и говорить стал совсем недавно, но я не люблю хвастунов. Зря ты написал про меня в сочинении. Да ты и сам видишь, что из этого получилось. Я тебя очень прошу, больше никогда не рассказывай про меня. Я начинающий говорящий кот, и мне еще надо много трудиться. Когда-нибудь, может быть, мы и покажемся людям...

— Ладно, ладно, слезай со шкафа, и поехали! — приказал Ленька.

— Смотри же, — фыркнул кот и прыгнул прямо на Ленькино плечо.

Ленька посадил кота в хозяйственную сумку, застегнул до самой его головы «молнию», и они вышли на улицу.

По правде сказать, Ленька не обратил внимания на слова Бони. Ему хотелось доказать, что он не какой-нибудь обыкновенный двоечник. Пусть люди кругом говорят: «Да, Летаев провалил сочинение, но он был очень занят магнитоводолазными опытами со знаменитым котом, и вы слышали, теперь его берут прямо в Академию наук».

Вот так думал Ленька, пока трамвай вез его к Аптекарскому острову, где находился институт.

В вестибюле Леню ожидал лысый человек в белом халате.

— Наконец, наконец-то, — сказал он, — а мы вас заждались. Наденьте, пожалуйста, халат и следуйте за мной.

И он повел Леню по длинному белому коридору.

— Милости прошу, — вдруг сказал он и распахнул перед Ленькой дверь.

Ленька чуть было не выронил сумку с котом, когда увидел, что посреди комнаты за столом сидят одиннадцать седых старичков и от нетерпения пощипывают бородки.

«Все, — подумал Леня, — сейчас Бонапарт заговорит, и я стану знаменитым!»

В этот момент один из старичков сказал:

— Дорогой Леня, мы рады приветствовать тебя в нашем институте. Поразительное научное сообщение, которое ты сделал сегодня по телефону, крайне взволновало нас, и мы просим тебя поскорее показать нам это чудо природы.

— Я начинаю вести протокол заседания, — важно произнес один из присутствующих, — предоставляю слово Летаеву Леониду Петровичу.

Ленька поставил сумку с Боней на стул и сказал:

— Уже два года я занимаюсь не только уроками, но и обучаю некоторых млекопитающих устному русскому языку. Сейчас перед вами выступит один из моих учеников. Ученик способный, но ленивый, если бы он хотел, мог бы заниматься гораздо лучше.

— Будут ли вопросы к товарищу Летаеву? — спросил Лысый.

— Конечно, конечно, — заволновались старички, — как зовут это поразительное животное?

— Я назвал его Бонапартом, — сказал Ленька, — так как в будущем рассчитываю сделать его специалистом по французскому языку.

— Над чем вы работаете сейчас? — последовал второй вопрос.

— Сейчас я готовлюсь к сочинению, — ответил Ленька, но тут же спохватился: — Я хотел сказать, что я обучаю своих питомцев русскому письменному.

— Браво, браво! — закричали все.

— А сейчас слово предоставляется, — объявил председатель, — первому в мире говорящему коту.

— Прошу вас, скажите нам что-нибудь!

Все затаили дыхание.

Кот лениво прошелся по столу, понюхал цветы в вазе, зевнул, но не произнес ни слова.

В комнате стояла тишина.

— Что же ты молчишь, котик? — сказал председатель. — Товарищ Летаев, будьте добры, успокойте его, может, ему хочется сметаны или сливок, я сейчас же принесу.

— Что ж ты молчишь, говори! — шептал Ленька. — Скажи, Бонечка, миленький, ну хоть одно словечко! Хоть полслова, ведь ты меня губишь!

Ленька не выдержал и изо всех сил дернул кота за хвост. Боня мяукнул на всю комнату.

— Какие глупые шутки! — сказал кто-то. — Этот мальчик вздумал смеяться над нами. Как не стыдно! Секретарь, пожалуйста, проводите его к выходу.

Леню схватили за руку и потащили к двери.

— Он говорит, правда, говорит, — закричал Леня, — он только скрывает!

Ничего не видя из-за слез, Леня вышел на улицу и только тут заметил, что в руках у него кошелка с Бонапартом.

Ленька натолкнулся на скамейку и присел передохнуть.

— Что ты наделал?! — обратился он к коту. — Опозорил меня на весь свет.

— Я тебя предупреждал, — сказал кот. — Сам виноват: не надо хвастаться.

— Ну что тебе стоило сказать это там? Ведь ты в самом деле говорящий кот.

— Ерунда, — сказал Боня, — я самый обыкновенный сибирский мяукающий кот. Кто тебе поверит, что я говорящий, какие у тебя доказательства?

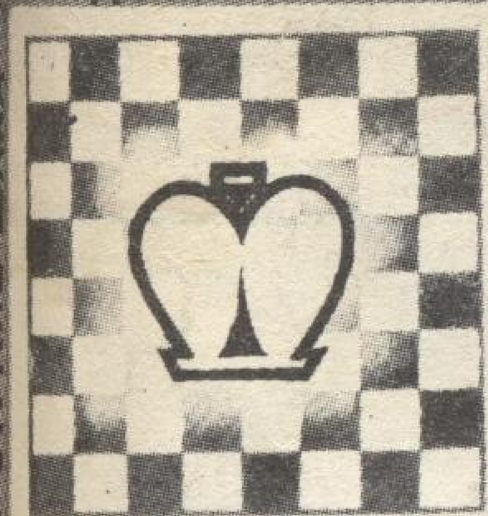
— Ах, так, — закричал Ленька, — ты у меня заговоришь по-другому!

И с этими словами замахнулся. Но он забыл, что сумка расстегнута. Кот выпрыгнул из нее и скрылся в кустах за скамейкой.

Вот какую историю рассказал мне Леонид Летаев.

Правда, он часто фантазирует... Мне говорили, будто Боня убежал оттого, что Ленька забывал кормить его.

Вот и все. До сих пор так и неизвестно, говорил кот или нет.

НОВАЯ ЧЕМПИОНКА СТРАНЫ

В июне 1971 года в Артеке проходил финальный турнир соревнований клуба «Белая ладья». Много команд оспаривали тогда победу, но ни одной не удалось остановить стремительное продвижение команды московской школы № 2. Она заслуженно заняла первое место. Особенно много очков завоевала семиклассница Аня Ахшарумова. Она смело и находчиво вела атаку и, что не менее важно, упорно защищалась в трудных положениях.

С тех пор Аня участвовала во многих соревнованиях.

На Спартакиаде школьников 1976 года в Алма-Ате Аня победила во всех восьми партиях, которые она играла.

Когда Аня стала студенткой Московского института физкультуры, к ее шахматным трофеям прибавился первый приз международного женского турнира.

Быстро растет класс игры талантливой шахматистки. Раньше у нее бывали подчас срывы: Аня не выдерживала напряжения длительной турнирной борьбы. Помогли занятия спортом. Аня занимается плаванием, бегает кроссы.

Недавно Аня Ахшарумова впервые выступила в соревнованиях на первенство страны среди женщин. Бесстрашно сражалась с чемпионкой мира Ноной Гаприндашвили и с такими опытными и сильными мастерами, как Нана Александрия и Ирина Левитина.

Аня завоевала золотую медаль. Пешкин поздравляет новую чемпионку Советского Союза Аню Ахшарумову.

Посмотрите, как атакует Аня Ахшарумова.

К этому положению пришла ее партия с Нино Гуриели. Черные основательно укрепились, но неожиданной жертвой ферзя белые взрывают их оборонительные укрепления.

События развивались так: 34. Фg4:e6! f7:e6 35. f6—f7 Лc5—c8 (черные напрасно пожадничали, упорнее было 35... Ф : f7 36. Л : f7 Cc8) 36. f7—f8Ф+ Лc8 : f8 37. Лf1 : f8 + Крh8—g7 (и здесь лучше было вернуть ферзя, сыграв 37... Фg8) 38. Kd4 : e6+ Крg7—h6 39. Cg3—f4+ g6—g5 40. Лf8—f6+ (теперь атака белых неотразима) 40... Фh7—g6 41. g2—g4! (красивый ход, решающий исход сражения) 41... g5 : f4 42. Лf6 : g6+ Крh6 : g6 43. Ke6 : f4+ Крg6—g5 44. g4 : h5!

Положение черных безнадежно. Они не могут взять коня, потому что пешка «h» прорвется в ферзи. Черным ничего больше не оставалось, как сдаться.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Пешкин предлагает вам два новых задания.

Эту задачу составил бывший чемпион мира Александр Алехин.

Как, по-вашему, начиная игру, белые дают мат в три хода?

А эта задача составлена много лет назад американским мастером В. Шинкманом. В ней много остроумных вариантов при минимальном количестве фигур и пешек.

(Диаграмма № 3)

Как, начиная игру, белые дают мат в два хода?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Задача-двухходовка в № 2 «Пионера» решается красивым ходом 1. Крf7.

В этюде к цели ведет такое продолжение: 1. Cf2! Л : h5 2. Cb6 Лh3 3. Cc5 Лh1 4. Cc4 Лh3 5. Cb2!, и пешка a6 прорывается в ферзи.

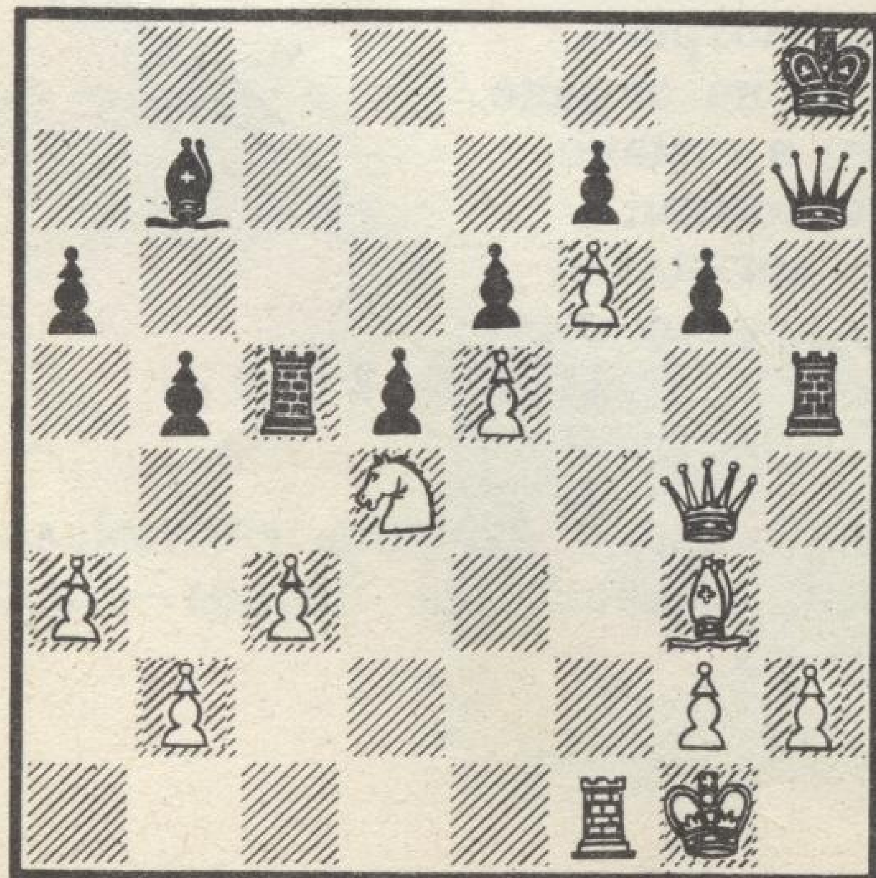
ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

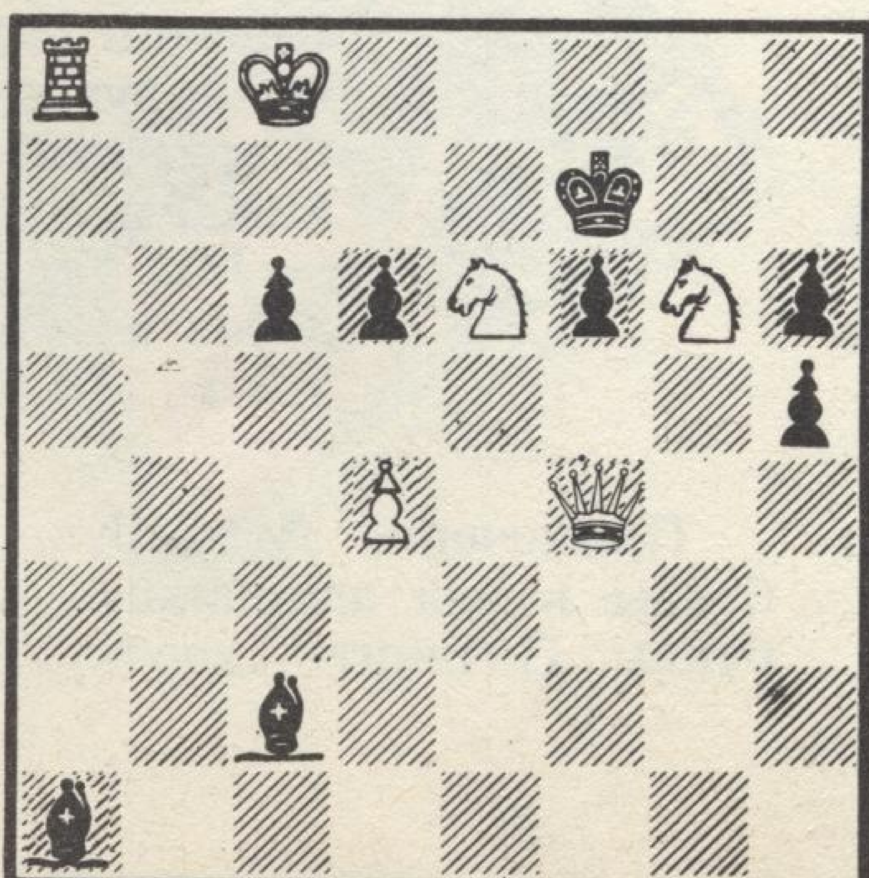
Судейская коллегия подвела итоги заочного конкурса Пешкина, проходившего в прошлом году.

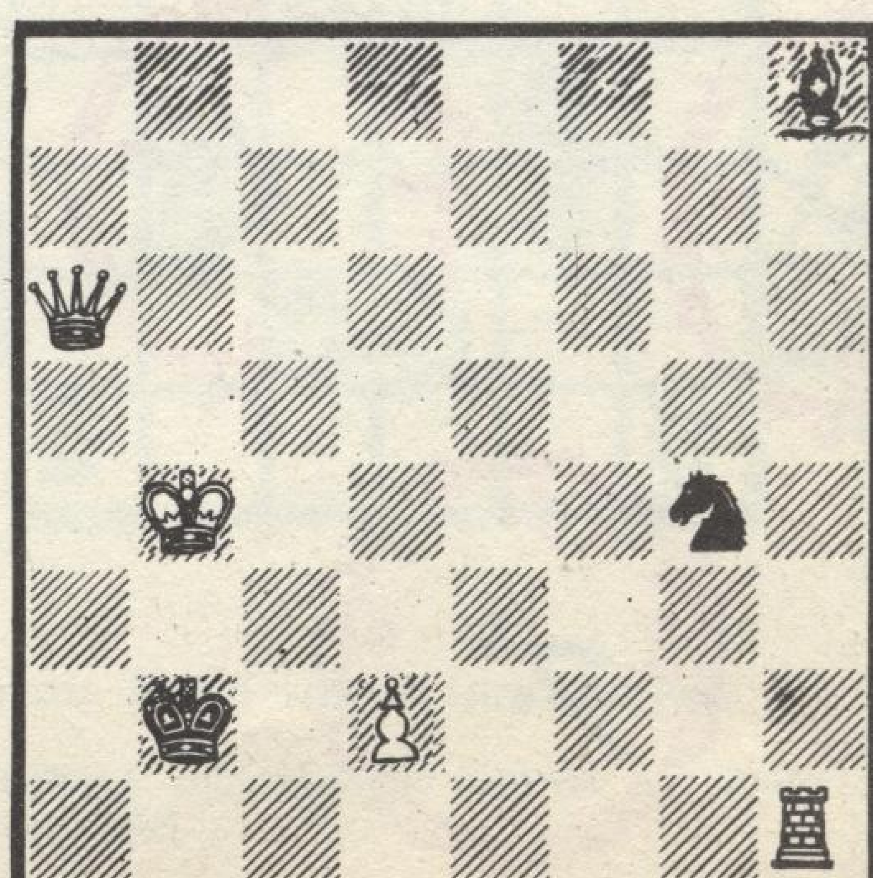
Многие ребята получили спортивные разряды.

Значительных успехов добились **Алеша Янчак** (с. Малиновка, Витебской области), **Павел Матвиенко** (с. Староселье, Волгоградской области), **Игорь** и **Олег Стенины** (станица Северская, Краснодарского края), **Александр Мартынюк** (с. Баловное, Николаевской области), **Сережа Нечаев** (г. Катайва, Томской области), **Реннат Ханнатов** (г. Кумер-Тау, Башкирия), **Женя Чигирев** (п. Кадошкино, Мордовская АССР), **Лена Полканова** (г. Новочебоксарск), москвичи **Володя Позняк** и **Алексей Сорокин**, **Игорь Бездетко** (г. Липецк), **Андрей Трегуб** (г. Красноярск), **Володя Москальченко** (г. Люберцы, Московской области).

Пешкин получил немало писем с правильными решениями от ребят из других стран. Судейская коллегия наградила «Грамотой ферзя и ладьи» **Зигмунда Матушевского** из польского города Василькув.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Который час?

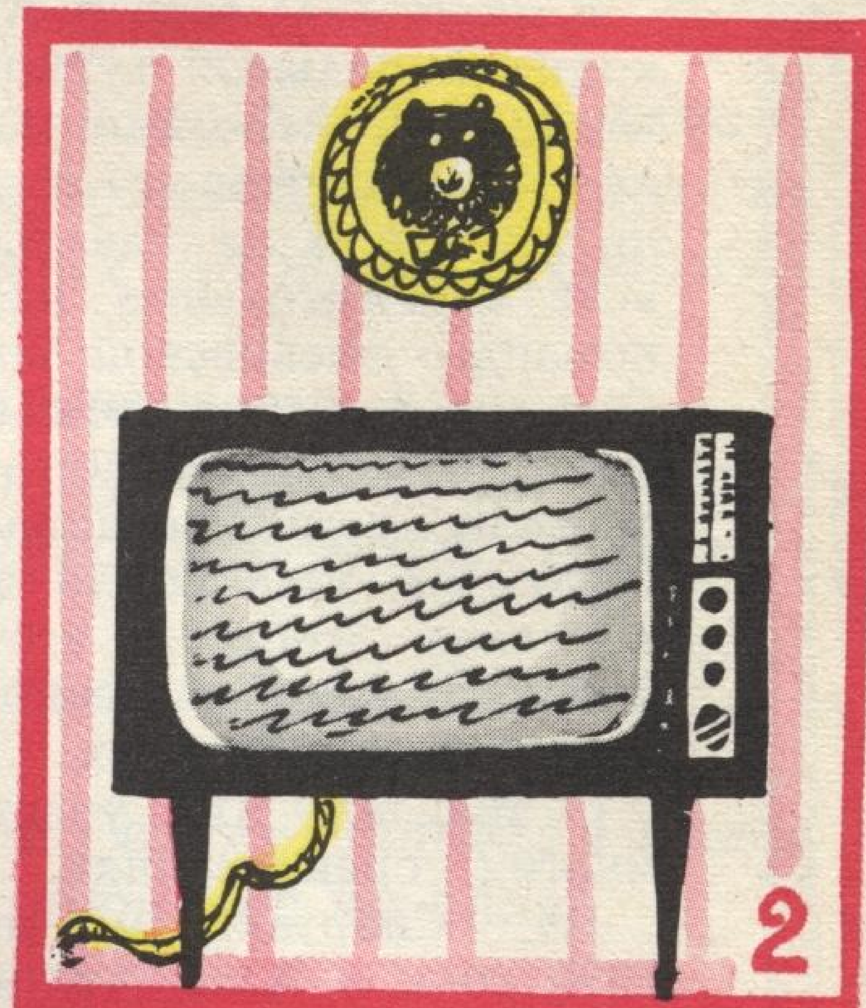
Я вчера от Зазеркалья
Взял ключи у мудрых сов.
В полумраке там сверкали
Циферблаты трех часов.
Я хочу спросить у вас:
На каких который час?

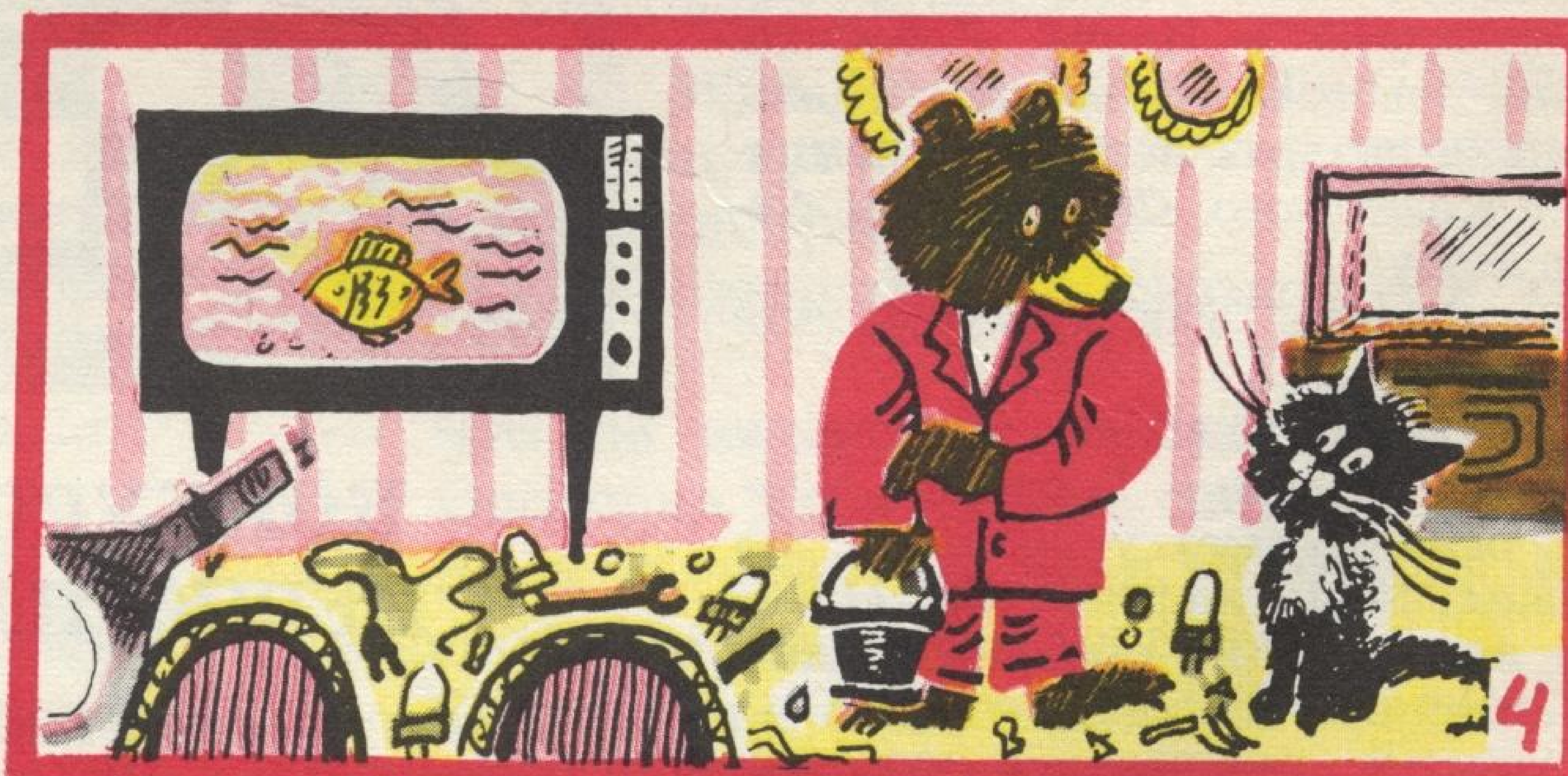
Капитан Перо

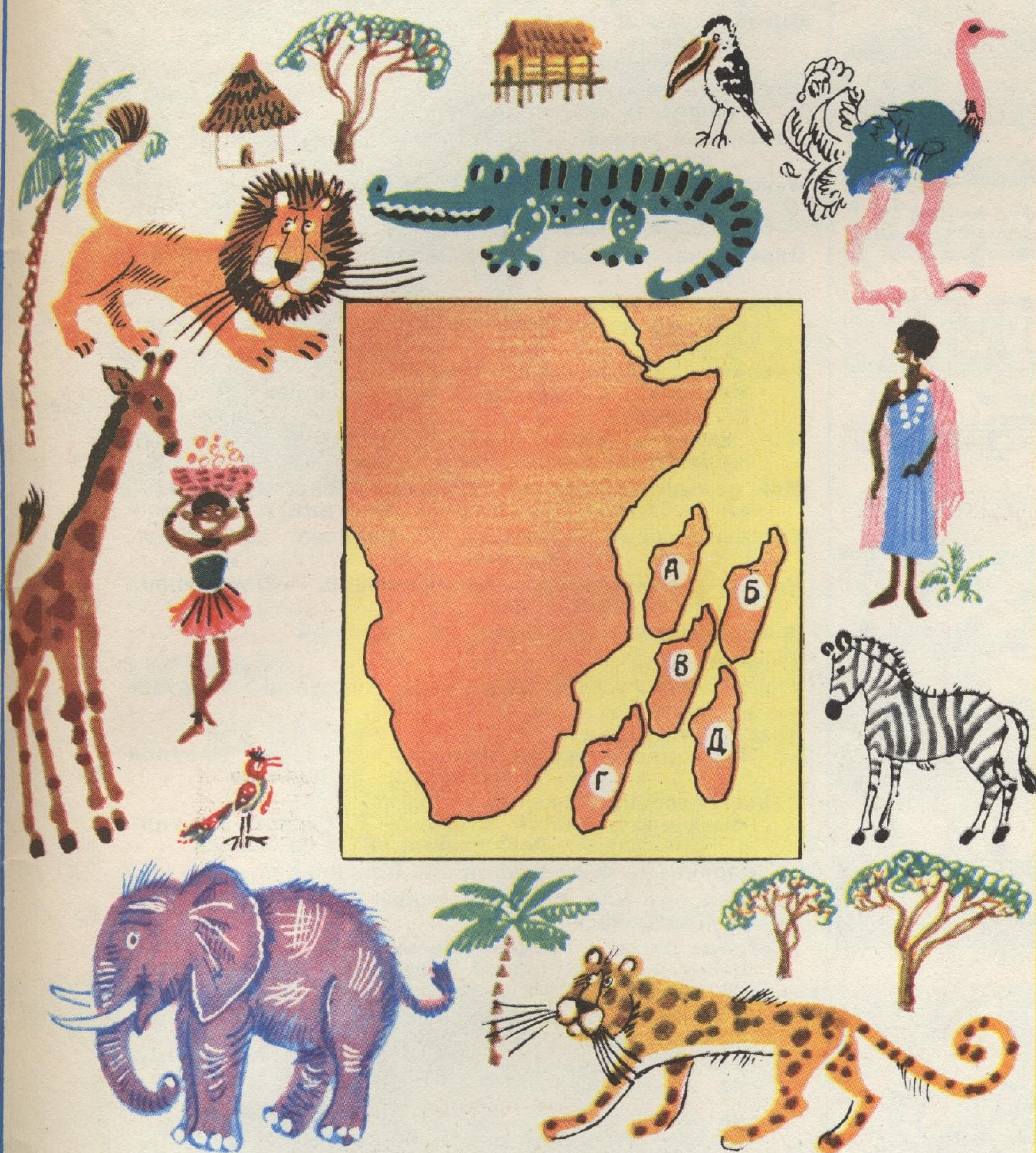
Почините строчку!

Довольны кошка и медведь:
Приятно сказку посмотреть.
Но вдруг щелчок, и на экране
Старик рыбак исчез в тумане.
Медведь упрям, неутомим:
— Мы эту сказку доглядим!
Зовет он кошку в кресло сесть:
1 2 1 3 4 12 6 7 7 6 10 11 4 8 7 3 9 5!

Примечание Деда Буквоеда: Последняя строчка «поломалась», все буквы в ней заменились цифрами, одинаковые цифры — одинаковые буквы. Почините строчку!

5 Мадагаскаров

Вопрос: без атласа, без карты,
За полминуты — срок немал —
Найдешь ли тот Мадагаскар ты,
Который с места не сбежал?

Не изменяет мне отвага,
Хотя ботинки так скользят,
Что через каждые три шага
Два шага делаю назад.

Одиннадцать шагов до цели,
До Пика Горных Смельчаков!
А сколько же на самом деле
Вперед я сделаю шагов?

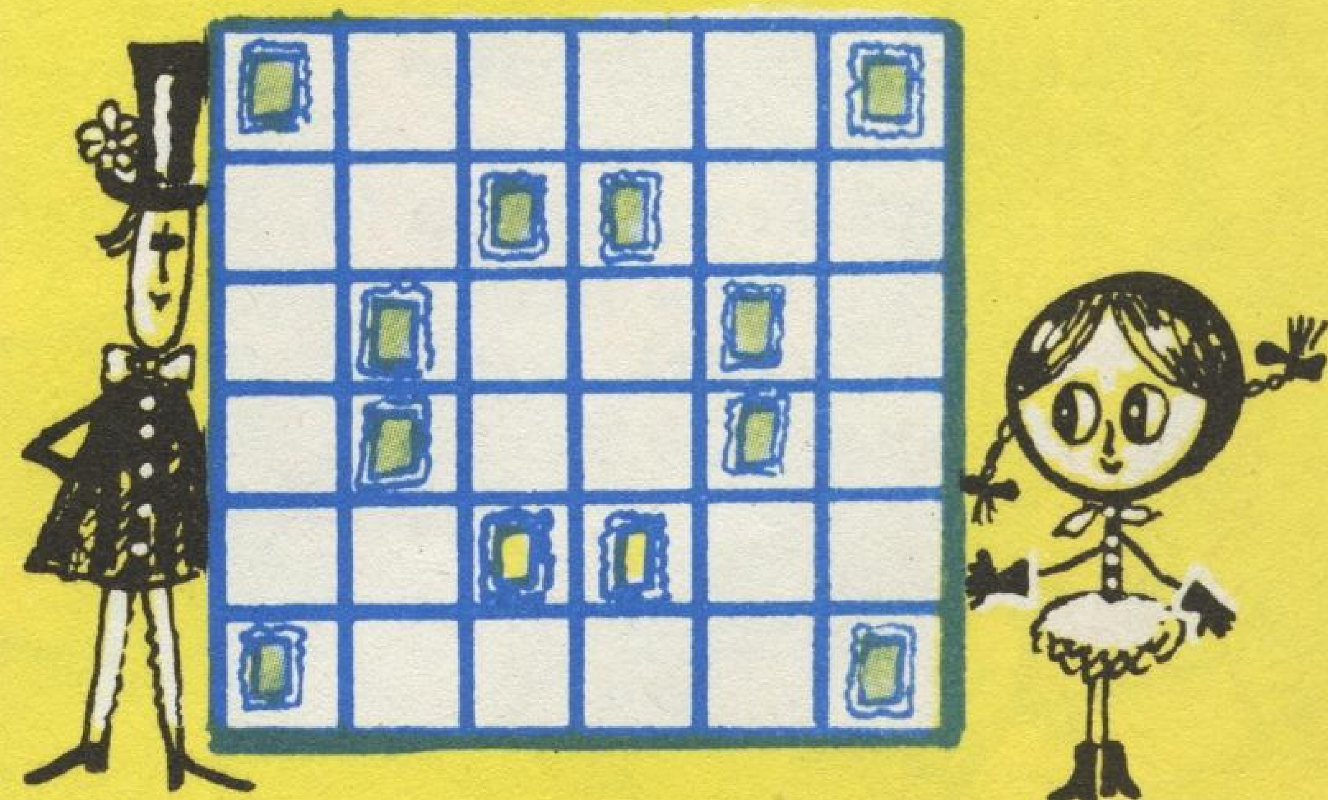
Пятнадцать? Двадцать? Двадцать восемь?
Тридцать четыре? Тридцать пять?
Зачем гадать? Не трудно вовсе
Сообразить и рассчитать!

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

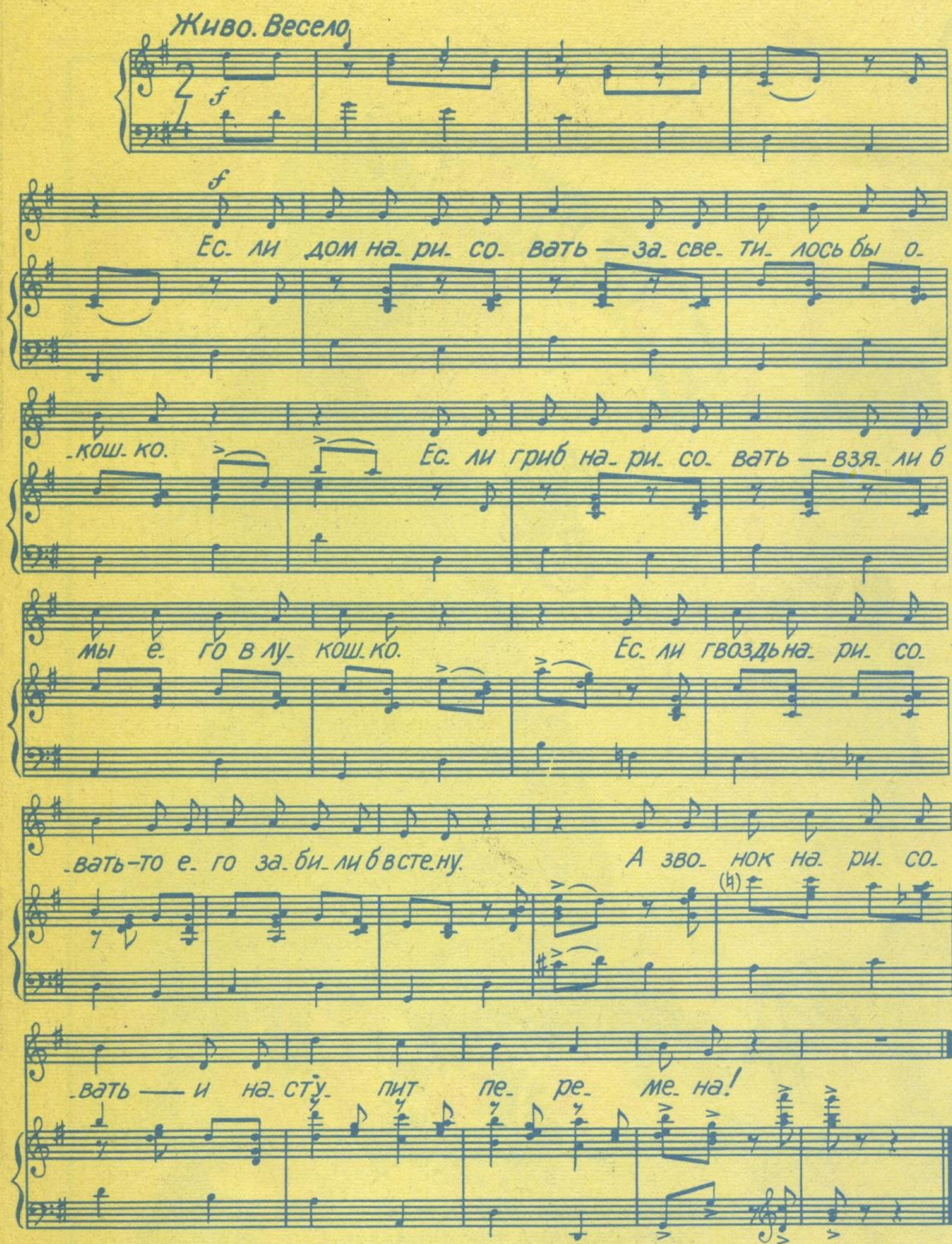
Игры Лупы и Пинцета

Так не годится!
Вот так хорошо:

Капитан Перо ищет помощника

Встреча состоится через 15 дней, то есть 20 февраля.

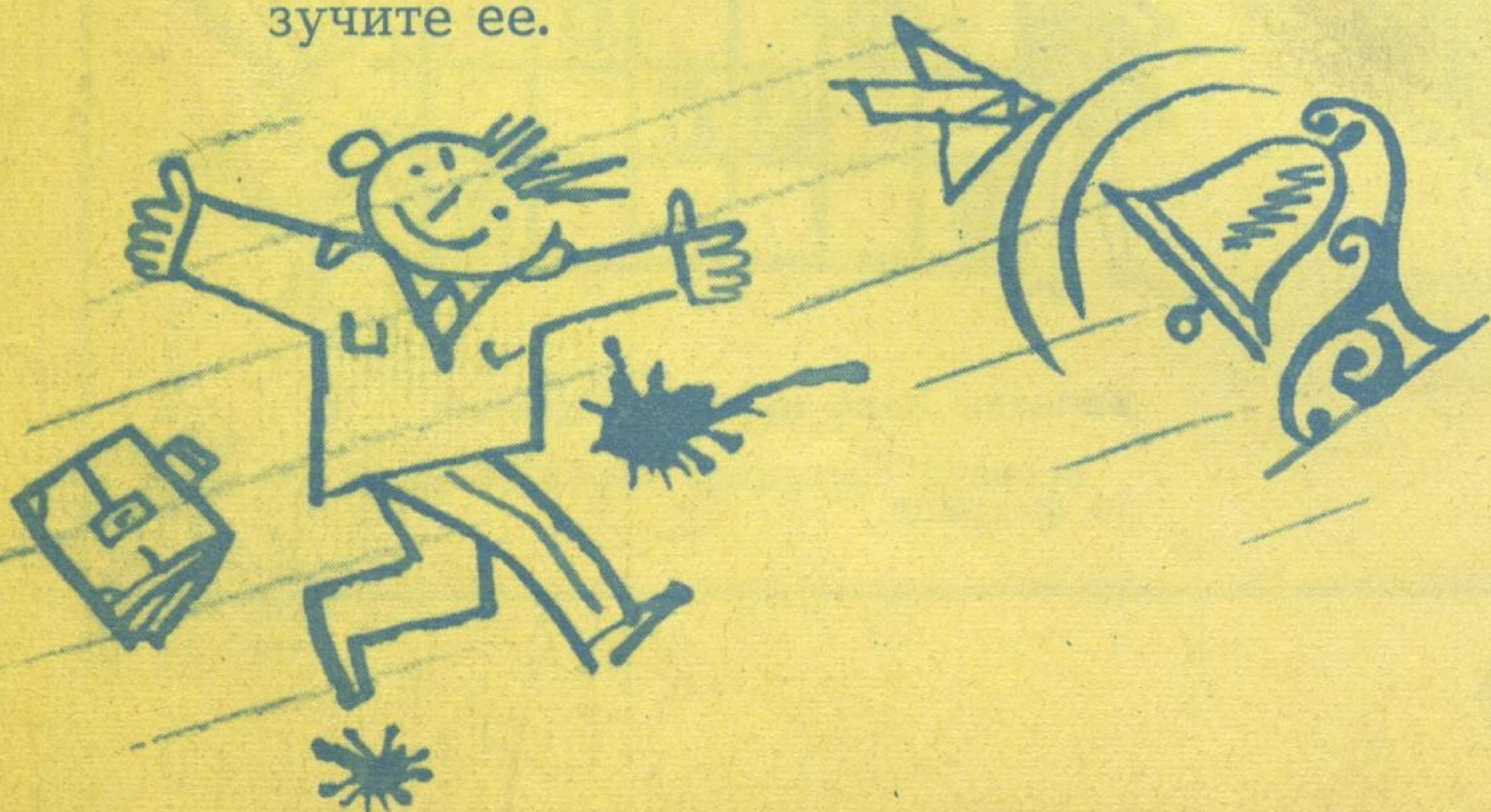

ВОЛШЕБНЫЙ КАРАНДАШ

Девочка сочинила стихотворение, назвала его «Волшебный карандаш» и прислала в «Пионер». Стихи всем понравились, их напечатали в «Кораблике». Прошло много лет. Девочка выросла, а ее детское стихотворение продолжает жить: оно вошло в книжку «Кораблик», которую в прошлом году выпустило издательство «Детская литература».

Теперь композитор М. Бак написал к нему музыку. Ноты перед тобой. А на обложке стихи Марины, которые стали песенкой. Разучите ее.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-47, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28/XII 1976 г. А 05015.
Подписано к печати 31/I 1977 г. Формат 84×60$^{1}/_{8}$.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 498. Заказ № 3290.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

С НАЧАЛА ОПЕРАЦИИ «МИЛЛИОН — РОДИНЕ!» РЕБЯТА СОБРАЛИ ПОЧТИ ПОЛМИЛЛИОНА ТОНН МАКУЛАТУРЫ! СБЕРЕГЛИ ОТ ВЫРУБКИ 20 000 ГЕКТАРОВ ЛЕСА!

Операция «Миллион— Родине!»— продолжается

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Этот номер «ПИОНЕРА»
напечатан на бумаге,
собранной пионерами
Горьковской области.
335 С ПОЛОВИНОЙ ТОНН БУМАГИ
идет на один номер журнала,
а ребята собрали
более ТЫСЯЧИ ТОНН.
Спасибо вам, юные горьковчане!

ВОЛШЕБНЫЙ КАРАНДАШ

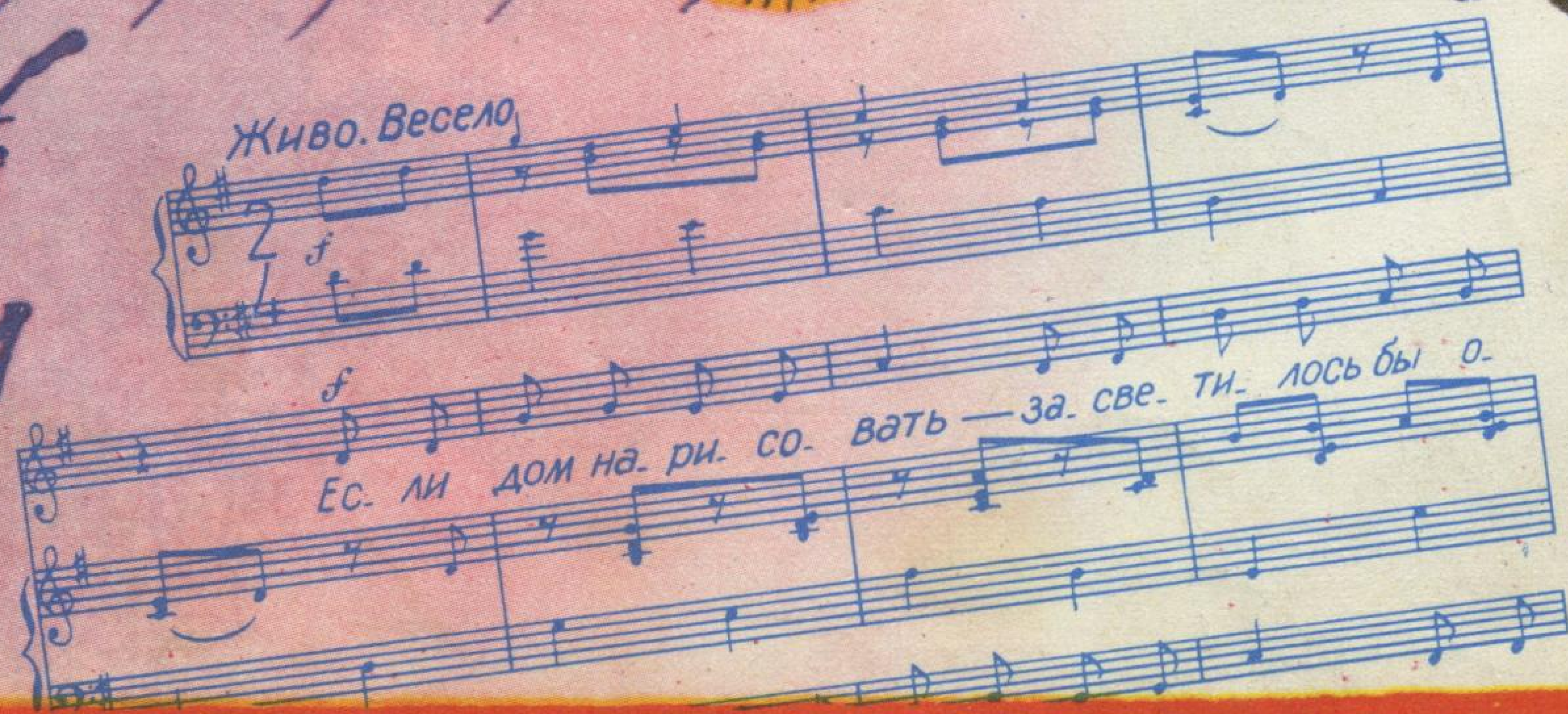
Если дом нарисовать —
Засветилось бы окошко.
Если гриб нарисовать —
Взяли б мы его в лукошко.
Если гвоздь нарисовать —
То его б забили в стену.
А звонок нарисовать —
И наступит перемена!

Марина Берестова, 13 лет

Рисунок А. АЗЕМШИ.

Ноты этой песенки напечатаны на стр. 80.

Перемена!!

Цена 25 коп.
Индекс 70694